

84Р6
А 72

ВИКТОР ДРАГУНСКИЙ

**ПОЮТ
КОЛЁСА
ТРА-ТА-ТА...**

Л

*Издательство
«Детская литература»
Москва 1968*

ПОЮТ КОЛЁСА

РИСУНКИ Ю. ЗАЛЬЦМАНА

ТА - ТА - ТА...

Драчунки

Р А С С К А З Ы

Дорогие ребята! В этой книге вы прочитаете весёлые рассказы о мальчике Дениске. Дениска — весёлый, честный, искренний мальчик, он не унывает, даже когда ему трудно, и всегда умеет разобраться в том, где правда, а где ложь. С этим мальчиком случаются удивительные и забавные истории, о которых вам интересно будет узнать и которые заставят вас задуматься — о себе, о своих товарищах и о том большом мире, где вы живёте.

Отзывы об этой книге присылайте по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

„**О**н живой и светится...“

Однажды вечером я сидел во дворе, возле песка, и ждал маму. Она, наверно, задерживалась в институте, или в магазине, или, может быть, долго стояла на автобусной остановке. Не знаю. Только все родители нашего двора уже пришли, и все ребята пошли с ними по домам и уже, наверно, пили чай с бубликами и брынзой, а моей мамы всё ещё не было...

И вот уже стали зажигаться в окнах огоньки, и радио заиграло музыку, и в небе задвигались тёмные облака — они были похожи на бородатых стариков...

И мне захотелось есть, а мамы всё не было, и я подумал, что, если бы я знал, что моя мама хочет есть и ждёт меня где-то на краю света, я бы моментально к ней побежал, а не опаздывал бы и не заставлял её сидеть на песке и скучать.

И в это время во двор вышел Мишка. Он сказал:

— Здорóво!

И я сказал:

— Здорóво!

Мишка сел со мной и взял в руки самосвал.

— Ого! — сказал Мишка. — Где достал? А он сам набирает песок? Не сам? А сам сваливает? Да? А ручка? Для чего она? Её можно вертеть? Да? А? Ого! Дашь мне его домой?

Я сказал:

— Нет, домой не дам. Подарок. Папа подарил перед отъездом.

Мишка надулся и отодвинулся от меня. На дворе стало ещё темнее.

Я смотрел на ворота, чтоб не пропустить, когда придёт мама. Но она всё не шла. Видно, встретила тётю Розу, и они стоят и разговаривают и даже не думают про меня. Я лёг на песок.

Тут Мишка говорит:

— Не дашь самосвал?

Я говорю:

— Отвяжись, Мишка.

Тогда Мишка говорит:

— Я тебе за него могу дать одну Гватемалу и два Барбадоса!

Я говорю:

— Сравнил Барбадос с самосвалом...

А Мишка:

— Ну, хочешь, я дам тебе плавательный круг?

Я говорю:

— Он у тебя лопнутый.

А Мишка:

— Ты его заклеишь!

Я даже рассердился:

— А плавать где? В ванной? По вторникам?

И Мишка опять надулся. А потом говорит:

— Ну, была не была! Знай мою доброту! НÁ!

И он протянул мне коробочку от спичек. Я взял её в руки.

— Ты открой её, — сказал Мишка, — тогда увидишь!

Я открыл коробочку и сперва ничего не увидел, а потом увидел маленький светло-зелёный огонёк, как будто где-то далеко-далеко от меня горела крошечная звёздочка, и в то же время я сам держал её сейчас в руках.

— Что это, Мишка, — сказал я шёпотом, — что это такое?

— Это светлячок, — сказал Мишка. — Что, хорош? Он живой, не думай.

— Мишка, — сказал я, — бери мой самосвал, хочешь? На-

всегда бери, насовсем! А мне отдай эту звёздочку, я её домой возьму...

И Мишка схватил мой самосвал и побежал домой. А я остался со своим светлячком, глядел на него, глядел и никак не мог наглядеться: какой он зелёный, словно в сказке, и как он хоть и близко, на ладони, а светит, словно издалека... И я не мог ровно дышать, и я слышал, как стучит моё сердце и чуть-чуть колото в носу, как будто хотелось плакать.

И я долго так сидел, очень долго. И никого не было вокруг. И я забыл про всех на белом свете.

Но тут пришла мама, и я очень обрадовался, и мы пошли домой. А когда стали пить чай с бубликами и брынзой, мама спросила:

— Ну, как твой самосвал?

А я сказал:

— Я, мама, променял его.

Мама сказала:

— Интересно! А на что?

Я ответил:

— На светлячка! Вот он, в коробочке живёт. Погаси-ка свет!

И мама погасила свет, и в комнате стало темно, и мы стали вдвоём смотреть на бледно-зелёную звёздочку.

Потом мама зажгла свет.

— Да, — сказала она, — это волшебство! Но всё-таки как ты решился отдать такую ценную вещь, как самосвал, за этого червячка?

— Я так долго ждал тебя, — сказал я, — и мне было так скучно, а этот светлячок, он оказался лучше любого самосвала на свете.

Мама пристально посмотрела на меня и спросила:

— А чем же, чем же именно он лучше?

Я сказал:

— Да как же ты не понимаешь?! Ведь он живой! И светится!..

Тайное становится явным

Я услышал, как мама сказала кому-то в коридоре:

— ...Тайное всегда становится явным.

И, когда она вошла в комнату, я спросил:

— Что это значит, мама: «Тайное становится явным»?

— А это значит, что если кто поступает нечестно, всё равно про него это узнают, и будет ему очень стыдно, и он понесёт наказание, — сказала мама. — Понял?.. Ложись-ка спать!

Я вычистил зубы, лёг спать, но не спал, а всё время думал: как же так получается, что тайное становится явным? И я долго не спал, а когда проснулся, было утро, папа был уже на работе, и мы с мамой были одни. Я опять вычистил зубы и стал завтракать.

Сначала я съел яйцо. Это ещё терпимо, потому что я выел один желток, а белок раскромсал со скорлупой так, чтобы его не было видно. Но потом мама принесла целую тарелку манной каши.

— Ешь! — сказала мама. — Безо всяких разговоров!

Я сказал:

— Видеть не могу манную кашу!

Но мама закричала:

— Посмотри, на кого ты стал похож! Вылитый Кощей! Ешь. Ты должен поправиться.

Я сказал:

— Я ею давлюсь!..

Тогда мама села со мной рядом, обняла меня за плечи и ласково спросила:

— Хочешь, пойдём с тобой в Кремль?

Ну ещё бы... Я не знаю ничего красивее Кремля. Я там был в Грановитой палате и в Оружейной, стоял возле Царь-пушки и знаю, где сидел Иван Грозный. И ещё там очень много интересного. Поэтому я быстро ответил маме:

— Конечно, хочу в Кремль! Даже очень!

Тогда мама улыбнулась:

— Ну вот, съешь всю кашу, и пойдём. А я пока посуду вымою. Только помни — ты должен съесть всё до дна!

И мама ушла на кухню.

А я остался с кашей наедине. Я пошлёпал её ложкой. Потом посолил. Попробовал — ну, невозможно есть! Тогда я подумал, что, может быть, сахару не хватает? Посыпал песку, попробовал... Ещё хуже стало. Я не люблю кашу, я же говорю.

А она к тому же была очень густая. Если бы она была жидкая, тогда другое дело, я бы зажмурился и выпил её. Тут я взял и долил в кашу кипятку. Всё равно было скользко,

лишко и противно. Главное, когда я глотаю, у меня горло само сжимается и выталкивает эту кашу обратно. Ужасно обидно! Ведь в Кремль-то хочется! И тут я вспомнил, что у нас есть хрен. С хреном, кажется, почти всё можно съесть! Я взял и вылил в кашу всю баночку, а когда немножко попробовал, у меня сразу глаза на лоб полезли и остановилось дыхание, и я, наверно, потерял сознание, потому что взял тарелку, быстро подбежал к окну и выплеснул кашу на улицу. Потом сразу вернулся и сел за стол.

В это время вошла мама. Она посмотрела на тарелку и обрадовалась:

— Ну что за Дениска, что за парень-молодец! Съел всю кашу до дна! Ну, вставай, одевайся, рабочий народ, идём на прогулку в Кремль! — И она меня поцеловала.

В эту же минуту дверь открылась, и в комнату вошёл милиционер. Он сказал:

— Здравствуйте! — и подошёл к окну, и поглядел вниз. — А ещё интеллигентный человек.

— Что вам нужно? — строго спросила мама.

— Как не стыдно! — Милиционер даже стал по стойке «смирно». — Государство предоставляет вам новое жильё; со всеми удобствами и, между прочим, с мусоропроводом, а вы выливаете разную гадость за окно!

— Не клевете. Ничего я не выливаю!

— Ах, не выливаете?! — язвительно рассмеялся милиционер. И, открыв дверь в коридор, крикнул: — Пострадавший! Пожалуйте сюда!

И к нам вошёл какой-то дяденька.

Я как на него взглянул, так сразу понял, что в Кремль я не пойду.

На голове у этого дяденьки была шляпа. А на шляпе наша каша. Она лежала почти в середине шляпы, в ямочке, и немножко по краям, где лента, и немножко за воротником, и на плечах, и на левой брючине. Он как вошёл, сразу стал заикаться.

— Главное, я иду фотографироваться... И вдруг такая история... Каша... мм... манная... Горячая, между прочим,

сквозь шляпу и то... жжёт... Как же я пошлю своё... фф... фото, когда я весь в каше?!

Тут мама посмотрела на меня, и глаза у неё стали зелёные, как крыжовник. А уж это верная примета, что мама ужасно рассердилась.

— Извините, пожалуйста, — сказала она тихо, — разрешите, я вас почищу, пройдите сюда!

И они все трое вышли в коридор.

А когда мама вернулась, мне даже страшно было на неё взглянуть. Но я себя пересилил, подошёл к ней и сказал:

— Да, мама, ты вчера сказала правильно. Тайное всегда становится явным!

Мама посмотрела мне в глаза. Она смотрела долго-долго и потом спросила:

— Ты это запомнил на всю жизнь?

И я ответил:

— Да.

Мотогонки по отвесной стене.

Ещё когда я был маленький, мне подарили трёхколёсный велосипед. И я на нём выучился ездить. Сразу сел и поехал, нисколько не боясь, как будто я всю жизнь ездил на велосипедах.

Мама сказала:

— Смотри, какой он способный к спорту!

А папа сказал:

— Сидит довольно обезьяновато...

А я здорово научился ездить и довольно скоро стал делать на велосипеде разные штуки, как весёлые артисты в цирке. Например, я ездил задом наперёд или лёжа на седле и вертя педали какой угодно рукой — хочешь правой, хочешь левой: ездил боком, растопыря ноги;

ездил, сидя на руле, а то зажмурысь и без рук; ездил со стаканом воды в руке. Словом, наловчился по-всякому.

А потом дядя Женя отвернул у моего велосипеда одно колесо, и он стал двухколёсным, и я опять очень быстро все заучил. И ребята во дворе стали меня называть «чемпионом мира и его окрестностей».

И так я катался на своём велосипеде до тех пор, пока колени у меня не стали во время езды подниматься выше руля. Тогда я догадался, что я уже вырос из этого велосипеда, и стал думать, когда же папа купит мне настоящую машину «Школьник».

И вот однажды к нам во двор въезжает велосипед. И дяденька, который на нём сидит, не крутит ногами, а велосипед трещит себе под ним, как стрекоза, и едет сам. Я ужасно удивился. Я никогда не видел, чтобы велосипед ехал сам. Мотоцикл — это другое дело, автомобиль — тоже, ракета — ясно, а велосипед? Сам?

Я просто глазам своим не поверил.

А этот дяденька, что на велосипеде, подъехал к Мишкиному парадному и остановился. И он оказался совсем не дяденькой, а молодым парнем. Потом он поставил велосипед около трубы и ушёл. А я остался стоять тут же с разинутым ртом. Вдруг выходит Мишка.

Он говорит:

— Ну? Чего уставился?

Я говорю:

— Сам едет, понял?

Мишка говорит:

— Это нашего племянника Федьки машина. Велосипед с мотором. Федька к нам приехал по делу — чай пить.

Я спрашиваю:

— А трудно такой машиной управлять?

— Ерунда на постном масле, — говорит Мишка. — Она заводится с пол-оборота. Один раз нажмёшь на педаль, и готово — можешь ехать. А бензину в ней на сто километров. А скорость двадцать километров за полчаса.

— Ого! Вот это да! — говорю я. — Вот это машина! На такой покататься бы!

Тут Мишка покачал головой:

— Влетит. Федька убьёт. Голову оторвёт!

— Да. Опасно, — говорю я.

Но Мишка огляделся по сторонам и вдруг заявляет:

— Во дворе никого нет, а ты всё-таки «чемпион мира». Садись! Я помогу разогнать машину, а ты один разок толкни педаль, и всё пойдёт как по маслу. Объедешь вокруг садика два-три круга, и мы тихонечко поставим машину на место. Федька у нас чай подолгу пьёт. По три стакана дует. Давай!

— Давай! — сказал я.

И Мишка стал держать велосипед, а я на него взгромоздился. Одна нога действительно доставала самым носком до края педали, зато другая висела в воздухе, как макаронина. Я этой макарониной отпихнулся от трубы, а Мишка побежал рядом и кричит:

— Жми педаль, жми давай!

Я постарался, съехал чуть набок с седла да как нажму на педаль. Мишка чем-то щёлкнул на руле... И вдруг машина затрещала, и я поехал!

Я поехал! Сам. На педали не жму — не достаю, а только еду, соблюдаю равновесие!

Это было чудесно! Ветерок засвистел у меня в ушах, всё вокруг понеслось быстро-быстро по кругу: столбик, ворота, скамеечка, грибы от дождя, песочник, качели, домоуправление, и опять столбик, ворота, скамеечка, грибы от дождя, песочник, качели, домоуправление, и опять столбик, и всё сначала, и я ехал, вцепившись в руль, а Мишка всё бежал за мной, но на третьем круге он крикнул:

— Я устал! — и прислонился к столбику.

А я поехал один, и мне было очень весело, и я всё ездил и воображал, что участвую в мотогонках по отвесной стене. Я видел, в парке культуры так мчалась отважная артистка...

И столбик, и Мишка, и качели, и домоуправление — всё мелькало передо мной довольно долго, и всё было очень хорошо, только ногу, которая висела, как макаронина, стали не-

много колоть мурашки... И ещё мне вдруг стало как-то не по себе, и ладони сразу стали мокрыми, и очень захотелось остановиться.

Я доехал до Мишки и крикнул:

— Хватит! Останавливай!

Мишка побежал за мной и кричит:

— Что? Говори громче!

Я кричу:

— Ты что, оглох, что ли?

Но Мишка уже отстал. Тогда я проехал ещё круг и закричал:

— Останови машину, Мишка!

Тогда он схватился за руль, машину качнуло, он упал, а я опять поехал дальше.

Гляжу, он снова встречает меня у столбика и орёт:

— Тормоз! Тормоз!

Я промчался мимо него и стал искать этот тормоз. Но ведь я же не знал, где он! Я стал крутить разные винтики и что-то нажимать на руле. Куда там! Никакого толку! Машина трещит себе как ни в чём не бывало, а у меня в макаронную ногу уже тысячи иголок впиваются!

Я кричу:

— Мишка, а где этот тормоз?

А он:

— Я забыл!

А я:

— Ты вспомни!

— Ладно, вспомню, ты пока покрутишь ещё немножко!

— Ты скорей вспоминай, Мишка! — опять кричу я.

И проехал дальше, и чувствую, что мне уже совсем не по себе, тошно как-то. А на следующем кругу Мишка снова кричит:

— Не могу вспомнить! Ты лучше попробуй спрыгни!

А я ему:

— Меня тошнит!

Если бы я знал, что так получится, ни за что бы не стал кататься, лучше пешком ходить, честное слово!

А тут опять впереди Мишка кричит:

— Надо достать матрац, на котором спят! Чтоб ты в него врезался и остановился! Ты на чём спишь?

Я кричу:

— На раскладушке!

А Мишка:

— Тогда езд, пока бензин не кончится!

Я чуть не переехал его за это. «Пока бензин не кончится»... Это, может быть, ещё две недели так носиться вокруг садика, а у нас на вторник билеты в кукольный театр. И ногу колет! Я кричу этому дуралею:

— Сбегай за вашим Федькой!

— Он чай пьёт! — кричит Мишка.

— Потом допьёт! — ору я.

А он недослышал и соглашается со мной:

— Убьёт! Обязательно убьёт!

И опять всё завертелось передо мной: столбик, ворота, скамеечка, качели, домоуправление. Потом наоборот: домоуправление, качели, скамеечка, столбик, а потом пошло вперемешку: домик, столбоуправление, грибеечка... И я понял, что дело плохо.

Но в это время кто-то сильно схватил машину, она перестала трещать, и меня довольно крепко хлопнули по затылку. Я сообразил, что это Мишкин Федька наконец почайпил. И я тут же кинулся бежать, но не смог, потому что макаронная нога вонзилась в меня, как кинжал. Но я всё-таки не растерялся и ускакал от Федьки на одной ноге.

И он не стал догонять меня.

А я на него не рассердился за подзатыльник. Потому что без него я, наверно, кружил бы по двору до сих пор.

Слава Ивана Козловского

У меня в табеле одни пятёрки. Только по чистописанию четвёрка. Из-за клякс. Я прямо не знаю, что делать! У меня всегда с пера соскакивают кляксы. Я уж макаю в чернила только самый кончик пера, а кляксы всё равно соскакивают. Просто чудеса какие-то! Один раз я целую страницу написал чисто-чисто, любо-дорого смотреть — настоящая пятёрочная страница. Утром показал её Раисе Ивановне, а там на самой середине клякса! Откуда она взялась? Вчера её не было! Может быть, она с какой-нибудь другой страницы просочилась? Не знаю...

А так у меня одни пятёрки. Только по пению тройка. Это вот как получилось. Был у нас урок пения. Сначала мы пели все хором «Во поле берёзонька стояла». Выходило очень красиво, но Борис Сергеевич всё время морщился и кричал:

— Тяните гласные, друзья, тяните гласные!..

Тогда мы стали тянуть гласные, но Борис Сергеевич хлопнул в ладоши и сказал:

— Настоящий кошачий концерт! Давайте-ка займемся с каждым инди-виду-ально.

Это значит с каждым отдельно.

И Борис Сергеевич вызвал Мишку.

Мишка подошёл к роялю и что-то такое прошептал Борису Сергеевичу.

Тогда Борис Сергеевич начал играть, а Мишка тихонечко запел:

Как на тоненький ледок
Выпал беленький снежок...

Ну и смешно же пищал Мишка! Так пищит наш котёнок Мурзик. Разве ж так поют! Почти ничего не слышно. Я просто не мог выдержать и рассмеялся.

Тогда Борис Сергеевич поставил Мишке пятёрку и поглядел на меня. Он сказал:

— Ну-ка, хохотун, выходи!

Я быстро подбежал к роялю.

— Ну-с, что вы будете исполнять? — вежливо спросил Борис Сергеевич.

Я сказал:

— Песня гражданской войны «Веди ж, Будённый, нас смелее в бой».

Борис Сергеевич тряхнул головой и заиграл, но я его сразу остановил:

— Играйте, пожалуйста, погромче! — сказал я.

Борис Сергеевич сказал:

— Тебя не будет слышно.

Но я сказал:

— Будет. Ещё как!

Борис Сергеевич заиграл, а я набрал побольше воздуха да как запою:

Высоко в небе ясном
Вьётся алый стяг...

Мне очень нравится эта песня.

Так и вижу синее-синее небо, жарко, кони стучат копытами, у них красивые лиловые глаза, а в небе вьётся алый стяг. Тут я даже зажмурился от восторга и закричал что было сил:

Мы мчимся на конях туда,
Где виден враг!
И в битве упоительной...

Я хорошо пел, наверное, даже было слышно на другой улице:

Лавиною стремительной! Мы мчимся вперёд!.. Ура!..
Красные всегда побеждают! Отступайте, враги! Даёшь!!!

Я нажал себе кулаками на живот, вышло ещё громче, и я чуть не лопнул:

Мы вррезались в Крым!

Тут я остановился, потому что я был весь потный и у меня дрожали колени.

А Борис Сергеевич хоть и играл, но весь как-то склонился к роялю, и у него тоже тряслись плечи...

Я сказал:

— Ну как?

— Чудовищно! — похвалил Борис Сергеевич.

— Хорошая песня, правда? — спросил я.

— Хорошая, — сказал Борис Сергеевич и закрыл платком глаза.

— Только жаль, что вы очень тихо играли, Борис Сергеевич, — сказал я, — можно бы ещё погромче.

— Ладно, я учту, — сказал Борис Сергеевич. — А ты не заметил, что я играл одно, а ты пел немножко по-другому?

— Нет, — сказал я, — я этого не заметил! Да это и неважно. Просто надо было погромче играть.

— Ну что ж, — сказал Борис Сергеевич, — раз ты ничего не заметил, поставим тебе пока тройку. За прилежание.

Как — тройку! Я даже опешил. Как же это может быть?

Тройку — это очень мало! Мишка тихо пел и то получил пятёрку...

Я сказал:

— Борис Сергеевич, когда я немножко отдохну, я ещё громче смогу, вы не думайте. Это я сегодня плохо завтракал. А то я так могу спеть, что тут у всех уши позаложит. Я знаю ещё одну песню. Когда я её дома пою, все соседи прибегают, спрашивают, что случилось.

— Это какая же? — спросил Борис Сергеевич.

— Жалостливая, — сказал я и завёл:

Я вас любил...
Любовь ещё, быть может...

Но Борис Сергеевич поспешно сказал:

— Ну хорошо, хорошо, всё это мы обсудим в следующий раз.

И тут раздался звонок.

Мама встретила меня в раздевалке. Когда мы собирались уходить, к нам подошёл Борис Сергеевич.

— Ну, — сказал он, улыбаясь, — возможно, ваш мальчик будет Лобачевским, может быть, Менделеевым. Он может стать Суриковым или Кольцовым, я не удивлюсь, если он станет известен стране, как известен товарищ Николай Мамай или какой-нибудь боксёр, но в одном могу заверить вас абсолютно твёрдо: славы Ивана Козловского он не добьётся. Никогда!

Мама ужасно покраснела и сказала:

— Ну, это мы ещё увидим!

А когда мы шли домой, я всё думал:

«Неужели Козловский поёт громче меня?»

Рыцари

Когда репетиция хора мальчиков окончилась, учитель пения Борис Сергеевич сказал:

— Ну-ка, расскажите, кто из вас что подарил маме на Восьмое марта? Ну-ка ты, Денис, докладывай.

— Я маме на Восьмое марта подарил подушечку для игло-лок. Красивую. На лягушку похожа. Три дня шил, все пальцы исколол. Я две такие сшил.

А Мишка добавил:

— Мы все по две сшили. Одну — маме, а другую — Раисе Ивановне.

— Это почему же все? — спросил Борис Сергеевич. — Вы что, так сговорились, чтобы всем шить одно и то же?

— Да нет, — сказал Валерка, — это у нас в кружке «Умелые руки» — мы подушечки проходим. Сперва проходили чёртиков, а теперь подушечки.

— Каких ещё чёртиков? — удивился Борис Сергеевич.

Я сказал:

— Пластилиновых! Наши руководители Володя и Толя из восьмого класса полгода с нами чёртиков проходили. Как придут, так сейчас: «Лепите чёртиков!» Ну, мы лепим, а они в шахматы играют.

— С ума сойти, — сказал Борис Сергеевич. — Подушечки! Придётся разобраться! Стойте! — И он вдруг весело рассмеялся. — А сколько у вас мальчишек в первом «В»?

— Пятнадцать, — сказал Мишка, — а девочек — двадцать пять.

Тут Борис Сергеевич прямо покотился со смеху.

А я сказал:

— У нас в стране вообще женского населения больше, чем мужского.

Но Борис Сергеевич отмахнулся от меня.

— Я не про то. Просто интересно посмотреть, как Раиса Ивановна получает пятнадцать подушечек в подарок! Ну ладно, слушайте: кто из вас собирается поздравить своих мам с Первым мая?

Тут пришла наша очередь смеяться. Я сказал:

— Вы, Борис Сергеевич, наверное, шутите, не хватало ещё и на май поздравлять.

— А вот и неправильно, именно что необходимо поздравить с маем своих мам. А то это некрасиво: только раз в году поздравлять. А если каждый праздник поздравлять — это будет по-рыцарски. Ну кто знает, что такое рыцарь?

Я сказал:

— Он на лошади и в железном костюме.

Борис Сергеевич кивнул.

— Да, так было давно. И вы, когда подрастёте, прочтёте много книжек про рыцарей, но и сейчас, если про кого говорят, что он рыцарь, то это, значит, имеется в виду благородный, самоотверженный и великодушный человек. И я думаю, что каждый пионер должен обязательно быть рыцарем. Поднимите руки, кто здесь рыцарь?

Мы все подняли руки.

— Я так и знал, — сказал Борис Сергеевич, — идите, рыцари!

Мы пошли по домам. А по дороге Мишка сказал:

— Ладно уж, я маме конфет куплю, у меня деньги есть.

И вот я пришёл домой, а дома никого нету. А меня даже досада взяла. Вот в кои-то веки захотел быть рыцарем, так денег нет! А тут, как назло, прибежал Мишка, в руках нарядная коробочка с надписью: «Первое мая». Мишка говорит:

— Готово, теперь я рыцарь за двадцать две копейки. А ты что сидишь?

— Мишка, ты рыцарь? — сказал я.

— Рыцарь, — говорит Мишка.

— Тогда дай взаймы.

Мишка огорчился:

— Я всё истратил до копейки.

— Что же делать?

— Поискать, — говорит Мишка. — Ведь двадцать копеек — маленькая монетка, может, куда завалилась хоть одна, давай поищем.

И мы всю комнату облазили — и за диваном, и под шка-

фом, и я все туфли мамины перетряхнул, и даже в пудре у неё пальцем поковырял. Нету нигде.

Вдруг Мишка раскрыл буфет:

— Стой, а это что такое?

— Где? — говорю я. — Ах, это бутылки. Ты что, не видишь? Здесь два вина: в одной бутылке — чёрное, а в другой — жёлтое. Это для гостей, к нам завтра гости придут.

Мишка говорит:

— Эх, пришли бы ваши гости вчера, и были бы у тебя деньги.

— Это как?

— А бутылки, — говорит Мишка, — да за пустые бутылки всегда деньги дают. На углу. Называется «Приём стекло-тары»!

Я говорю:

— Что же ты раньше молчал? Сейчас мы это дело уладим! Давай банку из-под компота, вон на окне стоит.

Миша протянул мне банку, а я открыл бутылку и вылил черновато-красное вино в банку.

— Правильно, — сказал Мишка. — Что ему сделается?..

— Ну конечно, — сказал я. — А куда вторую?

— Да сюда же — говорит Мишка, — не всё равно? И это вино, и то вино.

— Ну да, — сказал я. — Если бы одно было вино, а другое керосин, тогда нельзя, а так, пожалуйста, ещё лучше. Держи банку.

И мы вылили туда и вторую бутылку.

Я сказал:

— Ставь её на окно! Так. Прикрой блюдечком, а теперь бежим!

И мы припустились. За эти две бутылки нам дали двадцать четыре копейки. И я купил маме конфет. Мне ещё две копейки сдачи дали. Я пришёл домой весёлый, потому что я стал рыцарем, и, как только мама с папой пришли, я сказал:

— Мам, я теперь рыцарь. Нас Борис Сергеевич научил!

Мама сказала:

— Ну-ка Расскажи!

Я рассказал, что завтра я маме сделаю сюрприз. Мама сказала:

— А где же ты денег достал?

А я сказал:

— Я, мам, пустую посуду сдал. Вот две копейки сдачи.

Тут папа сказал:

— Молодец! Давай-ка мне две копейки на автомат!

Мы сели обедать. Потом папа откинулся на спинку стула и улыбнулся:

— Компотику бы.

— Извини, я сегодня не успела, — сказала мама.

Но папа подмигнул мне:

— А это что? Я давно уже заметил.

И он подошёл к окну, снял блюдечко и хлебнул прямо из банки. Ну тут что было! Бедный папа кашлял так, как будто он выпил стакан гвоздей. Он закричал не своим голосом:

— Что это такое? Что это за отравка?!

Я сказал:

— Папа, не пугайся! Это не отравка. Это два твоих вина! Тут папа немножко пошатнулся и побледнел.

— Какие два вина?! — закричал он громче прежнего.

— Чёрное и жёлтое, — сказал я, — что стояли в буфете. Ты, главное, не пугайся.

Папа побежал к буфету и распахнул дверцу. Потом он заморгал глазами и стал растирать себе грудь. Он смотрел на меня с таким удивлением, как будто я был не обыкновенный мальчик, а какой-нибудь синенький или в крапинку. Я сказал:

— Ты что, папа, удивляешься? Я слил твои два вина в банку, а то где бы я взял пустую посуду? Сам подумай!

Мама вскрикнула:

— Ой!

И упала на диван. Она стала смеяться, да так сильно, что я думал, ей станет плохо. Я ничего не мог понять, а папа закричал:

— Хохочете? Что ж, хохочите! А между прочим, этот ваш рыцарь сведёт меня с ума, но лучше я его раньше выдеру, чтобы он забыл раз и навсегда свои рыцарские манеры.

И папа стал делать вид, что он ищет ремень.

— Где он? — кричал папа. — Подайте мне сюда этого Айвенго! Куда он провалился?

А я был за книжным шкафом. Я уже давно был там на всякий случай. А то папа что-то сильно волновался. Он кричал:

— Слыханное ли дело выливать в банку коллекционный чёрный «Мускат» урожая 1954 года и разбавлять его жигулёвским пивом?!

А мама изнемогала от смеха. Она еле-еле проговорила:

— Ведь это он... из лучших побуждений... Ведь он же... Рыцарь... Я умру... от смеха.

И она продолжала смеяться.

А папа ещё немного пометался по комнате и потом ни с того ни с сего подошёл к маме. Он сказал:

— Как я люблю твой смех.

И наклонился и поцеловал маму.

И я тогда спокойно вылез из-за шкафа.

Старый мореход

Марья Петровна часто ходит к нам чай пить. Она вся такая полная, платье на неё натянуто тесно, как наволочка на подушку. У неё в ушах разные серёжки болтаются. И душитса она чем-то сухим и сладким. Я когда этот запах слышу, так

у меня сразу горло сжимает. Марья Петровна всегда как только меня увидит, так сразу начинает приставать: кем я хочу быть. Я ей уже пять раз объяснял, а она всё продолжает задавать один и тот же вопрос. Чудная. Она когда первый раз к нам пришла, на дворе была весна, деревья все распустились, и в окно пахло зеленью, и, хотя был уже вечер, всё равно было светло. И вот мама стала меня посылать спать, и, когда я не захотел ложиться, эта Марья Петровна вдруг говорит:

— Будь умницей, ложись спать, а в следующее воскресенье я тебя на дачу возьму, на Клязьму. Мы на электричке поедem. Там речка есть и собака, и мы на лодке покатаемcя все втроем...

И я сразу лёг, и укрылся с головой, и стал думать о следующем воскресенье, как я поеду на дачу, и пробегусь босиком по траве, и увижу речку, и, может быть, мне дадут погрести, и уключины будут звенеть, и вода будет булькать, и с вёсел в воду будут стекать капли, прозрачные, как стекло. И я подружусь там с собачонкой, Жучкой или Тузиком, и буду смотреть в его жёлтые глаза, и потрогаю его язык, такой красивый и приятный, когда он его высунет от жары.

И я так лежал, и думал, и слышал смех Марьи Петровны, и незаметно заснул, и потом целую неделю, когда ложился спать, думал всё то же самое. И когда наступила суббота, я вычистил ботинки и зубы, и взял свой перочинный ножик, и наточил его о плиту, потому что мало ли какую я палку себе вырежу, может быть, даже ореховую.

А утром я встал раньше всех, и оделся, и стал ждать Марью Петровну. Папа, когда позавтракал и прочитал газеты, сказал:

— Пошли, Дениска, на Чистые, погуляем!

Но я ему сказал:

— Что ты, папа! А Марья Петровна? Она сейчас придет за мной, и мы отправимся на Клязьму. Там собака и лодка. Я её должен подождать.

Папа помолчал, потом посмотрел на маму, потом пожал плечами и стал пить второй стакан чаю. А я быстро дозавтракал и вышел во двор. Я гулял у ворот, чтобы сразу уви-

деть Марью Петровну, когда она придёт. Но её что-то долго не было. Тогда ко мне подошёл Мишка, он сказал:

— Слезим на чердак! Посмотрим, родились голубята или нет...

— Понимаешь, не могу... Я на денёк в деревню уезжаю. Там собака есть и лодка. Сейчас за мной одна тётенька придет, и мы поедem с ней на электричке.

Тогда Мишка сказал:

— Вот это да! А может, вы и меня захватите?

Я очень обрадовался, что Мишка тоже согласен ехать с нами, всё-таки мне с ним куда интереснее будет, чем только с одной Марьей Петровной. Я сказал:

— Какой может быть разговор! Конечно, мы тебя возьмём, с удовольствием! Марья Петровна добрая, чего ей стоит!

И мы стали вдвоём ждать с Мишкой. Мы вышли в переулок и долго стояли и ждали, и когда появлялась какая-нибудь женщина, Мишка обязательно спрашивал:

— Эта?

И через минуту снова:

— Вон та?

Но это всё были незнакомые женщины, и нам стало скучно, и мы устали так долго ждать.

Мишка рассердился и сказал:

— Мне надоело!

И ушёл.

А я ждал. Я хотел её дождаться. Я ждал до самого обеда. Во время обеда папа опять сказал, как будто между прочим:

— Так идёшь на Чистые? Давай решай, а то мы с мамой пойдём в кино!

Я сказал:

— Я подожду. Ведь я обещал ей подождать. Не может она не прийти.

Но она не пришла. А я не был в этот день на Чистых прудах и не посмотрел на голубей, и папа, когда пришёл из кино, велел мне уходить от ворот. Он обнял меня за плечи и сказал, когда мы шли домой:

— Это всё ещё будет в твоей жизни. И трава, и речка, и лодка, и собака... Всё будет, держи нос повыше!

Но я, когда лёг спать, я всё равно стал думать про деревню, лодку и собачонку, только как будто я там не с Марьей Петровной гуляю, а с Мишкой и с папой или с Мишкой и мамой. И время потекло, оно проходило, и я почти совсем забыл про Марью Петровну, как вдруг однажды, пожалуйста! Дверь растворяется, и она входит собственной персоной. И серёжки в ушах звяк-звяк, и с мамой чмок-чмок, и на всю квартиру пахнет чем-то сухим и сладким, и все садятся за стол и начинают пить чай. Но я не вышел к Марье Петровне, я сидел за шкафом, потому что я сердился на Марью Петровну. А она сидела как ни в чём не бывало, вот что было удивительно! И когда она напилась своего любимого чаю, она вдруг ни с того ни с сего заглянула за шкаф и схватила меня за подбородок.

— Ты что такой угрюмый?

— Ничего, — сказал я.

— Давай вылезай, — сказала Марья Петровна.

— Мне и здесь хорошо! — сказал я.

Тогда она захохотала, и всё на ней брякало от смеха, а когда отсмеялась, сказала:

— А чего я тебе подарю...

Я сказал:

— Ничего не надо!

Она сказала:

— Саблю не надо?

Я сказал:

— Какую?

А она:

— Будёновскую. Настоящую. Кривую.

Вот это да! Я сказал:

— А у вас есть?

— Есть, — сказала она.

— А она вам не нужна? — спросил я.

— А зачем? Я женщина, военному делу не училась, зачем мне сабля? Лучше я тебе её подарю.

И было видно по ней, что ей нисколько не жаль сабли. Я даже поверил, что она и на самом деле добрая. Я сказал:

— А когда?

— Да завтра, — сказала она. — Вот завтра придёшь после школы, а сабля — здесь. Вот здесь, я её тебе прямо на кровать положу.

— Ну ладно, — сказал я и вылез из-за шкафа, и сел за стол, и тоже пил с ней чай, и проводил её до дверей, когда она уходила.

И на другой день в школе я еле досидел до конца уроков и побёжал домой сломя голову. Я бежал и размахивал рукой — в ней у меня была невидимая сабля, и я рубил и колот фашистов, и защищал чёрных ребят в Алжире, и перерубил всех врагов Кубы. Я из них прямо капусты нарубил. Я бежал, а дома меня ждала сабля, настоящая будёновская сабля, и я знал, что, в случае чего, я сразу запишусь в добровольцы, и, раз у меня есть собственная сабля, меня обязательно примут. И, когда я вбежал в комнату, я сразу бросился к своей раскладушке. Сабли не было. Я посмотрел под подушку, пошарил под одеялом и заглянул под кровать. Сабли не было. Не было сабли. Марья Петровна не сдержала слова. И сабли не было нигде. И не могло быть.

Я подошёл к окну. Мама сказала:

— Может быть, она ещё придёт?

Но я сказал:

— Нет, мама, она не придёт. Я так и знал.

Мама сказала:

— Зачем же ты под раскладушку-то лазил?..

Я объяснил ей:

— Я подумал: а вдруг она была? Понимаешь? Вдруг. На этот раз.

Мама сказала:

— Понимаю. Иди поешь.

И она подошла ко мне. А я поел и снова встал у окна. Мне не хотелось идти во двор.

А когда пришёл папа, мама ему всё рассказала, и он позвал меня к себе. Он снял со своей полки какую-то книгу и сказал:

— Давай-ка, брат, почитаем чудесную книжку про собаку. Называется «Майкл — брат Джерри». Джек Лондон написал.

И я быстро устроился возле папы, и он стал читать. Он хорошо читает, просто здорово! Да и книжка была ценная. Я в первый раз слушал такую интересную книжку. Приключения собаки. Как её украл один боцман. И они поехали на корабле искать клады. А корабль принадлежал трём богачам. Дорогу им указывал Старый Мореход, он был больной и одинокий старик, он говорил, что знает, где лежат несметные сокровища, и обещал этим трём богачам, что они получат каждый целую кучу алмазов и брильянтов, и эти богачи за эти обещания кормили Старого Морехода. А потом вдруг выяснилось, что корабль не может доехать до места, где клады, из-за нехватки воды. Это тоже подстроил Старый Мореход. И пришлось богачам ехать обратно не солоно хлебавши. Старый Мореход этим обманом добывал себе пропитание, потому что он был израненный бедный старик. И когда мы окончили эту книжку и снова стали её всю вспоминать с самого начала, папа вдруг засмеялся и сказал:

— А этот-то хорош, Старый Мореход! Да он просто обманщик, вроде твоей Марьи Петровны.

Но я сказал:

— Что ты, папа! Совсем не похоже. Ведь Старый Мореход обманывал, чтобы спасти свою жизнь. Ведь он же одинокий был, больной. А Марья Петровна? Разве она больная?

— Здоровая, — сказал папа.

— Ну да, — сказал я. — Ведь если бы Старый Мореход не врал, он бы умер, бедняга, где-нибудь в порту, прямо на голых камнях, между ящиками и тюками, под ледяным ветром и проливным дождём. Ведь у него не было крова над головой! А у Марьи Петровны чудесная комната — восемнадцать метров со всеми удобствами. И сколько у неё серёжек, побрякушек и цепочек!

— Потому что она мещанка, — сказал папа.

И я хотя и не знал, что такое мещанка, но я понял по папиному голосу, что это что-то скверное, и я ему сказал:

— А Старый Мореход был благородный: он спас своего больного друга, боцмана, — это раз. И ты ещё подумай, папа, ведь он обманывал только проклятых богачей, а Марья Петровна — меня. Объясни, зачем она меня-то обманывает? Разве я богач?

— Да забудь ты, — сказала мама, — не стоит так переживать!

А папа посмотрел на неё и покачал головой и замолчал. И мы лежали вдвоём на диване и молчали, и мне было тепло рядом с ним, и я захотел спать, но перед самым сном я всё-таки подумал:

«Нет, эту ужасную Марью Петровну нельзя даже и сравнивать с таким человеком, как мой милый, добрый Старый Мореход!»

Англичанин Павля

— Завтра первое сентября, — сказала мама. — И вот наступила осень, и ты пойдёшь уже во второй класс. Ох, как летит время!..

— И по этому случаю, — подхватил папа, — мы сейчас «зарежем арбуз»!

И он взял ножик и взрезал арбуз. Когда он резал, был слышен такой полный, приятный, зелёный треск, что у меня прямо спина похолодела от предчувствия, как я буду есть этот арбуз. И я уже раскрыл рот, чтобы вцепиться в розовый арбузный ломоть, но тут дверь распахнулась, и в комнату вошёл Павля. Мы все страшно обрадовались, потому что он давно уже не был у нас и мы по нём соскучились.

— Ого, кто пришёл! — сказал папа. — Сам Павля. Сам Павля-Бородавя!

— Садись с нами, Павлик, арбуз есть, — сказала мама. — Дениска, подвинься.

Я сказал:

— Привет! — и дал ему место рядом с собой.

Он сказал:

— Привет! — и сел.

И мы начали есть и долго ели и молчали. Нам неохота было разговаривать. А о чём тут разговаривать, когда во рту такая вкуснотища!

И когда Павле давали третий кусок, он сказал:

— Ах, люблю я арбуз. Даже очень. Мне бабушка никогда не даёт его вволю поесть.

— А почему? — спросила мама.

— Она говорит, что после арбуза у меня получается не сон, а сплошная беготня.

— Правда, — сказал папа. — Вот поэтому-то мы и едим арбуз с утра пораньше. К вечеру его действие кончается, и можно спокойно спать. Ешь давай, не бойся.

— Я не боюсь, — сказал Павля.

И мы все опять занялись делом и опять долго молчали. И когда мама стала убирать корки, папа сказал:

— А ты чего, Павля, так давно не был у нас?

— Да, — сказал я. — Где ты пропадад? Что ты делал?

И тут Павля напыжился, покраснел, поглядел по сторонам и вдруг небрежно так обронил, словно нехотя:

— Что делал, что делал?.. Английский изучал, вот что делал.

Я прямо опешил. Я сразу понял, что я всё лето зря прочепушил. С ежами возился, в лапту играл, пустяками занимался. А вот Павля, он времени не терял, нет, шалишь, он работал над собой, он повышал свой уровень образования. Он изучал английский язык и теперь небось сможет переписываться с английскими пионерами и читать английские книжки! Я сразу почувствовал, что умираю от зависти, а тут ещё мама добавила:

— Вот, Дениска, учись. Это тебе не лапта!

— Молодец, — сказал папа. — Уважаю!

Павля прямо засиял.

— К нам в гости приехал студент, Сева. Так вот он со мной каждый день занимается. Вот уже целых два месяца. Прямо замучил совсем.

— А что, трудный английский язык? — спросил я.

— С ума сойти, — вздохнул Павля.

— Ещё бы не трудный, — вмешался папа. — Там у них сам чёрт ногу сломит. Уж очень сложное правописание. Пишется Ливерпуль, а произносится Манчестер.

— Ну да! — сказал я. — Верно, Павля?

— Прямо беда, — сказал Павля. — Я совсем измучился от этих занятий, похудел на двести граммов.

— Так что ж ты не пользуешься своими знаниями, Павлик? — сказала мама. — Ты почему, когда вошёл, не сказал нам по-английски «здрасте»?

— Я «здрасте» ещё не проходил, — сказал Павля.

— Ну вот ты арбуз поел, почему не сказал «спасибо»?

— Я сказал, — сказал Павля.

— Ну да, по-русски-то ты сказал, а по-английски?

— Мы до «спасибо» ещё не дошли, — сказал Павля. — Очень трудное пропови-сание.

Тогда я сказал:

— Павля, а ты научи-ка меня, как по-английски «раз, два, три».

— Я этого ещё не изучил, — сказал Павля.

— А что же ты изучил? — закричал я. — За два месяца ты всё-таки хоть что-нибудь-то изучил?

— Я изучил, как по-английски «Петя», — сказал Павля.

— Ну, как?

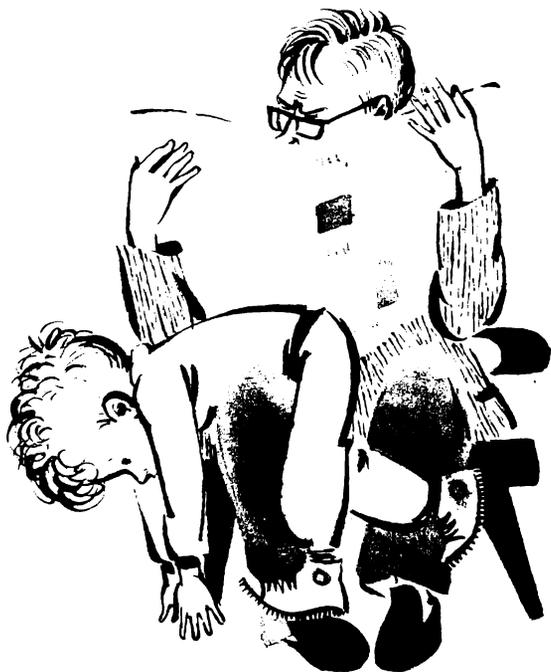
— «Пит»! — торжествующе объявил Павля. — По-английски «Петя» будет «Пит». — Он радостно засмеялся и добавил: — Вот завтра приду в класс и скажу Петьке Горбушкину: «Пит, а Пит, дай ластик!» Небось рот разинет, ничего не поймёт. Вот потеха-то будет. Верно, Денис?

— Верно, — сказал я. — Ну, а что ты ещё знаешь по-английски?

— Пока всё, — сказал Павля.

Что я люблю...

Я очень люблю лечь животом на папино колено, опустить руки и ноги и вот так висеть на колене, как бельё на заборе. Ещё я очень люблю играть в шашки, шахматы и домино,

только чтобы обязательно выигрывать. Если не выигрывать, тогда не надо.

Я люблю слушать, как жук копается в коробочке. И люблю в выходной день утром залезть к папе в кровать, чтобы поговорить с ним о собаке: как мы будем жить просторней и купим собаку, и будем с ней заниматься, и будем её кормить, и какая она будет потешная и умная, и как она будет воровать сахар, а я буду за нею сам вытирать лужицы, и она будет ходить за мной, как верный пёс.

Я люблю также смотреть телевизор: всё равно, что показывают, пусть даже только одни таблицы.

Я люблю дышать носом маме в ушко. Особенно я люблю петь и всегда пою очень громко.

Ужасно люблю рассказы про красных кавалеристов, и чтобы они всегда побеждали.

Люблю стоять перед зеркалом и гримасничать, как будто я Петрушка из кукольного театра. Шпроты я тоже очень люблю.

Люблю читать сказки про Канчиля. Это такая маленькая, умная и озорная лань. У неё весёлые глазки, и маленькие рожки, и розовые отполированные копытца. Когда мы будем жить просторней, мы купим себе Канчиля, он будет жить в ванной. Ещё я люблю плавать там, где мелко, чтобы можно было держаться руками за песчаное дно.

Я люблю на демонстрациях махать красным флагом и дудеть в «уй-ди-уйди!».

Очень люблю звонить по телефону.

Я люблю строгать, пилить, я умею лепить головы древних воинов и бизонов, и я слепил глухаря и Царь-пушку. Всё это я люблю дарить.

Когда я читаю, я люблю грызть сухарь или ещё что-нибудь. Я люблю гостей.

Ещё я очень люблю ужей, ящериц и лягушек. Они такие ловкие. Я ношу их в карманах. Я люблю, чтобы ужик лежал на столе, когда я обедаю. Люблю, когда бабушка кричит про лягушонка: «Уберите эту гадость!» — и убегает из комнаты.

Я люблю посмеяться... Иногда мне нисколько не хочется смеяться, но я себя заставляю, выдавливаю из себя смех — смотришь, через пять минут и вправду становится смешно.

Когда у меня хорошее настроение, я люблю скакать. Однажды мы с папой пошли в зоопарк, и я скакал вокруг него на улице, и он спросил:

— Ты что скачешь?

А я сказал:

— Я скачу, что ты мой папа!

Он понял.

Я люблю ходить в зоопарк. Там чудесные слоны. И есть один слонёнок. Когда мы будем жить просторней, мы купим слонёнка. Я выстрою ему гараж.

Я очень люблю стоять позади автомобиля, когда он фырчит, и нюхать бензин.

Люблю ходить в кафе — есть мороженое и запивать его газированной водой. От неё колет в носу, и слёзы выступают на глазах.

Когда я бегаю по коридору, то люблю изо всех сил топтать ногами.

Очень люблю лошадей, у них такие красивые и добрые лица.

Я много чего люблю!

...И чего не люблю!

Чего не люблю, так это лечить зубы. Как увижу зубное кресло, сразу хочется убежать на край света. Ещё не люблю, когда приходят гости, вставать на стул и читать стихотворение.

Не люблю, когда папа с мамой уходят в театр.

Терпеть не могу яйца всмятку, когда их взболтают в стакане, накрошат туда хлеба и заставляют есть.

Ещё не люблю, когда мама идёт со мной погулять и вдруг встречает тётю Розу!

Они тогда разговаривают только друг с дружкой, а я просто не знаю, чем бы заняться.

Не люблю ходить в новом костюме — я в нём как деревянный.

Когда мы играем в красных и белых, я не люблю быть белым. Тогда я выхожу из игры, и всё! А когда я бываю красным, не люблю попадать в плен. Я всё равно убегаю.

Не люблю, когда у меня выигрывают.

Не люблю, когда день рождения, играть в «каравай»: я не маленький.

Не люблю, когда ребята задаются.

И очень не люблю, когда порежусь, вдобавок — мазать палец йодом.

Я не люблю, что у нас в коридоре тесно и взрослые каждую минуту снуют туда-сюда, кто со сковородкой, кто с чайником, и кричат:

— Дети, не вертитесь под ногами! Осторожно, у меня горячая кастрюля!

А когда я ложусь спать, не люблю, чтобы в соседней комнате пели хором:

Ландыши, ландыши...

Очень не люблю, что по радио мальчишки и девчонки говорят старушечьими голосами!..

Что любит Мишка

Один раз мы с Мишкой вошли в зал, где у нас бывают уроки пения. Борис Сергеевич сидел за своим роялем и что-то играл потихоньку. Мы с Мишкой сели на подоконник и не стали ему мешать, да он нас и не заметил вовсе, а продолжал себе играть, и из-под пальцев у него очень быстро выскакивали разные звуки. Они разбрызгивались, и получалось что-то очень приветливое и радостное. Мне очень понравилось, и я бы мог долго так сидеть и слушать, но Борис Сергеевич скоро перестал играть. Он закрыл крышку рояля, и увидел нас, и весело сказал:

— О! Какие люди! Сидят, как два воробья на веточке! Ну, так что скажете?

Я спросил:

— Это вы что играли, Борис Сергеевич?

Он ответил:

— Это Шопен. Я его очень люблю.

Я сказал:

— Конечно, раз вы учитель пения, вот вы и любите разные песенки.

Он сказал:

— Это не песенка. Хотя я и песенки люблю, но это не песенка. То, что я играл, называется гораздо большим словом, чем просто «песенка».

Я сказал:

— Каким же? Словом-то?

Он серьёзно и ясно ответил:

— Му-зы-ка. Шопен — великий композитор. Он сочинил чудесную музыку. А я люблю музыку больше всего на свете.

Тут он посмотрел на меня внимательно и сказал:

— Ну, а ты чего любишь? Больше всего на свете?

Я ответил:

— Я много чего люблю.

И я рассказал ему, что я люблю. И про собаку, и про строганье, и про слонёнка, и про красных кавалеристов, и про маленькую лань на розовых копытцах, и про древних воинов, и про прохладные звёзды, и про лошадиные лица, всё, всё...

Он выслушал меня внимательно, у него было задумчи-

вое лицо, когда он слушал, а потом он сказал:

— Ишь! А я и не знал. Честно говоря, ты ведь ещё маленький, ты не обижайся, а смотри-ка — любишь как много! Целый мир!

Тут в разговор вмешался Мишка. Он надулся и сказал:

— А я ещё больше Дениски люблю разных разностей! Подумаешь!!

Борис Сергеевич рассмеялся:

— Очень интересно! Ну-ка, поведай тайну своей души. Теперь твоя очередь, принимай эстафету. Итак, начинай! Что же ты любишь?

Мишка поёрзал на подоконнике, потом откашлялся и сказал:

— Я люблю булки, плюшки, батоны и кекс! Я люблю хлеб, и торт, и пирожные, и пряники, хоть тульские, хоть медовые, хоть глазурованные. Сушки люблю тоже, и баранки, бублики, пирожки с мясом, повидлом, капустой и с рисом. Я горячо люблю пельмени, и особенно ватрушки, если они свежие, но чёрствые тоже ничего. Можно овсяное печенье и ванильные сухари.

А ещё я люблю кильки, сайру, судака в маринаде, бычки в томате, частик в собственном соку, икру баклажанную, кабачки ломтиками и жареную картошку.

Варёную колбасу люблю прямо безумно, если докторская, — на спор, что съем целое кило! И столовую люблю, и чайную, и зельц, и копчёную, и полукопчёную, и сырокопчёную! Эту вообще я люблю больше всех. Очень люблю макароны с маслом, вермишель с маслом, рожки с маслом, сыр с дырочками и без дырочек, с красной коркой или с белой — всё равно.

Люблю вареники с творогом, творог солёный, сладкий, кислый; люблю яблоки, тёртые с сахаром, а то яблоки одни самостоятельно, а если яблоки очищенные, то люблю сначала съесть яблочко, а уж потом, на закуску, — кожуру!

Люблю печёнку, котлеты, селёдку, фасолевый суп, зелёный горошек, варёное мясо, ириски, сахар, чай, джем, боржом, газировку с сиропом, яйца всмятку, вкрутую, в мешочке, могу и сырые. Бутерброды люблю прямо с чем попало, особенно если толсто намазать картофельным пюре или пшённой кашей. Так... Ну, про халву говорить не буду — какой дурак не любит халвы? А ещё я люблю утятину, гусятину и индютину. Ах, да! Я всей душой люблю мороженое. За семь, за девять. За тринадцать, за пятнадцать, за девятнадцать. За двадцать две и за двадцать восемь.

Мишка обвёл глазами потолок и перевёл дыхание. Видно, он уже здорово устал. Но Борис Сергеевич пристально смотрел на него, и Мишка поехал дальше.

Он бормотал:

— Крыжовник, морковку, кету, горбушу, репу, борщ, пельмени, хотя пельмени я уже говорил, бульон, бананы, хур-

му, компот, сосиски, вареники, колбасу, хотя колбасу уже тоже говорил...

Мишка выдохся и замолчал. По его глазам было видно, что он ждёт, когда Борис Сергеевич его похвалит. Но тот смотрел на Мишку немного недовольно и даже как будто строго. Он тоже словно ждал чего-то от Мишки: что, мол, Мишка ещё скажет. Но Мишка молчал. У них получилось, что они оба друг от друга чего-то ждали и молчали.

Первый не выдержал Борис Сергеевич.

— Что ж, Миша, — сказал он, — ты многое любишь, спору нет, но всё, что ты любишь, оно какое-то одинаковое, чересчур съедобное, что ли. Получается, что ты любишь целый продуктовый магазин. И только... А люди? Кого ты любишь? Или из животных?

Тут Мишка весь встрепенулся и покраснел:

— Ой, — сказал он смущённо, — чуть не забыл! Ещё — котят! И бабушку!

руг детства

В позапрошлом году, когда мне было лет шесть или шесть с половиной, я совершенно не знал, кем же я в конце концов буду на этом свете. Мне все люди вокруг очень нравились и все работы тоже. У меня тогда в голове была ужасная путаница, я был какой-то растерянный и никак не мог толком решить, за что же мне приниматься.

То я хотел быть астрономом, чтоб не спать по ночам и наблюдать в телескоп далёкие звёзды, а то я мечтал стать капитаном дальнего плавания, чтобы стоять, расставив ноги, на капитанском мостике, и посетить далёкий Сингапур, и купить себе там забавную обезьянку, а то мне до смерти хотелось превратиться в начальника станции метро и ходить в красной фуражке и кричать толстым голосом:

— Го-о-тов!

Или у меня разгорался аппетит, чтобы выучиться на такого художника, который рисует на уличном асфальте белые полосы для мчащихся машин. А то мне казалось, что неплохо бы стать отважным путешественником вроде Алена Бомбара и переплыть все океаны на утлом челноке, питаясь одной только сырой рыбой. Правда, этот Бомбар после своего путешествия похудел на двадцать пять килограммов, а я всего-то весил двадцать шесть, так что выходило, что если я тоже поплыву, как он, то мне худеть будет совершенно некуда, я буду весить в конце путешествия только одно кило. А вдруг я где-нибудь не поймаю одну-другую рыбку и похудею чуть побольше? Тогда я, наверно, просто растаю в воздухе как дым, вот и все дела.

Когда я всё это подсчитал, то решил отказаться от этой затеи, а на другой день мне уже приспичило стать боксёром, потому что я увидел в телевизоре розыгрыш первенства Европы по боксу. Как они молотили друг друга — просто ужас какой-то! А потом показали их тренировку, и тут они колотили уже тяжёлую кожаную «грушу» — такой продолговатый тяжёлый мяч, по нему надо бить изо всех сил, во всю ивановскую, чтобы развивать в себе силу удара. И я так нагляделся на всё на это, что тоже решил стать самым сильным человеком во дворе, чтобы всех побивать, в случае чего.

Я сказал папе:

— Папа, купи мне грушу!

— Сейчас январь, груш нет. Съешь пока морковку.

Я рассмеялся:

— Нет, папа, не такую! Не съедобную грушу! Ты, пожалуйста, купи мне обыкновенную кожаную боксёрскую грушу!

— А тебе зачем? — сказал папа.

— Тренироваться, — сказал я. — Потому что я буду боксёром и буду всех побивать. Купи, а?

— Сколько же стоит такая груша? — поинтересовался папа.

— Пустяки какие-нибудь, — сказал я. — Рублей сто или триста.

— Ты спятил, братец, — сказал папа. — Перебейся как-нибудь без груши. Ничего с тобой не случится.

И он оделся и пошёл на работу.

А я на него обиделся за то, что он мне так со смехом отказал. И мама сразу же заметила, что я обиделся, и тотчас сказала:

— Стой-ка, я, кажется, что-то придумала. Ну-ка, ну-ка, погоди-ка одну минуточку.

И она наклонилась и вытащила из-под дивана большую плетёную корзинку; в ней были сложены старые игрушки, в которые я уже не играл. Потому что я уже вырос и осенью мне должны были

купить школьную форму и картуз с блестящим козырьком.

Мама стала копаться в этой корзинке, и, пока она копалась, я видел мой старый трамвайчик без колёс и на верёвочке, пластмассовую дудку, помятый волчок, одну стрелу с резиновой нашлапкой, обрывок паруса от лодки, и несколько погремух, и много ещё разного игрушечного утиля. И вдруг мама достала со дна корзинки здоровущего плюшевого мишку.

Она бросила его мне на диван и сказала:

— Вот. Это тот самый, что тебе тётя Мила подарила. Тебе тогда два года исполнилось. Хороший Мишка, отличный. Погляди, какой тугой! Живот какой толстый! Ишь как выка-

тил! Чем не груша? Ещё лучше! И покупать не надо! Давай тренируйся сколько душе угодно! Начинай!

И тут её позвали к телефону, и она вышла в коридор.

А я очень обрадовался, что мама так здорово придумала. И я устроил Мишку поудобнее на диване, чтобы мне сподручней было об него тренироваться и развивать в себе силу удара.

Он сидел передо мной такой шоколадный, но здорово облезлый, и у него были разные глаза: один его собственный жёлтый стеклянный, а другой большой белый из пуговицы от наволочки; я даже не помнил, когда он появился. Но это было неважно, потому что Мишка довольно весело смотрел на меня своими разными глазами, и он расставил ноги и выпятил мне навстречу живот, а обе руки поднял кверху, как будто шутил, что вот он уже заранее сдаётся...

И я вот так посмотрел на него и вдруг вспомнил, как давным-давно я с этим Мишкой ни на минуту не расставался, повсюду таскал его за собой, и нянькал его, и сажал его за стол рядом с собой обедать, и кормил его с ложки манной кашей, и у него такая забавная мордочка становилась, когда я его чем-нибудь перемазывал, хоть той же кашей или вареньем, такая забавная милая мордочка становилась у него тогда, прямо как живая, и я его спать с собой укладывал, и укачивал его, как маленького братишку, и шептал ему разные сказки прямо в его бархатные твёрденькие ушки, и я его любил тогда, любил всей душой, я бы за него тогда жизнь бы отдал, и вот он сидит сейчас на диване, мой бывший самый лучший друг, настоящий друг детства, вот он сидит, смеётся разными глазами, а я хочу тренировать об него силу удара...

— Ты что, — сказала мама, она уже вернулась из коридора, — что с тобой?

А я не знал, что со мной, я долго молчал и отвернулся от мамы, чтобы она по голосу или по губам не догадалась, что со мной, и я задрал голову к потолку, чтобы слёзы вкатились в меня обратно, и потом, когда я скрепился немного, я сказал:

— Ты о чём, мама? Со мной ничего... Просто я раздумал. Просто я никогда не буду боксёром.

ляпа гроссмейстера

В то утро я быстро справился с уроками, потому что они были нетрудные. Во-первых, я нарисовал домик бабы-яги, как она сидит у окошка и читает газету. А во-вторых, я сочинил предложение: «Мы построили салаш». А больше ничего не было задано. И я надел пальто, взял с собой горбушечку свежего хлеба и пошёл гулять на бульвар. На нашем бульваре в середине есть пруд, а в пруду плавают разные лебеди, гуси и утки.

В этот день был очень сильный ветер. И все листья на деревьях выворачивались наизнанку, и пруд был весь взлохмаченный, какой-то шершавый от ветра.

И, как только я пришёл на бульвар, я увидел, что сегодня почти никого нет, только двое каких-то незнакомых ребят бегают по дорожке, а на скамейке сидит дяденька и сам с собой играет в шахматы. Он сидит на скамейке боком, а позади него лежит его шляпа.

И в это время ветер вдруг задул особенно сильно, и эта самая дяденькина шляпа взвилась в воздух. А шахматист ничего не заметил, сидит себе, уткнулся в свои шахматы. Он, наверно, очень увлёкся и забыл про всё на свете. Я тоже, когда играю с папой в шахматы, ничего вокруг себя не вижу, потому что очень хочется выиграть. И вот эта шляпа взлетела, и плавно так начала опускаться, и опустилась как раз перед теми незнакомыми ребятами, что играли на дорожке. Они оба разом протянули к ней руки. Но не тут-то было, потому что ветер! Шляпа вдруг как живая подпрыгнула вверх, перелетела через этих ребят и красиво спланировала прямо в пруд! Но упала она не в воду, а нахлобучилась одному лебедю прямо на голову. Утки очень испугались, и гуси тоже. Они бросились врассыпную от шляпы кто куда. А вот лебеди, наоборот, очень заинтересовались, что это за штука такая получилась, и все подплыли к этому лебедю в шляпе. А он изо всех сил мотал головой, чтобы сбросить шляпу, но она никак не слетала, и все лебеди глядели на эти чудеса и, наверно, очень удивлялись.

Тогда эти незнакомые ребята на берегу стали приманивать лебедей к себе. Они свистели:

— Фью-фью-фью!

Как будто лебедь — это собака!

Я сказал:

— Сейчас я их приманю хлебом, а вы притащите сюда какую-нибудь палку подлиннее. Надо всё-таки отдать шляпу тому шахматисту. Может быть, он гроссмейстер...

И я вытащил свой хлеб из кармана, и стал его крошить и бросать в воду, и, сколько было лебедей, и гусей, и уток, все поплыли ко мне. И у самого берега началась настоящая давка и толкотня. Просто птичий базар! И лебедь в шляпе тоже толкался и наклонял голову за хлебом, и шляпа с него, наконец, соскочила!

Она стала плавать довольно близко. Тут подоспели незнакомые ребята. Они где-то раздобыли здоровенный шест, а на конце шеста был гвоздь. И ребята сразу стали удить эту шляпу. Но немножко не доставали. Тогда они взялись за руки, и у них получилась цепочка, и тот, который был с шестом, стал поддавливать шляпу.

Я ему говорю:

— Ты старайся её гвоздём в самую серединку проткнуть! И подсекай, как ерша, знаешь?

А он говорит:

— Я, пожалуй, сейчас бухнусь в пруд, потому что меня слабо держат.

Я говорю:

— Дай-ка я!

Он говорит:

— Валяй! А то я обязательно бухнусь!

Я говорю:

— Держите меня оба за хлястик!

Они стали меня держать. А я взял шест двумя руками, весь вытянулся вперёд, да как размахнулся, да как шлёпнусь прямо лицом вперёд! Хорошо ещё, не сильно ушибся, там была мягкая грязь, так что получилось не больно.

Я говорю:

— Что же вы плохо держите? Не умеете держать, не беритесь!

Они говорят:

— Нет, мы хорошо держим! Это твой хлястик оторвался. Весь, с мясом.

Я говорю:

— Кладите мне его в карман, а сами держите просто за пальто, за хвост. Пальто небось не порвётся! Ну!

И опять потянулся шестом к шляпе. Я подождал немного, чтобы ветерок подогнал её поближе. И всё время потихоньку пригребал её к себе. Мне очень хотелось отдать её шахматисту. А вдруг он и вправду гроссмейстер? А может быть, это даже сам Ботвинник! Просто так вышел погулять, и всё. Ведь бывают же такие истории в жизни! Я отдам ему шляпу, а он мне скажет: «Спасибо, Денис!»

И я потом снимусь с ним на карточку и буду её всем показывать...

А может быть, он со мною даже согласится сыграть одну партию? А вдруг я выиграю? Бывают же такие случаи!

И тут шляпа подплыла чуть поближе, я замахнулся и вонзил ей гвоздь в самую макушку. Незнакомые ребята закричали:

— Есть!

А я снял шляпу с гвоздя. Она была очень мокрая и тяжёлая.

Я сказал:

— Надо её выжать!

И один парнишка взял шляпу за свободный конец и стал её вертеть направо. А я вертел, наоборот, налево. И из шляпы потекла вода.

Мы здорово её выжали, она даже лопнула поперёк. А мальчишка, который ничего не делал, сказал:

— Ну, всё в порядке. Давайте её сюда. Я отдам её дяденьке.

Я говорю:

— Ещё чего. Я сам отдам.

Тогда он стал тянуть шляпу к себе. А второй к себе. А я

к себе. И у нас случайно получилась потасовка. И они вырвали подкладку из шляпы. И всю шляпу отняли у меня.

Я говорю:

— Я хлебом приманивал лебедей, мне и отдавать!

Они говорят:

— А кто шест достал с гвоздём?

Я говорю:

— А чей хлястик оторвался?

Тогда один из них говорит:

— Ладно, уступи ему, Маркушка! Его всё равно ещё дома выдерут за хлястик!

Маркушка сказал:

— На, бери свою несчастную шляпу, — и наподдал ногой, как мяч.

А я схватил её и быстро побежал в конец аллеи, где сидел шахматист. Я подбежал к нему и сказал:

— Дяденька, вот вам ваша шляпа!

— Где? — спросил он.

— Вот, — сказал я и протянул ему шляпу.

Он сказал:

— Ты ошибаешься, мальчик! Моя шляпа здесь. — И он оглянулся назад.

А там, конечно, ничего не было.

Тогда он закричал:

— В чём дело? Где моя шляпа, я вас спрашиваю?!

Я немножко отошёл от него и опять сказал:

— Вот она. Вот. Разве вы не видите?

А он прямо задохнулся:

— Что ты мне суёшь этот кошмарный блин? У меня была новенькая шляпа, где она?! Отвечай сейчас же!

Я ему говорю:

— Вашу шляпу унёс ветер, и она попала в пруд. Но я её уцепил гвоздём. А потом мы выжали из неё воду. Вот она. Берите... А это подкладка!

Он сказал:

— Сейчас я сведу тебя к твоим родителям!!!

Я сказал:

— Мама в институте. Папа на заводе. А вы, случайно, не Ботвинник?

Он совсем рассердился:

— Уйди, мальчик! Скройся с глаз! А то я тебе подсыплю!

Я ещё чуть-чуть отошёл и сказал:

— А то давайте сыграем?

Он в первый раз посмотрел на меня как следует. Он сказал:

— А ты разве умеешь?

Я сказал:

— Ого!

Тогда он вздохнул и сказал:

— Ну, садись!

„Где это видано, где это слыхано...“

На переменке подбежала ко мне наша октябратская вожакая Люся и говорит:

— Дениска, а ты сможешь выступить в концерте? Мы решили организовать двух малышей, чтобы они были сатирики. Хочешь?

Я говорю:

— Я всё хочу! Только ты объясни: что такое сатирики?

Люся говорит:

— Видишь ли, у нас есть разные неполадки... Ну, например, двоечники или лентяи, их надо прохватить. Понял? Надо про них выступить, чтобы все смеялись, это на них действует отрезвляюще.

Я говорю:

— Они не пьяные, они просто лентяи.

— Это так говорится: «отрезвляюще», — засмеялась Люся. — А на самом деле просто эти ребята призадумаются, им станет неловко, и они исправятся. Понял? Ну, в общем, не тьяни: хочешь — соглашайся, не хочешь — отказывайся!

Я сказал:

— Ладно уж, давай!

Я Тогда Люся спросила:

— А у тебя есть партнёр?

— Нету.

Я Люся удивилась:

— Как же ты без товарища живёшь?

— Товарищ у меня есть, Мишка. А партнёра нету.

Я Люся снова улыбнулась:

— Это почти одно и то же. А он музыкальный, Мишка твой?

— Нет, обыкновенный.

Я Петь умеет?

— Очень тихо. Но я научу его петть погромче, не беспокойся.

Я Тут Люся обрадовалась:

Я — После уроков притащи его в малый зал, там будет репетиция!

И я со всех ног пустился искать Мишку. Он стоял в буфете и ел сардельку.

Я сказал:

— Мишка, хочешь быть сатириком?

А он сказал:

Я погоди, дай доесть.

Я стоял и смотрел, как он ест. Сам маленький, а сарделька толще его шеи. Он держал эту сардельку руками и ел прямо целой, не разрезал, и шкурка трещала и лопалась, когда он её кусал, и оттуда брызгал горячий пахучий сок. И я не выдержал и сказал тётке Кате:

— Дайте мне, пожалуйста, тоже сардельку, поскорее!

И тётка Катя сразу протянула мне мисочку. И я очень तो-ропился, чтобы Мишка без меня не успел съесть свою сардельку: мне одному не было бы так вкусно. И вот я тоже взял свою сардельку руками и тоже, не чистя, стал грызть её, и из неё брызгал горячий пахучий сок. И мы с Мишкой так грызли на пару, и обжигались, и смотрели друг на дружку, и улыбались.

А потом я ему рассказал, что мы будем сатирики, и он согласился, и мы еле досидели до конца уроков, а потом побежали в малый зал на репетицию.

Там уже сидела наша октябрятская вожатая Люся, и с ней был один парнишка, приблизительно из четвёртого, очень некрасивый, с маленькими ушками и большущими глазами.

Я Люся сказала:

— Вот и они! Познакомьтесь, это наш школьный поэт Андрей Шестаков.

Мы сказали:

— Здорóво!

И отвернулись, чтобы он не задавался.

А поэт сказал Люсе:

Я — Это что, исполнители, что ли?

— Да.

Он сказал:

— Неужели ничего не было покрупней?

Люся сказала:

— Как раз то, что требуется!

Но тут пришёл наш учитель пения Борис Сергеевич. Он сразу подошёл к роялю:

Я — Ну те-с, начинаем! Где стихи?

Я Андрюшка вынул из кармана какой-то листок и сказал:
Я — Вот. Я взял размер и припев у Маршака, из сказки об ослике, дедушке и внуке: «Где это видано, где это слыхано...»

Борис Сергеевич кивнул головой:

Я — Читай вслух!

Я Андрюшка стал читать:

Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.
Где это видано, где это слыхано, —
Папа решает, а Вася сдаёт?!

Мы с Мишкой так и прыснули. Конечно, ребята довольно часто просят родителей решить за них задачу, а потом

показывают учительнице, как будто это они такие герои. А у доски ни бум-бум — двойка! Дело известное. Ай да Андрюшка, здорово прохватил!

А Андрюшка читает дальше, так тихо и серьёзно:

Я

Мелом расчерчен асфальт на квадратики.
Манечка с Танечкой прыгают тут.
Где это видано, где это слыхано, —
В «классы» играют, а в класс не идут?!

Опять здорово. Нам очень понравилось! Этот Андрюшка — просто настоящий молодец, вроде Пушкина!

Я — Борис Сергеевич слушал и сказал:
Я — Ничего, неплохо! А музыка будет самая простая, вот что-нибудь в этом роде. — И он взял Андрюшкины стихи и, тихонько наигрывая, пропел их все подряд.

Получилось очень ловко, мы даже захлопали в ладоши.

А Борис Сергеевич сказал:

Я — Ну те-с, кто же наши исполнители?

А Люся показала на нас с Мишкой:

Я — Вот!

— Ну что ж, — сказал Борис Сергеевич, — у Миши довольно хороший слух... Правда, Дениска поёт не очень-то верно.

Я сказал:

— Зато громко.

И мы начали повторять эти стихи под музыку и повторили их, наверно, раз пятьдесят или тысячу, и я очень громко орал, и все меня успокаивали и делали замечания:

Я — Ты не волнуйся! Ты тише! Спокойней! Не надо так громко!

Особенно горячился Андрюшка. Он меня совсем затормошил. Но я пел только громко, я не хотел петь потише, потому что настоящее пение — это именно когда громко!

...И вот однажды, когда я пришёл в школу, я увидел в раздевалке объявление:

ВНИМАНИЕ!

Сегодня на большой перемене
в малом зале состоится выступление
летучего патруля
«Пионерского Сатирикона»!
Исполняет дуэт малышей!
На злобу дня!
Приходите все!

И во мне сразу что-то ёкнуло. Я побежал в класс. Там сидел Мишка и смотрел в окно. Я сказал:

— Ну, сегодня выступаем!

А Мишка вдруг промямлил:

Я Неохота мне выступать...

Я прямо оторопел. Как — неохота? Вот так раз! Ведь мы же репетировали? А как же Люся и Борис Сергеевич? Андрюшка? А все ребята, ведь они читали афишу и прибегут как один? Я сказал:

— Ты что, с ума сошёл, что ли? Людей подводить?

А Мишка так жалобно:

Я У меня, кажется, живот болит.

Я говорю:

— Это со страху. У меня тоже болит, но я ведь не отказываюсь!

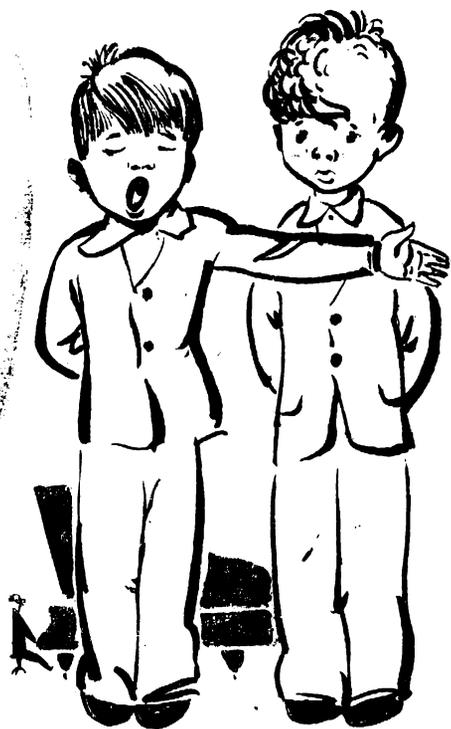
Но Мишка всё равно был какой-то задумчивый. На большой перемене все ребята кинулись в малый зал, а мы с Мишкой еле плелись позади, потому что у меня тоже совершенно пропало настроение выступать. Но в это время нам на встречу прибежала Люся, она крепко схватила нас за руки и поволокла за собой, но у меня ноги были мягкие, как у куклы, и заплетались. Это я, наверно, от Мишки заразился.

В зале было огорожено место около рояля, а вокруг столпились ребята из всех классов, и няни, и учительницы.

Мы с Мишкой встали около рояля.

Борис Сергеевич был уже на месте, и Люся объявила дикторским голосом:

Я — Начинаем выступление «Пионерского Сатирикона» на злободневные темы. Текст Андрея Шестакова, исполняют всемирно известные сатирики Миша и Денис! Попросим!

И мы с Мишкой вышли немножко вперёд. Миша был белый, как стена. А я ничего, только во рту было сухо и шершаво, как будто там лежал наждак.

Борис Сергеевич заиграл. Начинать нужно было Мишке, потому что он пел первые две строчки, а я должен был петь вторые две строчки. Вот Борис Сергеевич заиграл, а Мишка выкинул в сторону левую руку, как его научила Люся, и хотел было запеть, но опоздал, и, пока он собирался, наступила уже моя очередь, так выходило по музыке. Но я не стал петь, раз Мишка опоздал. С какой стати!

Мишка тогда опустил руку на место. А Борис Сергеевич громко и раздельно начал снова.

Он ударил, как и следовало, по клавишам три раза, а на четвёртый Мишка опять откинул левую руку и наконец запел:

Я

Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.

Я сразу подхватил и прокричал:

Где это видано, где это слыхано, —
Папа решает, а Вася сдаёт?!

Все, кто был в зале, засмеялись, и у меня от этого стало легче на душе. А Борис Сергеевич поехал дальше. Он снова три раза ударил по клавишам, а на четвёртый Мишка акку-

ратно выкинул левую руку в сторону и ни с того ни с сего запел сначала:

Л

Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.

Я сразу понял, что он сбился! Но раз такое дело, я решил допеть до конца, а там видно будет. Взял и допел:

Где это видано, где это слыхано, —
Папа решает, а Вася сдаёт?!

Слава богу, в зале было тихо — все, видно, тоже поняли, что Мишка сбился, и подумали: «Ну что ж, бывает, пусть дальше поёт».

А музыка в это время бежала всё дальше и дальше. Но Мишка был какой-то зеленоватый.

И когда музыка дошла до места, он снова вымахнул левую руку и, как пластинка, которую «заело», завёл в третий раз:

Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.

Мне ужасно захотелось стукнуть его по затылку чем-нибудь тяжёлым, и я заорал со страшной злостью:

Где это видано, где это слыхано, —
Папа решает, а Вася сдаёт?!

Мишка, ты, видно, совсем рехнулся! Ты что в третий раз од-но и то же затягиваешь? Давай про девчонок!

А Мишка так нахально:

Л Без тебя знаю! — И вежливо говорит Борису Сергеевичу: — Пожалуйста, Борис Сергеевич, дальше!

Борис Сергеевич заиграл, а Мишка вдруг осмелел, опять выставил свою левую руку и на четвёртом ударе заголосил как ни в чём не бывало:

Л

Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.

Тут все в зале прямо завизжали от смеха, и я увидел в толпе, какое несчастное лицо у Андрюшки, и ещё увидел, что Люся, вся красная и растрёпанная, пробивается к нам сквозь толпу. А Мишка стоит с открытым ртом, как будто сам на себя удивляется. Ну, а я, пока суд да дело, докрикиваю:

Где это видано, где это слыхано, —
Папа решает, а Вася сдаёт?!

Тут уж началось что-то ужасное. Все хохотали как зарезанные, а Мишка из зелёного стал фиолетовым. Наша Люся схватила его за руку и утащила к себе. Она кричала:

— Дениска, пой один! Не подводи!.. Музыка! И!..

А я стоял у рояля и решил не подвести. Я почувствовал, что мне стало всё равно, и, когда дошла музыка, я почему-то вдруг тоже выкинул в сторону левую руку и совершенно неожиданно завопил:

Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.

Я даже плохо помню, что было дальше. Было похоже на землетрясение. И я думал, что вот сейчас провалюсь совсем под землю, а вокруг все просто падали от смеха — и няни, и учителя, все, все...

Я даже удивляюсь, что я не умер от этой проклятой песни. Я, наверно бы, умер, если бы в это время не зазвонил звонок... Не буду я больше сатириком!

Человек с голубым лицом

Мы сидели возле дяди Володиной дачи на брёвнах, и папа обстругивал большенную ореховую палку для моего лука, а я в это время наващивал верёвку для тетивы.

Всё было тихо и спокойно, только в переулке тарахтела

дорожная машина, и у неё вместо колёс было два тяжёлых катка, — она делала в нашем посёлке асфальтовую дорогу. Сиденье на этой машине помещалось очень высоко, и когда она проехала мимо нас, над нашим забором проплыла голова дорожного рабочего. Лицо у него было всё голубое, потому что у него очень сильно росла борода. Он её брил каждый день, и от этого лицо всегда было голубое. Рядом с этим голубым проплыло лицо румяной девушки, его помощницы, с красивыми чёрными глазами и длинными ресницами.

Я знал, что эти рабочие поехали обедать на свою базу в Сосенки, потому что работать они начали ещё ночью, когда все ещё спали и было не жарко.

Этот дядька с голубым лицом однажды довольно жгуче шуганул меня прутом по ногам, за то что я заводил его машину, когда он ушёл. Он тогда здорово жиганул меня, и я его не любил. Я даже боялся, как бы он не пожаловался сейчас папе, что я озорую, но он, слава богу, меня не заметил и проехал мимо.

И мы с папой сидели так рядом на брёвнышках, и я по-свистывал, а папа помалкивал, и мы только улыбались друг другу, потому что нам очень нравилось жить в этом посёлке. Мы здесь гостили уже шестой день, и я подружился с соседскими ребятами, и перезнакомился со всеми собаками, и знал каждую по имени и фамилии. Мы катались на лодках, жгли костры и ходили по грибы и видели, как вдалеке полем пробежали лосиха и лосёнок.

А сегодня мы с папой собирались пострелять из лука и потом запустить змея — высоко-высоко, под самое солнце.

И пока я про всё это думал, вдруг хлопнула калитка, и к нам во двор вошёл Александр Семёныч, наш сосед, у него есть своя автомашинка «Волга». Они с папой друзья.

Он сел рядом с нами и сказал:

— Беда.

Папа сказал:

— Что такое?

Александр Семёныч сказал:

— У него, видите ли, свадьба! А мне какое дело? Сего-

дня свадьба, завтра крестины, послезавтра именины!.. А мне как быть? Сидеть без шофёра? — Он погрозил кому-то кулаком. — У меня дела поважнее вашей свадьбы!

Папа сказал:

— Расскажите толком.

И Александр Семёныч сказал, что его шофёр Лёша решил жениться на одной своей знакомой и сегодня у него свадьба.

— Ну и пусть женится, — сказал папа, — вам-то что?

Но Александр Семёныч разгорячился.

— Мне в город нужно, — сказал он, — вот так! Понятно?

И он попилил ладонью себе горло. Мол, позарез. Но папа молчал.

— Ага, — ехидно сказал Александр Семёныч, — отмалчиваетесь? Палочки строгаєте? А где чувство локтя?!

— Ведь отпуск, — сказал папа, — надо с сыном побыть.

— Никуда он не денется, — заявил Александр Семёныч и шлёпнул меня по спине. — Мы просто возьмём его с собой! Надо парню удовольствие доставить. Пусть прокатится!

И тут я наконец понял, чего он добивается. И как это я сразу не догадался? Ведь ездить-то он не умеет. Не умеет управлять своей собственной «Волгой». А папа умеет. И «Волгой», и «Победой», и «ГАЗ-51», и какой угодно. Потому что у папы есть водительские права, он даже ездил в автопробег Москва — Хабаровск. У него только машины собственной нет, а ездит он классно! И Александр Семёныч подкатывается, значит, к нам, чтобы папа свёз его в город и обратно.

И хотя я видел, что папе не очень-то охота ехать, потому что он пригнулся на солнышке, и ему очень нравится сидеть в старых брюках около сарая и строгать потихоньку палочку, и никуда ему неохота, но сам-то я очень обрадовался, что можно будет слетать на автомобиле, и поэтому я сразу заорал:

— Поехали! Какой может быть разговор!

И Александр Семёныч вскочил как ужаленный и тоже завопил во всё горло:

— Правильно! Ура! Поехали!..

Тут папа совсем сдался и только сказал умоляюще:

— Только, как говорится, взад-назад. Быстро! Чтобы к трём быть обратно!

Александр Семёныч расхохотался и положил руку на сердце:

— К двум! — И поклялся: — Чтоб мне провалиться на этом месте! К двум часам мы будем здесь. Как штык!

И мы с папой пошли переоделись, а потом вывели машину со двора Александра Семёныча, и они сели впереди, папа за рулём. А меня отправили в заднюю кабину и защёлкнули за мной обе дверцы. И я сразу стал за папиной спиной, чтобы смотреть вперёд, на дорогу, на спидометр, на лес, на встречные машины, и чтобы воображать, что это я веду машину, я, а не папа, и что она вовсе не автомобиль, а космический корабль, а я самый первый человек, который полетел на небо, к прохладным звёздам.

И так мне интересно было ехать, и приятно, и весело! Вокруг всё было зелёное. Трава, и большие деревья, и тоненькие берёзки — всё было зелёное вокруг. И ветер был такой сильный и тёплый и тоже пахнул зелёным.

Я стоял позади папы и посвистывал и смотрел вперёд на дорогу; она блестела как серебряная, и, если пригнуть голову, было видно, как дрожит над ней и вьётся раскалённый воздух.

И то попадалась на дороге доска — видно, грузовик обронил, — то небольшая охапка сена, и тоже было понятно, откуда она здесь, то шофёрские концы, какими руки вытирают. И получалось, что дорога как будто рассказывает, кто по ней проехал до нас с папой и Александром Семёнычем.

А сейчас мы мчались довольно быстро, спидометр показывал семьдесят, и я наконец начал играть в космический корабль. Я включал приборы, и выжимал педали, и щёлкал рычажками, и летел мимо Марса и Луны, ещё и ещё дальше, и скоро я решил, что вступил в состояние невесомости, и стал подпрыгивать, чтобы проверить, весомый я или невесомый.

Но папа сказал, не оборачиваясь:

— Стой смирно!

И я опять стал смотреть вперёд. И только я посмотрел вперёд, я сразу увидел, что через дорогу идёт девочка! То есть она бежит перед самой нашей машиной. Бежит и бежит. И откуда она взялась, ведь только что её не было. Просто как будто из-под земли выскочила! Наша машина резко крутанула вправо, и страшно загудел гудок... И я успел заметить, что девочка тоже метнулась вправо, опять под машину, и тут раздался какой-то дикий визг, и лязг, и скрежет, и машину как будто кто-то дёрнул за хвост, и дальше всё пошло совершенно непонятно. Мне показалось, что через меня прошёл электрический ток, и сразу что-то жалобно зазвенело, а потом словно бы хрустнуло, и гудок непрерывно гудел, а я весь прижался к переднему сиденью, я ухватился за него руками, и локтями, и грудью и вдруг увидел, что берёзки в окне упали все сразу налево, как подрезанные, а потом быстро появились снова и опять рухнули влево... И тут всё остановилось. Я стоял на четвереньках. Надо мной было открытое окно, как будто я был в подводной лодке или на дне колодца. И вдруг, сам не знаю почему, я стал карабкаться, как кошка, и вцепляться во что попало — в чехлы, в ручки, всё равно во что, — и, в общем, я моментально выскочил наружу.

Наша машина лежала под откосом на боку. У неё не было никаких стёкол. Из-под мотора вытекал небольшой дымок. Крыша была сплюснута, как старая шляпа. Машина всё время гудела. Колёса у неё вертелись, как лапки у жука, когда его перевернёшь.

Из другого окошка вылез человек. Это был Александр Семёныч. Он вылез и сразу подошёл ко мне.

Он сказал:

— Ты не знаешь, где мой левый ботинок?

И правда, одна нога у него была разута... Он взглянул на машину, схватился за голову и опять сказал:

— Не могу понять, куда девался ботинок... Поищи.

И я стал шарить в траве.

Ботинка нигде не было, а машина всё время гудела тоскливым голосом. Я не мог этого слышать, у меня мурашки бежали по затылку, и я отошёл от неё подальше.

Около края дороги остановился грузовик, из него попрыгали солдаты и побежали вниз, к нам. Один солдат заглянул в машину и замахал руками остальным:

— Там человек! Быстро!..

И солдаты схватили машину и поставили её на колёса. Она всё гудела, как будто звала. И только тут я вдруг вспомнил, что там, за рулём, сидит мой папа!

Как я мог об этом забыть! Мне стало страшно... Я побежал к машине.

Папа сидел, неудобно скрючившись, всё тело его было повернуто назад, как будто он смотрел в заднее окно. Рука его была в руле, она и нажимала на гудок. Кружок сигнала и костяной круг переплелись между собой и как капкан держали папину руку возле локтя. Рука была синяя, распухшая, и из неё лилась кровь.

Солдаты стали раздирать руль. Они открыли дверцы, и папа вышел на воздух. Он был весь белый, и глаза у него были белые, и рука висела, как будто она была от другого человека. Я подбежал к папе и встал перед ним, но он не успел меня заметить, потому что в это время на мотоцикле подскакали милиционеры.

Один из них сказал:

— Предъявите права!

Папа стоял к нему боком, и этот милиционер не видел его руки, а папа медленно и неловко полез левой рукой в правый карман и никак не мог в него залезть. Тогда я придвинулся к нему вплотную и достал права. Папа поглядел на меня. Он, как видно, только сейчас вспомнил, что я был с ним всё время. Он левой рукой схватил меня за плечо и нагнулся ко мне близко-близко. Он сказал как будто издали:

— Это ты? — И стал трясти меня, и закричал: — Где больно? Говори!..

Я сказал:

— Нигде не больно. Я весь целый...

Папа сел на корточки и привалился к колесу. У него лицо стало мокрое. Пот бежал у него со лба толстыми каплями. Он вдруг начал сползать на бок, как будто хотел прилечь.

Я вцепился в его рубашку, чтобы он не ложился на землю. Но тут к нам протиснулся человек в белом халате. Он стал перед папой на колени и сразу схватил его за правую руку.

Папа сказал:

— Ко всем чертям...

И доктор встал на ноги. Он сказал:

— Перелом. Двойной.

И поднял папу, и повёл его к большой машине. Народу вокруг было очень много, и по краю дороги стояли автобусы, и «Москвичи», и «газики». Я даже заметил, что дорожная машина с нашей улицы тоже была здесь. Я пошёл за доктором и папой, но меня оттирала толпа, и я еле пробивался сзади. Когда папа поднялся наверх по откосу, я увидел, что к нему подбежал дорожный рабочий с голубым лицом, тот самый, что когда-то давно жиганул меня прутом по ногам. Он что-то сказал папе на ходу, и папа кивнул головой. Потом папа стал садиться в «скорую помощь», и я понял, что он опять совсем забыл про меня. Но всё равно я решил бежать за ним и его машиной, пока не догоню. Тут папа обернулся и что-то крикнул мне. Я не расслышал что. Машина тронулась и поехала, я побежал за ней, но не успел взбежать кверху, было высоко, и я остановился, потому что очень билось сердце.

Сверху была видна наша «Волга». Она стояла, как подбитый танк. Из-за неё вышел Александр Семёныч и сказал:

— Можешь себе представить, ботинок лежал в багажнике. Фантастика!

К нему подошёл милиционер.

— Так, — сказал он и стал опять чёркать в блокноте, — сейчас будем продолжать... А мальчишка этот, видать, в сорочке родился. Ни царапинки! Стало быть, это ваша машина?

Я хотел его спросить, когда же привезут обратно папу, но в это время сверху крикнули:

— Товарищ начальник! Мы мальчонку с собой заберём, чего ему тут на солнце печься!.. Мы на ихней улице асфальт кладём. Аккурат у ихнего дома. Иди, мальчик, сюда!

Это кричал со своей машины человек с голубым лицом.

Милиционер сказал:

— Поедешь?

Я не знал, что ответить, потому что мне было совестно оставлять Александра Семёныча одного. А он, видно, догадался, про что я думаю, и сказал:

— Ничего, поезжай...

Я сказал:

— А вы без меня управитесь?

Он сказал:

— Постараюсь. Мне помогут, поезжай...

Но я не двигался с места.

Тогда сверху соскочила красивая девушка, что сидела рядом с голубым человеком. Она взяла меня за руку и сказала:

— А мы ему руль дадим подержать. Да, Ваня? Товарищ начальник, вы ему разрешите, пожалуйста, за руль подержаться. Он у нас будет сам править, честное слово! Он даже, если захочет, будет сигналы дудеть. Да, Ваня? Он будет дудеть, и все ему будут завидовать, а вы, товарищ начальник, наверно, тоже будете завидовать. Да? Иди сюда, мальчишка, золотко моё, на, держись за руль, чтоб ты был здоров!

Она так пела надо мной, как над маленьким, и поставила меня впереди голубого человека. От него сильно пахло бензином. Он положил мои руки на руль, а рядом свои, и я увидел, какие у него толстые пальцы, с широкими ногтями с чёрной каёмкой.

Он нажал на педаль, загремел рычагами, и мы, все трое, отъехали от этого страшного места.

Всё было зелёное вокруг — и трава, и тоненькие берёзки, — и ветерок пахнул чем-то зелёным, как будто ничего не случилось.

И мы так ехали и молчали, и, хотя я держал руки на руле, я не играл ни во что. Мне не хотелось. А дяденька с голубым лицом вдруг сказал своей помощнице:

— Ты посмотри, Фирка, какой папаня у этого огольца! Ведь это не каждый рыскнёт... Не схотел, значит, чужую девочку жизни решить. Машину разбил! Хотя машина что, она железка, туды ей и дорога, починится. А вот ребёнка давить не схотел, вот что дорого... Не схотел, нет. Сыном родным

рыскнул. Выходит, душа у человека геройская, огневая... Большая, значит, душа. Вот таких-то, Фирка, мы на фронте очень уважали...

Он нащупал и надавил мой нос, как кнопку звонка:

— Ззынь...

И за то, что он сказал такое хорошее про моего папу, я изо всех сил сжал его толстый палец и заплакал.

Смерть шпиона Гадюкина

Оказывается, пока я болел, на улице стало совсем тепло, и до весенних наших каникул осталось два или три дня. Когда я пришёл в школу, все закричали:

— Дениска пришёл, ура!

И я очень обрадовался, что пришёл и что все ребята сидят на своих местах, и Катя Точилина, и Мишка, и Валерка, и цветы в горшках, и доска такая же блестящая, и Раиса Ивановна весёлая, и всё, всё, как всегда. И мы с ребятами ходили и смеялись на переменке, а потом Мишка вдруг сделал важный вид и сказал:

— А у нас будет весенний концерт!

Я сказал:

— Ну да?

Мишка сказал:

— Верно! Мы будем выступать на сцене. И ребята из четвёртого класса нам покажут постановку. Они сами сочинили. Интересная!..

Я сказал:

— А ты, Мишка, будешь выступать?

Он сказал:

— Подрастёшь, узнаешь.

И я стал с нетерпением дожидаться концерта. Дома я всё это сообщил маме, а потом сказал:

— Я тоже хочу выступить...

Мама улыбнулась и говорит:

— А что ты умеешь делать?

Я сказал:

— Как, мама, разве ты не знаешь? Я умею громко петь. Ведь я хорошо пою? Ты не смотри, что у меня тройка по пению. Всё равно я пою здорово.

Мама открыла шкаф и откуда-то из-за платьев сказала:

— Ты споёшь в другой раз. Ведь ты болел... Ты просто будешь на этом концерте зрителем. — Она вышла из-за шкафа. — Это так приятно — быть зрителем. Сидишь смотришь, как артисты выступают... Хорошо! А в другой раз ты будешь артистом, а те, кто уже выступал, будут зрителями. Ладно?

Я сказал:

— Ладно. Тогда я буду зрителем.

И на другой день я пошёл на концерт. Мама не могла со мной идти — она дежурила в институте, — папа как раз уехал на какой-то завод на Урал, и я пошёл на концерт один. В нашем большом зале стояли стулья и была сделана сцена, и на ней висел занавес. А внизу сидел за роялем Борис Сергеевич. И мы все уселись, а по стенкам встали бабушки нашего класса. А я пока стал грызть яблоко.

Вдруг занавес открылся, и появилась вожатая Люся. Она сказала громким голосом, как по радио:

— Начинаем наш весенний концерт! Сейчас ученик первого класса «В» Миша Слонов прочтёт нам свои собственные стихи! Попросим!

Тут все захлопали, и на сцену вышел Мишка. Он довольно смело вышел, дошёл до середины и остановился. Он постоял так немножко и заложил руки за спину. Опять постоял. Потом выставил вперёд левую ногу. Все ребята сидели тихо-тихо и смотрели на Мишку. А он убрал левую ногу и выставил вперёд правую. Потом он вдруг стал откашливаться:

— Кхм!.. Кхм!.. Кхм!..

Я сказал:

— Ты что, Мишка, поперхнулся?

Он посмотрел на меня, как на незнакомого. Потом поднял глаза в потолок и сказал:

— Стих.

Пройдут года, наступит старость!
Морщины вскочут на лице!
Желаю творческих успехов!
Чтоб хорошо учились и дальше все!

...Всё!

И Мишка поклонился и полез со сцены. И все ему здорово хлопали, потому что, во-первых, стихи были очень хорошие, а во-вторых, подумать только: Мишка сам их сочинил! Просто молодец!

И тут опять вышла Люся и объявила:

— Выступает Валерий Тагилов, первый класс «В»!

Все опять захлопали ещё сильнее, а Люся поставила стул на самой середке. И тут вышел наш Валерка со своим маленьким аккордеоном и сел на стул, а чемодан от аккордеона поставил себе под ноги, чтобы они не болтались в воздухе. Он сел и заиграл вальс «Амурские волны». И все слушали, и я тоже слушал и всё время думал: «Как это Валерка так быстро перебирает пальцами?» И я стал тоже так быстро перебирать пальцами по воздуху, но не мог поспеть за Валеркой. А сбоку, у стены, стояла Валеркина бабушка, она помаленьку дирижировала, когда Валерка играл. И он хорошо играл, громко, мне очень понравилось. Но вдруг он в одном месте сбился. У него остановились пальцы. Валерка немножко покраснел, но опять зашевелил пальцами, как будто дал им разбежаться; но пальцы добежали до какого-то места и опять остановились, ну просто как будто споткнулись. Валерка стал совсем красный и снова стал разбегаться, но теперь его пальцы бежали как-то боязливо, как будто знали, что они всё равно опять споткнутся, и я уже готов был лопнуть от злости, но в это время на том самом месте, где Валерка два раза спотыкался, его бабушка вдруг вытянула шею, вся подалась вперёд и запела:

...Серебрятся волны,
Серебрятся волны...

И Валерка сразу подхватил, и пальцы у него как будто перескочили через какую-то неудобную ступеньку и побежали дальше, дальше, быстро и ловко до самого конца. Вот уж ему хлопали так хлопали!

После этого на сцену выскочили шесть девочек из первого «А» и шесть мальчиков из первого «Б». У девочек в волосах были разноцветные ленты, а у мальчиков ничего не было. Они стали танцевать украинский гопак. Потом Борис Сергеевич сильно ударил по клавишам и кончил играть.

А мальчишки и девчонки ещё топали по сцене сами, без музыки, кто как, и это было очень весело, и я уже собирался тоже слазить к ним на сцену, но они вдруг разбежались. Вышла Люся и сказала:

— Перерыв пятнадцать минут. После перерыва учащиеся четвёртого класса покажут пьесу, которую они сочинили всем коллективом, под названием «Собаке — собачья смерть».

И все задвигали стульями и пошли кто куда, а я вытащил из кармана своё яблоко и начал его догрызать.

А наша октябрятская вожатая Люся стояла тут же рядом. Вдруг к ней подбежала довольно высокая рыженькая девочка и сказала:

— Люся, можешь себе представить — Егоров не явился!

Люся всплеснула руками:

— Не может быть! Что же делать? Кто ж будет звонить и стрелять?

Девочка сказала:

— Нужно немедленно найти какого-нибудь сообразительного паренька, мы его научим, что делать.

Тогда Люся стала глядеть по сторонам и заметила, что я стою и грызу яблоко. Она сразу обрадовалась.

— Вот, — сказала она. — Дениска! Чего же лучше! Он нам поможет! Дениска, иди сюда!

Я подошёл к ним поближе. Рыжая девочка посмотрела на меня и сказала:

— А он вправду сообразительный?

Люся говорит:

— По-моему, да!

А рыжая девочка говорит:

— А так, с первого взгляда, не скажешь.

Я сказал:

— Можешь успокоиться! Я сообразительный.

Тут они с Люсей засмеялись, и рыжая девочка потащила меня на сцену.

Там стоял мальчик из четвёртого класса, он был в чёрном костюме, и у него были засыпаны мелом волосы, как будто он седой; он держал в руках пистолет, а рядом с ним стоял другой мальчик, тоже из четвёртого класса. Этот мальчик был приклеен к бороде, на носу у него сидели синие очки, и он был в клеёнчатом плаще, с поднятым воротником.

Тут же были и ещё мальчики и девочки, кто с портфелем в руках, кто с чем, а одна девочка в косынке, халатике и с веником.

Я как увидел у мальчика в чёрном костюме пистолет, так сразу спросил его:

— Это настоящий?

Но рыжая девочка перебила меня.

— Слушай, Дениска! — сказала она. — Ты будешь нам помогать. Встань тут сбоку и смотри на сцену. Когда вот этот мальчик скажет: «Этого вы от меня не добьётесь, гражданин Гадюкин!» — ты сразу позвони в этот звонок. Понял?

И она протянула мне велосипедный звонок. Я взял его. Девочка сказала:

— Ты позвонишь, как будто это телефон, а этот мальчик снимет трубку, поговорит по телефону и уйдёт со сцены. А ты стой и молчи. Понял?

Я сказал:

— Понял, понял... Чего тут не понять? А пистолет у него настоящий? Парабеллум или какой?

— погоди ты со своим пистолетом... Именно, что он не настоящий! Слушай: стрелять будешь ты здесь, за сценой. Когда вот этот, с бородой, останется один, он схватит со сто-

ла папку и кинется к окну, а этот мальчик, в чёрном костюме, в него прицелится, тогда ты возьми эту дощечку и что есть силы стукни по стулу. Вот так, только гораздо сильней!

И рыженькая девочка бахнула по стулу доской. Получилось очень здорово, как настоящий выстрел. Мне понравилось.

— Здрóрово! — сказал я. — А потом?

— Это всё, — сказала девочка. — Если понял, повтори!

Я всё повторил. Слово в слово.

Она сказала:

— Смотри же, не подведи!

— Можешь успокоиться. Я не подведу.

И тут раздался наш школьный звонок, как на уроки.

Я положил велосипедный звонок на отопление, прислонил дощечку к стулу, а сам стал смотреть в щёлочку занавеса. Я увидел, как пришли Раиса Ивановна и Люся, и как сидели ребята, и как бабушки опять встали у стенок, а сзади чей-то папа взгромоздился на табуретку и начал наводить на сцену фотоаппарат. Было очень интересно отсюда смотреть туда, гораздо интересней, чем оттуда сюда. Постепенно все стали затихать, и девочка, которая меня привела, побежала на другую сторону сцены и потянула за верёвку. И занавес открылся, и эта девочка спрыгнула в зал. А на сцене стоял стол, и за ним сидел мальчик в чёрном костюме, и я знал, что в кармане у него пистолет. А напротив этого мальчика ходил мальчик с бородой. Он сначала рассказал, что долго жил за границей, а теперь вот приехал опять, и потом стал нудным голосом приставать и просить, чтобы мальчик в чёрном костюме показал ему план аэродрома.

Но тот сказал:

— Этого вы от меня не добьётесь, гражданин Гадюкин!

Тут я сразу вспомнил про звонок и протянул руку к отоплению. Но звонка там не было. Я подумал, что он упал на пол, и наклонился посмотреть. Но его не было и на полу. Я даже весь обомлел. Потом я взглянул на сцену. Там было тихо-тихо. Но потом мальчик в чёрном костюме подумал и снова сказал:

— Да, да! Этого вы от меня не добьётесь, гражданин Гадюкин!

Я просто не знал, что делать. Где звонок? Он только что был здесь! Не мог же он сам ускакать, как лягушка! Может быть, он скатился за батарею? Я присел на корточки и стал шарить по пыли за батареей. Звонка не было! Нету!.. Люди добрые! Что же делать?!

А на сцене бородатый мальчик стал ломать себе пальцы и кричать:

— Я вас пятый раз умоляю! Покажите план аэродрома!

А мальчик в чёрном костюме повернулся ко мне лицом и закричал страшным голосом:

— Этого вы от меня не добьётесь, гражданин Гадюкин!

И погрозил мне кулаком. И бородатый тоже погрозил мне кулаком. Они оба мне грозили!

Я подумал, что они меня убьют. Но ведь не было звонка! Звонка-то не было! Он же потерялся!

Тогда мальчик в чёрном костюме схватился за волосы и сказал, глядя на меня с умоляющим выражением лица:

— Сейчас, наверно, позвонит телефон! Вот увидите, сейчас позвонит телефон! Сейчас позвонит!

И тут меня осенило. Я высунул голову на сцену и быстро сказал:

— Динь-динь-динь!

И все в зале страшно рассмеялись. Но мальчик в чёрном костюме очень обрадовался и сразу схватился за трубку. Он весело сказал:

— Слушаю вас! — и вытер пот со лба.

А дальше всё пошло как по маслу. Мальчик в чёрном встал и сказал бородатому:

— Меня вызывают. Я приеду через несколько минут.

И ушёл со сцены. И встал на другой стороне. И тут мальчик с бородой пошёл на цыпочках к его столу и стал там рыться и всё время оглядывался. Потом он злорадно рассмеялся, схватил какую-то папку и побежал к задней стене, на которой было наклеено картонное окно. Тут выбежал другой мальчик и стал в него целиться из пистолета. Я сразу

схватил доску да как трахну по стулу изо всех сил. А на стуле сидела какая-то неизвестная кошка. Она закричала диким голосом, потому что я попал ей по хвосту. Выстрела не получилось, зато кошка поскакала на сцену. А мальчик в чёрном костюме бросился на бородатого и стал душить. Кошка носилась между ними. Пока мальчики боролись, у бородатого отвалилась борода. Кошка решила, что это мышь, схватила её и убежала. А мальчик, как только увидел, что он остался без бороды, так сразу лёг на пол — как будто умер. Тут на сцену прибежали остальные ребята из четвёртого класса, кто с портфелем, кто с веником, они все стали спрашивать:

— Кто стрелял? Что за выстрелы?

А никто не стрелял. Просто кошка подвернулась и всему помешала.

Но мальчик в чёрном костюме сказал:

— Это я убил шпиона Гадюкина!

И тут рыженькая девочка закрыла занавес. И все, кто были в зале, хлопали так сильно, что у меня заболела голова. Я быстренько спустился в раздевалку, оделся и побежал домой. А когда я бежал, мне всё время что-то мешало. Я остановился, полез в карман и вынул оттуда... велосипедный звонок!

Пожар во флигеле, или Подвиг во льдах...

Мы с Мишкой так заигрались в хоккей, что совсем забыли, на каком мы находимся свете, и когда спросили одного проходящего дяденьку, который час, он нам сказал:

— Ровно два.

Мы с Мишкой прямо за голову схватились. Два часа! Как-нибудь пять минут поиграли, а уже два часа! Ведь это же ужас! Мы же в школу опоздали! Я подхватил портфель и закричал:

— Бегом давай, Мишка!

И мы полетели, как молний. Но очень скоро устали и пошли шагом.

Мишка сказал:

— Не торопись, теперь уже всё равно опоздали.

Я говорю:

— Ох, влетит... Родителей вызовут! Ведь без уважительной же причины.

Мишка говорит:

— Надо её придумать. А то на совет отряда пригласят. Давай придумаем поскорее!

Я говорю:

— Давай скажем, что у нас зубы заболели и что мы ходили их вырывать.

Но Мишка только фыркнул:

— У обоих сразу заболели, да? Хором заболели!.. Нет, так не бывает. И потом: если мы их рвали, то где же дырки?

Я говорю:

— Что же делать? Прямо не знаю... Ой, вызовут на совет и родителей пригласят!.. Слушай, знаешь что? Надо придумать что-нибудь интересное и храброе, чтобы нас ещё и похвалили за опоздание, понял?

Мишка говорит:

— Это как?

А я:

— Ну, например, придумаем, что где-нибудь был пожар, а мы как будто ребёнка из этого пожара вытащили, понял?

Мишка обрадовался:

— Ага, понял! Можно про пожар придумать, а то ещё лучше сказать, как будто лёд на пруду проломился, и ребёнок этот — бух!.. В воду упал! А мы его вытащили... Тоже красиво!

— Ну да, — говорю я, — правильно! Но пожар всё-таки лучше!

— Ну нет, — говорит Мишка, — именно что лопнувший пруд интереснее!

И мы с ним ещё немножко поспорили что интересней и

храбрей, и не доспорили, а уже пришли к школе. А в раздевалке наша гардеробщица тётя Паша вдруг говорит:

— Ты где это так оборвался, Мишка? У тебя весь воротник без пуговиц. Нельзя таким чучелом в класс являться. Всё равно уж ты опоздал, давай хоть пуговицы-то пришью! Вон у меня их целая коробка. А ты, Дениска, иди в класс, нечего тебе тут торчать!

Я сказал Мишке: —

— Ты поскорее тут шевелись, а то мне одному, что ли, отдуваться?

Но тётя Паша шуганула меня.

— Иди, иди, а он за тобой! Марш!

И вот я тихонько приоткрыл дверь нашего класса, просунул голову, и вижу весь класс, и слышу, как Раиса Ивановна диктует по книжке:

— «Птенцы пищат...»

А у доски стоит Валерка и выписывает корявыми буквами: «Птенцы пестчат...»

Я не выдержал и рассмеялся, а Раиса Ивановна подняла глаза и увидела меня. Я сразу сказал:

— Можно войти, Раиса Ивановна?

— Ах, это ты, Дениска, — сказала Раиса Ивановна. — Что ж, входи! Интересно, где это ты пропадал?

Я вошёл в класс и остановился у шкафа. Раиса Ивановна взгляделась в меня и прямо ахнула:

— Что у тебя за вид? Где это ты так извалялся? А? Отвечай толком!

А я ещё ничего не придумал и не могу толком отвечать, а так, говорю что попало, всё подряд, только чтобы время протянуть:

— Я, Раиса Иванна, не один... Вдвоём мы, вместе с Мишкой... Вот оно как. Ого!.. Ну и дела. Так и так!.. И так далее.

А Раиса Ивановна:

— Что-что? Ты успокойся, говори помедленней, а то непонятно! Что случилось? Где вы были? Да говори же!

А я совсем не знаю, что говорить. А надо говорить. А что будешь говорить, когда нечего говорить? Вот я и говорю:

— Мы с Мишкой. Да. Вот... Шли себе и шли. Никого не трогали. Мы в школу шли, чтоб не опоздать. И вдруг такое! Такое дело, Раиса Иванна, прямо ох-хо-хо! Ух ты! Ай-яй-яй.

Тут все в классе рассмеялись и загалдели. Особенно громко — Валерка. Потому что он уже давно предчувствовал двойку за своих «птенцов». А тут урок остановился, и можно смотреть на меня и хохотать. Он прямо покатывался. Но Раиса Ивановна быстро прекратила этот базар.

— Тише, — сказала она, — дайте разобраться! Кораблёв! Отвечай, где вы были? Где Миша?

А у меня в голове уже началось какое-то завихрение от всех этих приключений, и я ни с того ни с сего брякнул:

— Там пожар был!

И сразу все утихло. А Раиса Ивановна побледнела и говорит:

— Где пожар?

А я:

— Возле нас. Во дворе. Во флигеле. Дым валит — прямо клубами. А мы идём с Мишкой мимо этого... как его... мимо чёрного хода! А дверь этого хода кто-то доской снаружи припёр. Вот. А мы идём! А оттуда, значит, дым! И кто-то пищит. Задыхается. Ну, мы доску отняли, а там маленькая девочка. Плачет. Задыхается. Ну, мы её за руки, за ноги — и спасли. А тут её мама прибегает, говорит: «Как ваша фамилия, мальчики? Я про вас в газету благодарность напишу». А мы с Мишкой говорим: «Что вы, какая может быть благодарность за эту пустяковую девчонку! Не стоит благодарности. Мы скромные ребята». Вот. И мы ушли с Мишкой. Можно сесть, Раиса Ивановна?

Она встала из-за стола и подошла ко мне. Глаза у неё были серьёзные и счастливые.

Она сказала.

— Как это хорошо! Очень, очень рада, что вы с Мишей такие молодцы! Иди садись. Сядь. Посиди...

И я видел, что она прямо хочет меня погладить или даже поцеловать. И мне от всего этого не очень-то весело стало. И я пошёл потихоньку на своё место, и весь класс смотрел

на меня, как будто я и вправду сотворил что-то особенное. И на душе у меня скребли кошки. Но в это время дверь распахнулась, и на пороге показался Мишка. Все повернулись и стали смотреть на него. А Раиса Ивановна обрадовалась.

— Входи, — сказала она, — входи, Мишук, садись. Сядь. Посиди. Успокойся. Ты ведь, конечно, тоже переволновался.
— Ещё как! — говорит Мишка. — Боялся, что вы зругаетесь.

— Ну, раз у тебя уважительная причина, — говорит Раиса Ивановна, — ты мог не волноваться. Всё-таки вы с Дениской человека спасли. Не каждый день такое бывает.

Мишка даже рот разинул. Он, видно, совершенно забыл, о чём мы с ним говорили.

— Ч-ч-человека? — говорит Мишка и даже заикается. — С...с... спасли? А кк...кк... кто спас?

Тут я понял, что Мишка сейчас всё испортит. И я решил ему помочь, чтобы натолкнуть его и чтобы он вспомнил, и так ласковенько ему улыбнулся, и говорю:

— Ничего не поделаешь, Мишка, брось притворяться... Я уже всё рассказал!

И сам в это время делаю ему глаза со значением: что я уже всё наврал и чтобы он не подвёл! И я ему подмигиваю, уже прямо двумя глазами, и вдруг вижу — он вспомнил! И сразу догадался, что надо делать дальше! Вот наш милый Мишенька глазки опустил, как самый скромный на свете маменькин сынок, и таким противным, приличным голоском говорит:

— Ну зачем ты это! Ерунда какая...

И даже покраснел, как настоящий артист. Ай да Мишка! Я прямо не ожидал от него такой прыти. А он сел за парту как ни в чём не бывало и давай тетради раскладывать. И все на него смотрели с уважением, и я тоже. И, наверно, этим дело бы и кончилось. Но тут чёрт всё-таки дёрнул Мишку за язык, он огляделся вокруг и ни с того ни с сего сказал:

— А он вовсе и не тяжёлый был. Кило десять — пятнадцать, не больше...

Раиса Ивановна говорит:

— Кто? Кто не тяжёлый, кило десять — пятнадцать?

А Мишка:

— Да мальчишка этот.

— Какой мальчишка?

А Мишка:

— Да которого мы из-подо льда вытащили...

— Ты что-то путаешь, — говорит Раиса Ивановна, — ведь это была девочка! И потом, откуда там лёд?

А Мишка гнёт своё:

— Как — откуда лёд? Зима, вот и лёд! Все Чистые пруды замёрзли. А мы с Дениской идём, слышим — кто-то из проруби кричит. Барахтается и пищит. Карабкается. Бултыхается и хватается руками. Ну, а лёд что? Лёд, конечно, обламывается! Ну, мы с Дениской подползли, этого мальчишку за руки, за ноги — и на берег. Ну, тут дедушка его прибежал, давай слёзы лить...

Я уже ничего не мог поделать: Мишка врал, как по-писанному, ещё лучше меня. А в классе уже все догадались, что он врёт и что я тоже врал, и после каждого Мишкиного слова все покатывались, а я ему делал знаки, чтобы замолчал и перестал врать, потому что он не то врал, что нужно, но куда там! Мишка никаких знаков не замечал и заливался соловьём:

— Ну, тут дедушка нам говорит: «Сейчас я вам именные часы подарю за этого мальчишку». А мы говорим: «Не надо, мы скромные советские ребята!»

Я не выдержал и крикнул:

— Только это был пожар! Мишка перепутал!

А он мне:

— Ты что, рехнулся, что ли? Какой может быть в проруби пожар? Это ты всё позабыл.

А в классе все падают в обморок от хохота, просто помирают. А Раиса Ивановна ка-ак хлопнет по столу! Все сразу замолчали. А Мишка так и остался стоять с открытым ртом.

Раиса Ивановна говорит:

— Как не стыдно врать! Какой позор! И я-то их считала хорошими ребятами!.. Продолжаем урок.

И все сразу перестали на нас смотреть. И в классе было тихо и как-то скучно. И я написал Мишке записку:

«Вот видишь, надо было говорить правду!»

А он прислал ответ:

«Ну конечно! Или говорить правду, или лучше совриваться».

Арбузный переулок

Я пришёл со двора после футбола усталый и грязный как не знаю кто. Мне было весело, потому что мы выиграли у дома номер пять со счётом 44:37. В ванной, слава богу, никого не было. Я быстро сполоснул руки, побежал в комнату и сел за стол. Я сказал:

— Я, мама, сейчас быка съесть могу.

Она улыбнулась.

— Живого быка? — сказала она.

— Ага, — сказал я, — живого, с копытами и ноздрями!

Мама сейчас же вышла и через секунду вернулась с тарелкой в руках. Тарелка так славно дымилась, и я сразу догадался, что в ней рассольник. Мама поставила тарелку передо мной.

— Ешь! — сказала мама.

Но это была лапша. Молочная. Вся в пенках. Это почти то же самое, что манная каша. В каше обязательно комки, а в лапше обязательно пенки. Я просто умираю, как только вижу пенки, не то чтобы есть. Я сказал:

— Я не буду лапшу!

Мама сказала:

— Безо всяких разговоров!

Я сказал:

— Там пенки!

Мама сказала:

— Ты меня вгонишь в гроб! Какие пенки? Ты на кого по-хож? Ты вылитый Кощей!

Я сказал:

— Лучше убей меня!

Но мама вся прямо покраснела и хлопнула ладонью по столу:

— Это ты меня убиваешь!

И тут вошёл папа. Он посмотрел на нас и спросил:

— О чём тут диспут? О чём такой жаркий спор?

Мама сказала:

— Полюбуйся! Не хочет есть! Парню скоро одиннадцать лет, а он, как девочка, капризничает.

Мне скоро девять. Но мама всегда говорит, что мне скоро одиннадцать. Когда мне было восемь лет, она говорила, что мне скоро десять.

Папа сказал:

— А почему не хочет? Что, суп пригорел или пересолен?

Я сказал:

— Это лапша, а в ней пенки...

Папа покачал головой:

— Ах вот оно что! Его высокоблагородие фон барон Кутькин-Путькин не хочет есть молочную лапшу! Ему, наверно, надо подать марципаны на серебряном подносе!

Я засмеялся, потому что я люблю, когда папа шутит. Я сказал:

— Это что такое — марципаны?

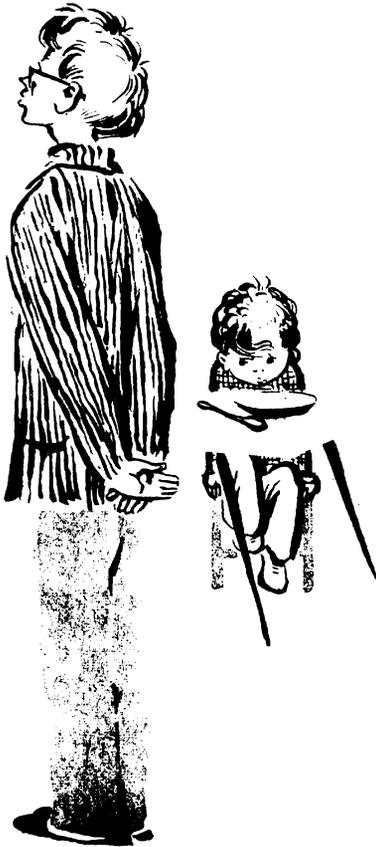
— Я не знаю, — сказал папа, — наверно, что-нибудь сладенькое и пахнет одеколоном. Специально для фон барона Кутькина-Путькина!.. А ну давай ешь лапшу!

Я сказал:

— Да ведь пенки же!

— Заелся ты, братец, вот что! — сказал папа и обернулся к маме. — Возьми у него лапшу, — сказал он, — а то мне просто противно! Кашу он не хочет, лапшу он не может!.. Капризы какие! Терпеть не могу!..

Он сел на стул и стал смотреть на меня. Лицо у него было такое, как будто я ему чужой. Он ничего не говорил, а

только вот так смотрел — по-чужому. И я сразу перестал улыбаться — я понял, что шутки уже кончились. А папа долго так молчал, и мы все так молчали, а потом он вдруг сказал, и как будто не мне, и не маме, а так кому-то, кто его друг:

— Нет, я, наверно, никогда не забуду эту ужасную осень, — сказал папа, — как невесело, неудобно тогда было в Москве... Война, фашисты рвутся к городу. Холодно, голодно, взрослые все ходят нахмуренные, радио слушают ежечасно... Ну, всё понятно, не правда ли? Мне тогда лет одиннадцать-двенадцать было, и, главное, я тогда очень быстро рос, тянулся кверху, и мне всё время ужасно есть хотелось. Мне совершенно не хватало еды. Я всегда просил хлеба у родителей, но у них

не было лишнего, и они мне отдавали свой, а мне и этого не хватало. И я ложился спать голодный, и во сне я видел хлеб. Да что... У всех так было. История известная. Писано-переписано, читано-перечитано...

И вот однажды иду я по маленькому переулку, недалеко от нашего дома, и вдруг вижу — стоит здоровенный грузовик, доверху заваленный арбузами. Я даже не знаю, как они в Москву попали. Какие-то заблудшие арбузы. Наверно, их привезли, чтобы по карточкам выдавать. И наверху в машине стоит дядька, худой такой, небритый и беззубый, что ли, — рот у него очень втянулся. И вот он берёт арбуз и кидает его

своему товарищу, а тот — продавщице в белом, а та — ещё кому-то четвёртому... И у них это ловко так цепочкой получается: арбуз катится по конвейеру от машины до магазина. А если со стороны посмотреть — играют люди в зелёно-полосатые мячики, и это очень интересная игра. Я долго так стоял и на них смотрел, и дядька, который очень худой, тоже на меня смотрел и всё улыбался мне своим беззубым ртом, славный человек. Но потом я устал стоять и уже хотел было идти домой, как вдруг кто-то в их цепочке ошибся, загляделся, что ли, или просто промахнулся, и пожалуйста — тррах!.. Тяжеленный арбузище вдруг упал на мостовую. Прямо рядом со мной. Он треснул как-то криво, вкось, и была видна белоснежная тонкая корка, а за нею такая багровая, красная мякоть с сахарными прожилками и косо поставленными косточками, как будто лукавые глазки арбуза смотрели на меня и улыбались из середины. И вот тут, когда я увидел эту чудесную мякоть и брызги арбузного сока и когда я почуял этот запах, такой свежий и сильный, только тут я понял, как мне хочется есть. Но я отвернулся и пошёл домой. И не успел я отойти, вдруг слышу — зовут:

— Мальчик, мальчик!

Я оглянулся, а ко мне бежит этот мой рабочий, который беззубый, и у него в руках разбитый арбуз. Он говорит:

— На-ка, малый, арбуз-то, тащи, дома поешь!

И я не успел оглянуться, а он уже сунул мне арбуз и бежит на своё место, дальше разгружать. И я обнял арбуз и еле доволок его до дому, и позвал своего дружка Вальку, и мы с ним оба слопали этот громадный арбуз. Ах, что это была за вкуснота! Передать нельзя! Мы с Валькой отрезали большие кусища, во всю ширину арбуза, и когда кусали, то края арбузных ломтей задевали нас за уши, и уши у нас были мокрые, и с них капал розовый арбузный сок. И животы у нас с Валькой надулись и тоже стали похожи на арбузы. Если по такому животу щёлкнуть пальцем, звон пойдёт знаешь какой? Как от барабана. И об одном только мы с Валькой жалели, что у нас нет хлеба, а то бы мы ещё лучше наелись. Да...

Папа повернулся и стал смотреть в окно.

— А потом ещё хуже — завернула осень, — сказал он, — стало совсем холодно, с неба сыпал зимний, сухой и меленький снег, и его тут же сдувало сухим и острым ветром. И еды у нас стало совсем мало, и фашисты всё шли и шли к Москве, и я всё время был голодный. И теперь мне снился не только хлеб. Мне ещё снились и арбузы. И однажды утром я увидел, что у меня совсем уже нет живота, он просто как будто прилип к позвоночнику, и я прямо уже ни о чём не мог думать, кроме еды. И я позвал Вальку и сказал ему:

— Пойдём, Валька, сходим в тот арбузный переулочек, может быть, там опять арбузы разгружают, и, может быть, опять один упадёт, и, может быть, нам его опять подарят.

И мы закутались с ним в какие-то бабушкины платки, потому что холодуга был страшный, и пошли в арбузный переулочек. На улице был серый день, людей было мало, и в Москве тихо было, не то что сейчас. В арбузном переулочке и вовсе никого не было, и мы стали против магазинных дверей и ждём, когда же придёт грузовик с арбузами. И уже стало совсем темнеть, а он всё не приезжал. Я сказал:

— Наверно, завтра приедет...

— Да, — сказал Валька, — наверно, завтра.

И мы пошли с ним домой. А назавтра снова пошли в переулочек, и снова напрасно. И мы каждый день так ходили и ждали, но грузовик не приехал...

Папа замолчал. Он смотрел в окно, и глаза у него были такие, как будто он видит что-то такое, чего ни я, ни мама не видим. Мама подошла к нему, но папа сразу встал и вышел из комнаты. Мама пошла за ним. А я остался один. Я сидел и тоже смотрел в окно, куда смотрел папа, и мне показалось, что я прямо вот вижу папу и его товарища, как они дрогнут и ждут. Ветер по ним бьёт, и снег тоже, а они дрогнут и ждут, и ждут, и ждут... И мне от этого просто жутко сделалось, и я прямо вцепился в свою тарелку и быстро, ложка за ложкой, выхлебал её всю, и наклонил потом к себе, и выпил остатки, и хлебом обтёр донышко, и ложку облизал.

Профессор кислых щей

Мой папа не любит, когда я мешаю ему читать газеты. Но я про это всегда забываю, потому что мне очень хочется с ним поговорить. Ведь он же мой единственный отец! Мне всегда хочется с ним поговорить.

Вот он раз сидел и читал газету, а мама пришивала мне воротник к куртке. Я сказал:

— Пап, а ты знаешь, сколько в озеро Байкал можно напихать Азовских морей?

Он сказал:

— Не мешай...

Я сказал:

— Девяносто два! Здорово?

Он сказал:

— Здорово. Не мешай, ладно?

И снова стал читать.

Я сказал:

— Ты художника Эль Греко знаешь?

Он кивнул.

Я сказал:

— Его настоящая фамилия Доменико Теотокопули! Потому что он грек с острова Крит. А Крит был греческий когда-то. Вот этого художника испанцы и прозвали Эль Греко!.. Интересные дела. Кит, например, папа, за пять километров слышит!

Папа сказал:

— Помолчи хоть немного... Хоть пять минут...

Но у меня было столько новостей для папы, что я не мог удержаться. Из меня высыпались новости, прямо выскакивали одна за другой. Потому что очень уж их было много. Если бы их было поменьше, может быть, мне легче было бы перетерпеть, и я бы помолчал, но их было много, и поэтому я ничего не мог с собой поделаться.

Я сказал:

— Папа! Ты не знаешь самую главную новость: на боль-

ших Зондских островах живут маленькие буйволы. Они, папа, карликовые. Называются кентусы. Такого кентуса можно в чемодане привезти!

— Ну да? — сказал папа. — Просто чудеса! Дай спокойно почитать газету, ладно?

— Читай, читай, — сказал я, — читай, пожалуйста! Пони-маешь, папа, выходит, что у нас в коридоре может пастись целое стадо таких буйволов!.. Ура?

— Ура, — сказал папа. — Замолчишь, нет?

— А солнце стоит не в центре неба, — сказал я, — а сбоку!

— Не может быть, — сказал папа.

— Даю слово, — сказал я, — оно стоит сбоку! Сбоку припёка.

Папа посмотрел на меня туманными глазами. Потом глаза у него прояснились, и он сказал маме:

— Где это он нахватался? Откуда? Когда?

Мама улыбнулась:

— Он современный ребёнок. Он читает, слушает радио. Телевизор. Лекции. А ты как думал?

— Удивительно, — сказал папа, — как это быстро всё получается.

И он снова укрылся за газетой, а мама его спросила:

— Чем это ты так зачитался?

— Африка, — сказал папа. — Кипит! Конец колониализму!

— Ещё не конец! — сказал я.

— Что? — спросил папа.

Я подлез к нему под газету и встал перед ним.

— Есть ещё зависимые страны, — сказал я. — Много ещё есть зависимых. Больше двадцати ещё мучаются.

Он сказал:

— Ты не мальчишка. Нет. Ты просто профессор! Настоящий профессор... кислых щей!

И он засмеялся, и мама вместе с ним. Она сказала:

— Ну ладно, Дениска, иди погуляй. — Она протянула мне куртку и подтолкнула меня: — Иди, иди!

Я пошёл и спросил у мамы в коридоре:

— А что такое, мама, профессор кислых щей? В первый раз слышу такое выражение! Это он меня в насмешку так назвал — кислых щей? Это обидное?

Но мама сказала:

— Что ты, это нисколько не обидное. Разве папа может тебя обидеть? Это он, наоборот, тебя похвалил!

Я сразу успокоился, раз он меня похвалил, и пошёл гулять. А на лестнице я вспомнил, что мне надо проведать Алёнку, а то все говорят, что она заболела и ничего не ест. И я пошёл к Алёнке. У них сидел какой-то дяденька, в синем костюме и с белыми руками. Он сидел за столом и разговаривал с Алёнкиной мамой. А сама Алёнка лежала на диване и приклеивала лошади ногу. Когда Алёнка меня увидела, она сразу заорала:

— Дениска пришёл! Ого-го!

Я вежливо сказал:

— Здравствуйте! Чего орёшь, как дура?

И сел к ней на диван. А дяденька с белыми руками встал и сказал:

— Значит, всё ясно! Воздух, воздух и воздух. Ведь она вполне здоровая девочка! Ничего тревожного.

И я сразу понял, что это доктор.

Алёнкина мама сказала:

— Спасибо, профессор! Большое спасибо, профессор!

И она пожала ему руку. Видно, это был такой хороший доктор, что он всё знал, и его называли за это «профессор».

Он подошёл к Алёнке и сказал:

— До свидания, Алёнка, выздоравливай.

Она покраснела, высунула язык, отвернулась к стенке и оттуда прошептала:

— До свидания...

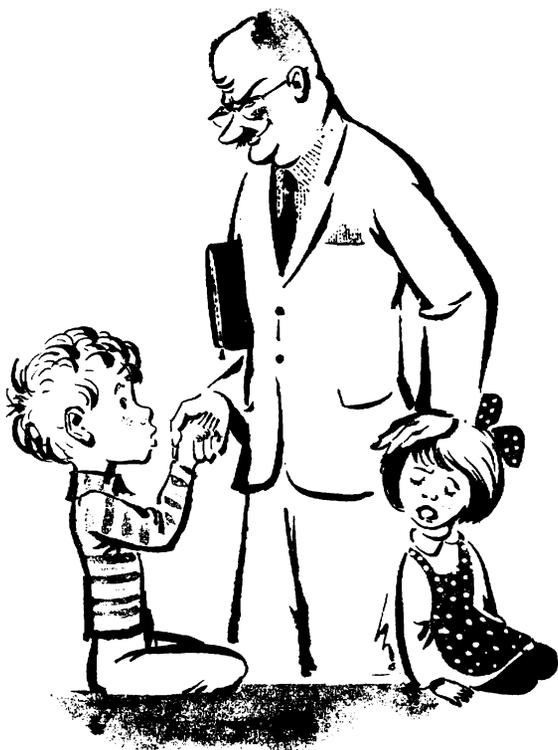
Он погладил её по голове и повернулся ко мне:

— А вас как зовут, молодой человек?

Вот он какой был славный: на «вы» меня назвал!

Я сказал:

— Я Денис Кораблёв! А вас как зовут?

Он взял мою руку своей белой большой и мягкой рукой. Я даже удивился, какая она мягкая. Ну, прямо шёлковая. И от него от всего так вкусно пахло чистотой. И он потряс мне руку и сказал:

— А меня зовут Василий Васильевич Сергеев. Профессор.

Я сказал:

— Кислых щей? Профессор кислых щей?

Алёнкина мама всплеснула руками. А профессор покраснел и закашлялся. И они оба вышли из комнаты.

И мне показалось, что они как-то не так вышли. Как будто даже выбежали.

ли. И ещё мне показалось, что я что-то не так сказал. Прямо не знаю...

А может быть, «кислых щей» — это всё-таки обидное, а?

Красный шарик в синем небе

Вдруг наша дверь распахнулась, и Алёнка закричала из коридора:

— В большом магазине весенний базар!

Она ужасно громко кричала, и глаза у неё были круглые,

как кнопки, и отчаянные. Я сначала подумал, что кого-нибудь зарезали. А она снова набрала воздух и давай:

— Бежим, Дениска! Скорее! Там квас шипучий! Музыка играет, и разные куклы! Бежим!

Кричит, как будто случился пожар. И я от этого тоже как-то заволновался, и у меня стало щеkotно под ложечкой, и я заторопился и выскочил из комнаты.

Мы взялись с Алёнкой за руки и побежали как сумасшедшие в большой магазин. Там была целая толпа народу, и в самой середине стояли сделанные из чего-то блестящего мужчины и женщины, огромные, под потолок, и, хотя они были ненастоящие, они хлопали глазами и шевелили нижними губами, как будто говорят. Мужчина кричал:

— Весенний базаррр! Весенний базаррр!

А женщина:

— Добро пожаловать! Добррро пожаловать!

Мы долго на них смотрели, а потом Алёнка говорит:

— Как же они кричат? Ведь они ненастоящие!

— Просто непонятно, — сказал я.

Тогда Алёнка сказала:

— А я знаю. Это не они кричат! Это у них в середине живые артисты сидят и кричат себе целый день. А сами за верёвочку дёргают, и у кукол от этого шевелятся губы.

Я прямо расхохотался:

— Вот и видно, что ты ещё маленькая. Станут тебе артисты в животе у кукол сидеть целый день. Представляешь? Целый день скрючившись — устанешь небось! А есть, пить надо? И ещё разное, мало ли что... Эх ты, темнота! Это радио в них кричит.

Алёнка сказала:

— Ну и не задавайся!

И мы пошли дальше. Всюду было очень много народу, все разодетые и весёлые, и музыка играла, и один дядька крутил лотерею и кричал:

Подходите сюда поскорее,
Здесь билеты вещевой лотереи!

Каждому выиграть недолго
Легковую автомашину «Волга»!
А некоторые сгоряча
Выигрывают «Москвича»!

И мы возле него тоже посмеялись, как он бойко выкрикивает, и Алёнка сказала:

— Всё-таки когда живое кричит, то интересней, чем радио.

И мы долго бегали в толпе между взрослых и очень веселились, и какой-то военный дядька подхватил Алёнку под мышки, а его товарищ нажал кнопку в стене, и оттуда вдруг забрызгал одеколон, и когда Алёнку поставили на пол, она вся пахла леденцами, а дядька сказал:

— Ну что за красотулечка, сил моих нет!

Но Алёнка от них убежала, а я — за ней, и мы наконец очутились возле кваса. У меня были завтрачные деньги, и мы поэтому с Алёнкой выпили по две большие кружки, и у Алёнки живот сразу стал как футбольный мяч, а у меня всё время шибало в нос и колело в носу иголочками. Здорово, прямо первый сорт, и когда мы снова побежали, то я услышал, как квас во мне булькает. И мы захотели домой и выбежали на улицу. Там было ещё веселей, и у самого входа стояла женщина и продавала воздушные шарики.

Алёнка как только увидела эту женщину, остановилась как вкопанная. Она сказала:

— Ой! Я хочу шарик!

А я сказал:

— Хорошо бы, да денег нету.

А Алёнка:

— У меня есть одна денежка.

Я говорю:

— Покажи!

Она достала из кармана. Я сказал:

— Ого! Десять копеек! Тётяшка, дайте ей шарик!

Продавщица улыбнулась:

— Вам какой? Красный, синий, голубой?

Алёнка взяла красный. И мы пошли. И вдруг Алёнка говорит:

— Хочешь поносить?

И протянула мне ниточку. Я взял. И сразу как взял, так услышал, что шарик тоненько-тоненько потянул за ниточку! Ему, наверно, хотелось улететь. Тогда я немножко отпустил ниточку и опять услышал, как он настойчиво так потягивается из рук, как будто очень просится улететь. И мне вдруг стало его как-то жалко, что вот он может летать, а я его держу на привязи, и я взял и выпустил его. И шарик сначала даже не отлетел от меня, как будто не поверил, а потом почувствовал, что это вправду, и сразу рванулся и взлетел выше фонаря.

Алёнка за голову схватилась:

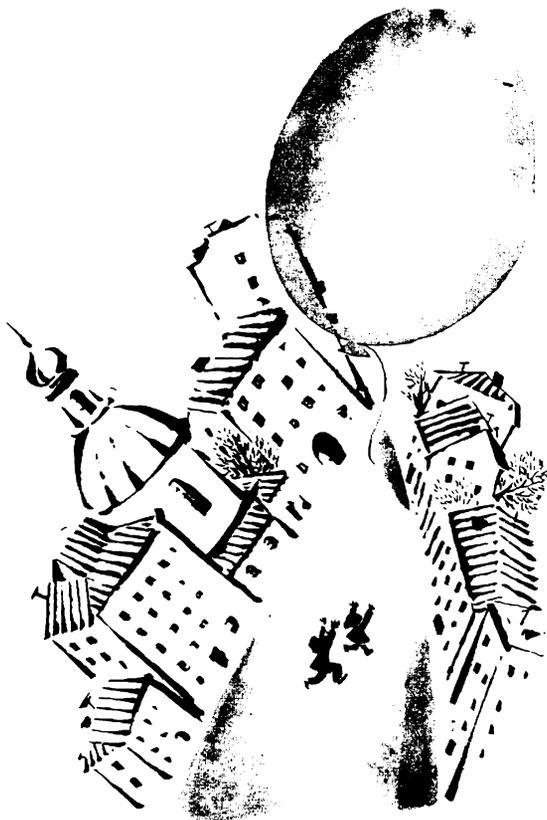
— Ой, зачем, держи!..

И стала подпрыгивать, как будто могла допрыгнуть до шарика, но увидела, что не может, и заплакала:

— Зачем ты его упустил?..

Но я ей ничего не ответил. Я смотрел вверх на шарик. Он летел кверху плавно и спокойно, как будто этого и хотел всю жизнь.

И я стоял, задрав голову, и смотрел, и Алёнка тоже, и многие взрослые остановились и тоже позадирали головы — посмотреть, как летит шарик, а он всё летел и уменьшался.

Вот он пролетел последний этаж большущего дома, и кто-то высунулся из окна и махал ему вслед, а он ещё выше и немножко вбок, выше антенн и голубей, и стал совсем маленький... У меня что-то в ушах звенело, когда он летел, а он уже почти исчез. Он залетел за облачко, оно было пушистое и маленькое, как крольчонок, потом снова вынырнул, пропал и совсем скрылся из виду и теперь уже, наверно, был в стратосфере, около Луны, а мы всё смотрели вверх, и в глазах у меня замелькали какие-то хвостатые точки и узоры. И шарика уже не было нигде. И тут Алёнка вздохнула еле слышно, и все пошли по своим делам.

И мы тоже пошли, и молчали, и всю дорогу я думал, как это красиво, когда весна на дворе, и все нарядные и весёлые, и машины туда-сюда, и милиционер в белых перчатках, а в чистое, синее-синее небо улетает от нас красный шарик... И ещё я думал, как жалко, что я не могу это всё рассказать Алёнке. Я не сумею словами, и если бы сумел, всё равно Алёнке бы это было непонятно, она ведь маленькая. Вот она идёт рядом со мной, и вся такая притихшая, и слёзы ещё не совсем просохли у неё на щеках. Ей небось жаль своего шарика.

И мы шли так с Алёнкой до самого дома и молчали, а возле наших ворот, когда стали прощаться, Алёнка сказала:

— Если бы у меня были деньги, я бы купила ещё один шарик... чтоб ты его выпустил.

Ровно 25 кило

Ура! Нам с Мишкой дали пригласительный билет в клуб «Металлист», на детский праздник. Это тётя Дуся постаралась: она в этом клубе главная уборщица. Билет-то она нам дала один, а написано на нём: «На два лица»! На моё, значит,

лицо и на Мишкино. Мы с ним очень обрадовались, тем более это недалеко от нас, за углом. Мама сказала:

— Вы только там не балуйтесь.

И дала нам денег, каждому по пятнадцать копеек.

И мы пошли с Мишкой.

Там в раздевалке была страшная толчея и очередь. Мы с Мишкой встали самые последние. Очередь чересчур медленно двигалась. Но вдруг наверху заиграла музыка, и мы с Мишкой заметались из стороны в сторону, чтобы поскорее снять пальто, и многие ребята тоже, как только услышали эту музыку, заметались как подстреленные, и даже стали реветь, что они опаздывают на самое интересное.

Но тут, откуда ни возьмись, выскочила тётя Дуся.

Она закричала:

— Дениска с Мишкой! Вы чего там колготитесь-то? Сюда давай!

И мы побежали к ней, а у неё свой отдельный кабинет под лестницей, там щётки стоят и вёдра. Тётя Дуся взяла наши вещи и сказала:

— Здесь и оденетесь, чертенята!

И мы понеслись с Мишкой по лестнице, через ступеньки, наверх. Ну, а там действительно было красиво! Ничего не скажешь! Все потолки были увешаны разноцветными бумажными лентами и фонариками, всюду горели красивые лампы из зеркальных осколков, играла музыка, и в толпе ходили наряженные артисты; один играл на трубе, другой — на барабане. Одна тётенька была одета как лошадь, и зайцы тоже были, и кривые зеркала, и Петрушка.

А в конце зала была ещё одна дверь, и на ней было написано: «Комната аттракционов».

Я спросил:

— Это что такое?

А Мишка сказал:

— Это разные затеи.

И правда, там были разные затеи. Например, там висело яблоко на нитке, и надо было заложить руки за спину, и так, без рук, это яблоко грызть. Но оно вертится на нитке и ни-

как не даётся. Это очень трудно и даже обидно. Я два раза хватал это яблоко руками и кусал. Но мне не давали его сгрызть, а только смеялись и отнимали. Ещё там была стрельба из лука, а на конце стрелы не наконечник, а резиновая нашлапка, она присасывается, и вот, кто попадёт в картонку, в центр, где нарисована обезьяна, тому приз — хлопушка с секретом.

Мишка стрелял первый, он долго метился, а когда выстрелил, то разбил одну далёкую лампу, а в обезьяну не попал...

Я говорю:

— Эх ты, стрелок!

— Это я ещё не пристрелялся! Если бы дали пять стрел, я бы пристрелялся. А то дали одну — где тут попасть!

Я повторяю:

— Давай, давай! Гляди-ка, я сейчас же попаду в обезьянку!

И дяденька, который распоряжался этим луком, дал мне стрелу и говорит:

— Ну, стреляй, снайпер!

И сам пошёл поправить обезьянку, потому что она как-то покосилась. А я уже прицелился, и всё ждал, когда он поправит, а лук был очень тугой, и я всё время приговаривал: «Сейчас я убью эту обезьянку», — и вдруг стрела сорвалась, и хлоп! Вонзилась дяденьке в лопатку. И там, на лопатке, затрепетала.

Все вокруг захлопали и засмеялись, а дяденька обернулся как ужаленный и закричал:

— Что тут смешного? Не понимаю! Уходи, озорник, нет тебе больше никакого лука!

Я сказал:

— Я не нарочно! — и ушёл от этого места.

Просто удивительно, как нам не повезло, и я был очень сердитый, и Мишка, конечно, тоже.

И вдруг видим — стоят весы. И к ним небольшая весёлая очередь, которая быстро двигается, и все тут шутят и хохочут. И около весов клоун.

Я спрашиваю:

— Это что за весы?

А мне говорят:

— Становись, взвешивайся. Если в тебе окажется двадцать пять кило весу, тогда твоё счастье. Получишь премию: годовую подписку на журнал «Мурзилка».

Я говорю:

— Мишка, давай попробуем?

Гляжу, а Мишки нет. И куда он подевался, неизвестно. Я решил один попробовать. А вдруг я вешу ровно 25 кило? Вот будет удача!..

А очередь всё двигается, и клоун в шапке ловко так щёлкает рычажками и всё шутит да шутит:

— У вас семь кило лишних — меньше кушайте мучного! — Щёлк-щёлк! — А вы, уважаемый товарищ, ещё мало каши ели, и всего-то вы тянете девятнадцать килишек! Заходите через годик. — Щёлк-щёлк!

И так далее, и все смеются, и отходят, очередь движется, и никто не весит ровно двадцать пять кило, и вот доходит дело до меня.

Я влез на весы — рычажки щёлк-щёлк, и клоун говорит:

— Ого! Знаешь игру в горячо-холодно?

Я говорю:

— Кто ж не знает.

Он говорит:

— У тебя довольно горячо получилось. Твой вес двадцать четыре кило пятьсот грамм. Не хватает ровно полкило. А жаль. Будь здоров!

Подумаешь, всего только полкило не хватает!

У меня совсем настроение испортилось. Вот какой день невезучий!

И тут Мишка появляется.

Я говорю:

— Где это ваша милость пропадает?

Мишка говорит:

— Ситро пил.

Я говорю:

— Хорошо, нечего сказать. Я тут стараюсь, «Мурзилку» выигрываю, а он ситро пьёт.

И я ему всё рассказал. Мишка говорит:

— А ну-ка я!

И клоун щёлкнул рычажком и захохотал:

— Небольшой перебор-с! Двадцать пять кило пятьсот грамм. Вам надо похудеть. Следующий!

Мишка слез и говорит:

— Эх, зря я ситро пил...

Я говорю:

— А при чём здесь ситро?

А Мишка:

— Я целую бутылку выпил! Понимаешь?

Я говорю:

— Ну и что?

Мишка даже разозлился:

— Да разве ты не знаешь, что в бутылке помещается ровно пол-литра воды?

Я говорю:

— Знаю. Ну и что?

Тут Мишка прямо зашипел:

— А пол-литра воды — это и есть полкило. Пятьсот грамм! Если бы я не пил, я бы весил ровно двадцать пять кило!

Я говорю:

— Ну да?

Мишка говорит:

— Вот то-то и оно-то!

И тут меня словно осенило:

— Мишка, — сказал я, — а Мишка! «Мурзилка» наш!

Мишка говорит:

— А каким образом?

Я говорю:

— А таким. Пришло моё время ситро пить. У меня как раз пятьсот грамм не хватает!

Мишка даже подскочил:

— Всё ясно, бежим в буфет!

И мы быстро купили бутылку воды, продавщица её откупорила, а Мишка спросил:

— Тётя, а в бутылке всегда ровно пол-литра, недолива не бывает?

Продавщица покраснела.

— Ты ещё маленький такие глупости мне говорить!

Я взял бутылку, сел за столик и начал пить. Мишка стоял рядом и смотрел. Вода была очень холодная. Но я выпил полный стакан просто залпом. Мишка сейчас же налил мне второй, но там ещё осталось на дне довольно много, и мне уже не хотелось больше пить.

Мишка сказал:

— Давай не задерживай.

А я сказал:

— Уж очень холодная. Как бы ангину не схватить.

Мишка говорит:

— Ты не будь мнительным. Говори, струсил, да?

Я говорю:

— Это ты, наверно, струсил.

И стал пить второй стакан.

Он довольно трудно в меня лился. Я как только три четверти этого второго стакана выпил, так понял, что я уже полный. До краёв.

Я говорю:

— Стоп, Мишка! Больше не войдёт!

— Войдёт, войдёт. Это только так кажется! Пей.

Я попробовал. Не лезет.

Мишка говорит:

— Ты чего расселся, как барон? Ты встань, так влезет!

Я встал. И правда, допил стакан каким-то чудом. А Мишка сейчас налил мне всё, что оставалось в бутылке. Получилось больше, чем полстакана.

Я говорю:

— Я сейчас лопну.

Мишка говорит:

— А как же я не лопнул? А ведь тоже думал, что лопну. Давай поднажми.

Я говорю:

— Мишка. Если. Я лопну.
Ты. Будешь. Отвечать.

Он говорит:

— Хорошо. Пей давай.

И я опять стал пить. И всё выпил. Просто чудеса какие-то! Только я говорить не мог. Потому что вода перелилась уже выше горла и булькала во рту. И понемножку выливалась из носа.

И я побежал к весам. Клоун не узнал меня. Он сделал «щёлк-щёлк» и вдруг закричал на весь зал:

— Уррра! Есть! Точно!!!
Тютелька в тютельку. Годовая подписка на «Мурзилку» выиграна! Она досталась мальчику, который весит ровно двадцать пять килограмм. Вот квитанция, сейчас я её заполню. Похлопаем!

Он взял мою левую руку и поднял её вверх, и все захлопали, и клоун спел туш! Потом он взял вечное перо и сказал:

— Ну! Как тебя зовут? Имя и фамилия? Отвечай!

Но я молчал. Я был наполненный и не мог говорить.

Тут Мишка закричал:

— Его зовут Денис. Фамилия Кораблёв! Пишите, я его знаю!

Клоун протянул мне заполненную квитанцию и сказал:

— Скажи хоть спасибо!

Я мотнул головой, а Мишка опять закричал:

— Это он говорит «спасибо». Я его знаю!

А клоун говорит:

— Ну и мальчик! Выиграл «Мурзилку», а сам молчит как будто воды в рот набрал!

А Мишка говорит:

— Не обращайтесь внимания, он застенчивый, я его знаю!

И он схватил меня за руку и поволок вниз.

И я на улице немножко отдышался. Я сказал:

— Мишка, мне как-то не хочется нести эту подписку домой, раз во мне только двадцать четыре с половиной кило.

А Мишка говорит:

— Тогда отдай мне. Во мне-то аккурат двадцать пять. Если б я не пил ситро, я бы сразу её получил. Давай сюда.

Я говорю:

— Что ж, я, по-твоему, напрасно страдал? Нет уж, пусть она будет наша общая — напополам!

Тогда Мишка сказал:

— Правильно!

Кот в сапогах

— Мальчики и девочки! — сказала Раиса Ивановна. — Вы хорошо закончили эту четверть. Поздравляю вас. Теперь можно и отдохнуть. На каникулах мы устроим утренник и карнавал. Каждый из вас может нарядиться в кого угодно, а за лучший костюм будет выдана премия, так что готовьтесь. — И Раиса Ивановна собрала тетрадки, попрощалась с нами и ушла.

И, когда мы шли домой, Мишка сказал:

— Я на карнавале буду гномом. Мне вчера купили накидку от дождя и капюшон. Я только лицо чем-нибудь занавешу, и гном готов. А ты кем нарядишься?

Я сказал:

— Там видно будет.

И забыл про это дело. Потому что дома мама мне сказала,

что она уезжает в санаторий на десять дней и чтоб я тут вёл себя хорошо и следил за папой. И она на другой день уехала, а я с папой совсем замучился. То одно, то другое, и на улице шёл снег, и всё время я думал, когда же мама вернётся. Я зачёркивал клеточки на своём календаре.

И вдруг неожиданно прибегает Мишка и прямо с порога кричит:

— Идёшь ты или нет?

Я спрашиваю:

— Куда?

Мишка кричит:

— Как — куда? В школу! Сегодня же утренник, и все будут в костюмах! Ты что, не видишь, что я уже гномик?

И правда, он был в накидке с капюшончиком.

Я сказал:

— У меня нет костюма! У нас мама уехала.

А Мишка говорит:

— Давай сами чего-нибудь придумаем! Ну-ка, что у вас дома есть почудней? Ты надень на себя, вот и будет костюм для карнавала.

Я говорю:

— Ничего у нас нет. Вот только папины бахилы для рыбалки.

Бахилы — это такие высокие резиновые сапоги. Если дождик или грязь — первое дело бахилы. Нипочём ноги не промочишь.

Мишка говорит:

— А ну надевай, посмотрим, что получится!

Я прямо с ботинками влез в папины сапоги. Оказалось, что бахилы доходят мне чуть не до подмышек. Я попробовал в них походить. Ничего, довольно неудобно. Зато здорово блестят. Мишке очень понравилось. Он говорит:

— А шапку какую?

Я говорю:

— Может быть, мамину соломенную, что от солнца?

Мишка говорит:

— Давай её скорей!

Достал я шапку, надел. Оказалось, немножко великовата, съезжает до носа, но всё-таки на ней цветы.

Мишка посмотрел и говорит:

— Хороший костюм. Только я не понимаю, что он значит?

Я говорю:

— Может быть, он значит «мухомор»?

Мишка засмеялся:

— Что ты, у мухомора шляпка вся красная! Скорей всего, твой костюм обозначает «старый рыбак»!

Я замахал на Мишку:

— Сказал тоже! «Старый рыбак»!.. А борода где?

Тут Мишка задумался, а я вышел в коридор, а там стояла наша соседка Вера Сергеевна. Она, когда меня увидела, всплеснула руками и говорит:

— Ох! Настоящий кот в сапогах!

Я сразу догадался, что значит мой костюм! Я — «Кот в сапогах»! Только жалко, хвоста нет! И спрашиваю:

— Вера Сергеевна, у вас есть хвост?

А Вера Сергеевна говорит:

— Разве я очень похожа на чёрта?

— Нет, не очень, — говорю я. — Но не в этом дело. Вот вы сказали, что этот костюм значит «Кот в сапогах», а какой же кот может быть без хвоста? Нужен какой-нибудь хвост! Вера Сергеевна, поделитесь, а?

Тогда Вера Сергеевна сказала:

— Одну минуточку...

И вынесла мне довольно драненький рыжий хвостик с чёрными пятнами.

— Вот, — говорит, — это хвост от старой горжетки. Я в последнее время прочищаю им керогаз, но, думаю, тебе он вполне подойдёт.

Я сказал «большое спасибо» и понёс хвост Мишке.

Мишка, как увидел его, говорит:

— Давай быстренько иголку с ниткой, я тебе пришью. Это чудный хвостик.

И Мишка стал пришивать мне сзади хвост. Он шил довольно ловко, но потом вдруг ка-ак уколёт меня!

Я закричал:

— Потише ты, храбрый портняжка! Ты что, не чувствуешь, что шьёшь прямо по живому? Ведь колешь же!

Мишка сказал:

— Это я немножко не рассчитал, — да опять как кольнёт!

— Мишка, рассчитывай получше, а то я тебя тресну!

А он:

— Я в первый раз в жизни шью!

И опять — коль!..

Я прямо заорал:

— Ты что, не понимаешь, что я после тебя буду полный инвалид и не смогу сидеть?

Но тут Мишка сказал:

— Ура! Готово! Ну и хвостик! Не у каждой кошки есть такой!

Тогда я взял тушь и кисточкой нарисовал себе усы, по три уса с каждой стороны — длинные-длинные, до ушей!

И мы пошли в школу.

Там народу было видимо-невидимо, и все в костюмах. Одних гномов было человек пятьдесят. И ещё было очень много белых «снежинок». Это такой костюм, когда вокруг много белой марли, а в середине торчит какая-нибудь девочка.

И мы все очень веселились и танцевали.

И я тоже танцевал, но всё время спотыкался и чуть не падал из-за больших сапог, и шляпа тоже, как назло, постоянно съезжала почти до подбородка.

А потом наша вожатая Люся вышла на сцену и сказала звонким голосом:

— Просим «Кота в сапогах» выйти сюда для получения первой премии за лучший костюм!

И я пошёл на сцену, и когда входил на последнюю ступеньку, то споткнулся и чуть не упал. Все громко засмеялись, а Люся пожала мне руку и дала две книжки: «Дядю Стёпу» и «Сказки-загадки». Тут Борис Сергеевич заиграл туш, а я пошёл со сцены. И когда сходил, то опять споткнулся и чуть не упал, и опять все засмеялись.

А когда мы шли домой, Мишка сказал:

— Конечно, гномов много, а ты один!

— Да, — сказал я, — но все гномы были так себе, а ты был очень смешной, и тебе тоже надо книжку. Возьми у меня одну.

Мишка сказал:

— Не надо, что ты!

Я спросил:

— Ты какую хочешь?

Он сказал:

— «Дядю Стёпу».

И я дал ему «Дядю Стёпу».

А дома я скинул свои огромные бахилы, и побежал к календарю, и зачеркнул сегодняшнюю клеточку. А потом зачеркнул уж и завтрашнюю.

Посмотрел — а до маминого приезда осталось всего три дня!

Слон и радио

Есть на свете такие маленькие радиоприёмнички, они поменьше настоящих, величиной с папиросную коробку. И антенна у них выдвигается. Ох, сильно дают, на весь квартал слышно! Замечательная вещь! Эту вещь моему папе друг подарил. Приёмник называется транзисторным. В тот вечер, когда нам его подарили, мы всё время слушали передачи. Я с ним здорово научился управляться и антенну то убирал, то выпускал, и все колёсики вертел, и музыка звучала непрерывно и громко, потому что я к этому делу способный, чего уж там говорить.

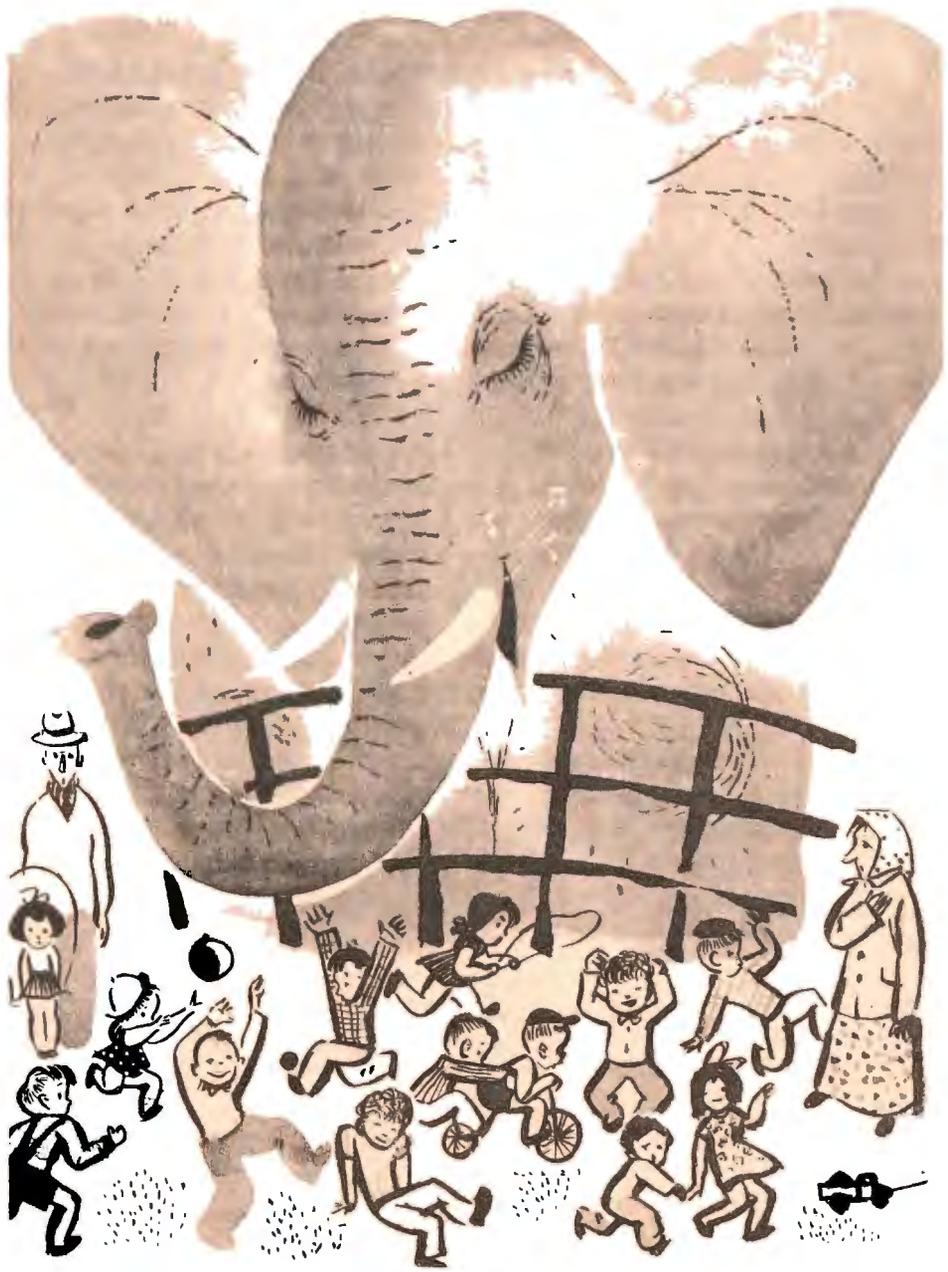
А в воскресенье утром была прозрачная погода, солнышко светило вовсю, и папа сказал прямо с утра:

— Давай ешь побыстрее, и махнём с тобой в зоопарк. Давно что-то не были, одичали совсем.

От этих слов мне и вовсе весело стало жить, и я быстро собрался. Ах, люблю я ходить в зоопарк, люблю смотреть на маленькую ламочку и представлять, что её можно взять на руки и гладить! И у неё по-сумасшедшему стучит сердце, и она взбрыкивает стройными, ловкими ножками. И кажется, что сейчас больно ударит. Но ничего, дело как-то обходится.

Или тигрёнок. Тоже хорошо бы взять на руки! А он смотрит на тебя ужаснувшимися глазами. Душа в пятки ушла. Бойтся дурачок, наверное, думает: вот, мол, мой смертный час пришёл.

А ещё хорошо в зоопарке стоять перед загоном зубробизона и думать про него, что это ожившая гора, на которой высечено лицо задумчивого старика, а ты стоишь перед этой горой и вешишь всего-то двадцать пять кило и рост только девяносто восемь сантиметров. И пока мы шли, я всю дорогу думал разные разности про зоологический сад и шёл смирно, не скакал, потому что в руках у меня был транзисторный радиоприёмник, в нём журчала музыка. Я переводил его с одной станции на другую, и настроение у меня было самое прекрасное. А когда мы пришли, папа сказал: «К слону», — потому что слон был у папы самый любимый во всём зоопарке.

Папа всегда ходил к нему к первому, как к царю. Поздоровается со слонем, а уж потом отправляется куда глаза глядят. И на этот раз мы поступили так же. Слон стоял как войдѣшь с правой стороны, в отдельном уголке, на небольшом пригорке; уже издали было видно его громадное тело, похожее на африканскую хижину, стоящую на четырёх подпорках.

Огромная толпа народа стояла у его загородки и любовалась слонем. Было видно его симпатичное, как бы улыбающееся лицо, он шамкал треугольной губой, покачивал шишковатой головой, шевелил ушами. Я сейчас же быстро протолкался сквозь толпу к нашему Шанго (его звали Шанго, он был сыном индийского слона Махмуда — так было написано на специальной дощечке возле его загородки).

Папа протиснулся вперѣд и крикнул:

— Доброе утро, Шанго Махмудович!

И слон оглянулся и обрадованно закивал головой. Мол, здравствуйте, здравствуйте, где это вы пропадали?

И окружающие посмотрели на папу с улыбкой и с завистью. И мне тоже, честно говоря, стало здорово завидно, что вот слон ответил папе. И мне тут же захотелось, чтобы Шанго и меня одарил своим вниманием, и я громко закричал:

— Шанго Махмудович, привет! Смотрите, какая у меня вещь!

И я поднял высоко над собой папин транзисторный радиоприѣмник. А из приѣмника текла музыка, он играл разные советские песни. И Шанго Махмудович повернулся и стал слушать эту музыку. И вдруг он высоко задрал свой хобот, протянул его ко мне и неожиданно и ловко выдернул у меня из рук эту несчастную машинку.

Я прямо остолбенел, да и папа тоже. И вся толпа остолбенела. Наверное, думали, что будет дальше: отдаст? Трахнет оземь? Растопчет ногами? А Шанго Махмудович, видимо, просто хотел музыку послушать. Он не стал ни бить приѣмник, ни отдавать. Он держал приѣмник — и всё! Он слушал музыку. Но тут, как назло, музыка замолкла, наверное, у них там был перерыв, не знаю. Но Шанго Махмудович продолжал прислушиваться. Вид у него был такой, что вот он ждѣт, ког-

да же приёмник заиграет. Но ждать, видно, нужно было долго, потому что приёмник молчал. И тут, вероятно, Шанго Махмудович подумал так: что за бесполезную штуку я держу целую вечность в хоботе? Какого чёрта она не играет? Ну интересно, какая она окажется на вкус?

И недолго думая этот бедовый слон сунул мой шикарный приёмник прямо себе под хобот, в свой обросший войлоком рот, да не прожевал, а просто положил, как в сундук, и будьте здоровы, слопал!

Толпа дружно ахнула и оцепенела. А слон оглядел эту потрясённую толпу с довольно-таки нахальной улыбкой и вдруг сказал придушенным голосом:

— Начинаем производственную зарядку! И!..

И из него зазвучала какая-то бурная музыка. Тут все сразу покатались с хохоту, просто животики надрывали, стонали от смеха; из-за этого дикого шума уже не слышно было никаких звуков. Слон стоял совершенно спокойно. Только в глазах его горело плутоватое выражение.

А когда все стали потихоньку затихать, из слоновьего рта снова раздался чуть приглушённый, но отчётливый голос:

— Быстрые подскоки на месте, раз-два, три-четыре...

А в толпе, между прочим, было очень много мальчишек и девчонок, и когда они услышали про подскоки, так прямо завизжали от радости. И, не откладывая в долгий ящик, с ходу включились в это дело: раз-два-три-четыре... Они здорово скакали. И визжали, и орала, и выкидывали разные коленца. Ещё бы! Кому же не охота поскакать под слоновью команду. Тут всякий заскачет. Лично я заскакал в ту же секунду. Хотя я прекрасно понимал, что кому-кому, а мне тут меньше всех надо скакать и радоваться. Мне, скорее всего, надо было плакать. Но вместо этого я, знаете, подскакивал, как мячик: раз-два-три-четыре! И получается, что у меня же стянули радиоприёмник и я же от этого удовольствие получаю. А между тем занятия всё продолжались. И слон перешёл к следующему упражнению.

— Руки сжать в кулаки, махательные и толкательные движения. Раз-два-три!

Ну конечно, тут началось светопреставление. Просто чемпионат Европы по боксу. Некоторые мальчишки и девчонки совершенно серьёзно вошли в аппетит и давай так друг друга волтузить, что только перья полетели. А одна проходящая мимо бабушка спросила у какого-то старичка:

— Что здесь происходит? Что за драка?

И он ответил ей шутливо:

— Обыкновенное дело. Слон физзарядку проводит с населением.

Она только рот раскрыла.

Но тут Шанго Махмудович вдруг замолчал, и я понял, что мой приёмник всё-таки сломался в его животе. Конечно, попал в какую-нибудь слепую кишку и — прощай навек. В эту же секунду слон посмотрел на меня и, грустно покачивая головой, но с большим намёком, пропел:

— Помнишь ли ты, как улыбалось нам счастье?

Я прямо чуть не заплакал от горя. Помню ли я! Ещё бы! Ещё секунду, и я бросился бы на него с кулаками. Но тут возле него появился человек в синем халате. В руках у него были веники, штук пятьдесят или больше, и он сказал слону:

— Ну-ка, ну-ка, покажи-ка, что у тебя играет? Но только тихонько, тихонько, а я вот тебе веничков принёс, на-ка покушай.

И он разбросал веники перед слоном.

Шанго Махмудович очень осторожно положил у ног человека мой радиоприёмник.

Я крикнул:

— Ура!

Остальные кричали:

— Бис!

А слон отвернулся и стал жевать веники. Служитель молча подал мне радиоприёмник, — он был тёплый и заслонявленный.

Мы с папой поставили его дома на полку и теперь включаем каждый вечер. Как звучит! Просто чудо! Приходите слушать!

а Садовой большое движение

У Ваньки Дыхова был велосипед. Довольно старый, но всё-таки ничего. Раньше это был велосипед Ванькиного папы, но, когда велосипед сломался, Ванькин папа сказал:

— Вот, Ванька, чем целый день гонка гонять, на тебе эту машину, отремонтируй её, и будет у тебя свой велосипед. Он, в общем, ещё хоть куда. Я его когда-то на барахолке купил, он почти новый был.

И Ванька так обрадовался этому велосипеду, что просто трудно передать. Он его утащил в самый конец двора и совсем перестал гонка гонять — наоборот, он целый день возился со своим велосипедом, стучал, колотил, отвинчивал и привинчивал. Он весь чумазый стал, наш Ванька, от машинного масла, и пальцы у него были все в ссадинах, потому что он, когда работал, часто промахивался и попадал сам себе молотком по пальцам. Но всё-таки дело у него ладилось, потому что у них в пятом классе проходят слесарное дело, а Ванька всегда был отличником по труду. И я Ваньке тоже помогал чинить машину, и он каждый день говорил мне:

— Вот погоди, Дениска, когда мы её починим, я тебя на ней катать буду. Ты сзади, на багажнике, будешь сидеть, и мы с тобой всю Москву изъездим!

И за то, что он со мной так дружит, хотя я всего только во втором, я ещё больше ему помогал и, главное, старался, чтобы багажник получился красивый. Я его четыре раза чёрным лаком покрасил, потому что он был всё равно что мой собственный. И он у меня так сверкал, этот багажник, как новенькая машина «Волга». И я всё радовался, как я буду сидеть на нём, и держаться за Ванькин ремень, и мы будем носиться по всему миру.

И вот однажды Ванька поднял свой велосипед с земли, подкачал шины, протёр его весь тряпочкой, сам умылся из бочки и застегнул брюки внизу бельевыми защепками. И я понял, что приближается наш с ним праздник. Ванька сел на машину и поехал. Он сначала объехал не торопясь вокруг двора, и машина шла под ним мягко-мягко, и было слышно,

как приятно трутся о землю шины. Потом Ванька прибавил скорости, и спицы засверкали, и Ванька пошёл выковыривать номера, и стал петлять и крутить восьмёрки, и разгонялся изо всех сил, и сразу резко тормозил, и машина останавливалась под ним как вкопанная. И он по-всякому её испытывал, как лётчик-испытатель, а я стоял и смотрел, как механик, который стоит внизу и смотрит на штуки своего пилота. И мне было приятно, что Ванька так здорово ездит, хотя я могу, пожалуй, ещё лучше, во всяком случае не хуже. Но велосипед был не мой, велосипед был Ванькин, и нечего тут долго разговаривать, пускай он делает на нём всё, что угодно. Приятно было видеть, что машина вся блестит от краски, и невозможно было догадаться, что она старая. Она была лучше любой новой. Особенно багажник. Любо-дорого было смотреть на него, прямо сердце радовалось.

И Ванька скакал так на этой машине, наверно, с полчаса, и я уже стал побаиваться, что он совсем забыл про меня. Но нет, напрасно я так подумал про Ваньку. Он подъехал ко мне, ногой уткнулся в забор и говорит:

— Давай влезь.

Я, пока карабкался, спросил:

— А куда поедем?

Ванька сказал:

— А не всё равно? По белу свету!

И у меня сразу появилось такое настроение, как будто на нашем белом свете живут одни только весёлые люди и все они только и делают, что ждут, когда же мы с Ванькой к ним приедем в гости. И, когда мы к ним приедем — Ванька за рулём, а я на багажнике, — сразу начнётся большущий праздник, и флаги будут развеваться, и шарики летать, и песни, и эскимо на палочке, и духовые оркестры будут греметь, и клоуны ходить на голове.

Такое вот у меня было удивительное настроение, и я прилепился на свой багажник и схватился за Ванькин ремень. Ванька крутнул педали, и... прощай, папа! Прощай, мама! Прощай, весь наш старый двор, и вы, голуби, тоже до свиданья! Мы уезжаем кататься по белу свету!

Ванька вырулил со двора, потом за угол, и мы поехали разными переулками, где я раньше ходил только пешком. И всё теперь было совершенно по-другому, незнакомое какое-то, и Ванька всё время позванивал в звонок, чтобы не задавить кого-нибудь: ззь! ззь! ззь!..

И пешеходы выпрыгивали из-под нашей машины, как куры, и мы мчались с неслыханной быстротой, и мне было очень весело, и на душе было свободно, и очень хотелось горланить что-нибудь отчаянное. И я горланил букву «а». Вот так: ааааааааааа! И очень смешно получилось, когда Ванька въехал в один старенький переулок, в котором дорога была вся в булыжниках, как при царе Горохе. Машину стало трясти, и моя оралка на букву «а» стала прерываться, как будто стоило ей вылететь изо рта, как кто-то сразу обрезал её острыми ножичками и кидал на ветер. Получалось: а! а! а! а! а! Но потом опять подвернулся асфальт, и всё снова пошло как по маслу: ааааааааааа!

И мы ещё долго ездили по переулкам и наконец очень устали. Ванька остановился, и я спрыгнул со своего багажника. Ванька сказал:

— Ну как?

— Блеск! — сказал я.

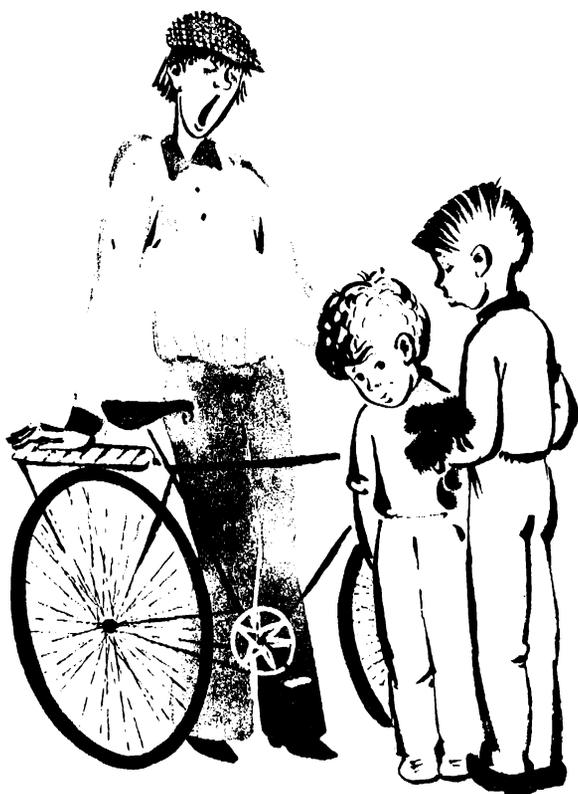
— Тебе удобно было?

— Как на диване, — сказал я, — ещё удобней. Что за машина! Прямо экстра-класс!

Он засмеялся и пригладил свои растрёпанные волосы. Лицо у него было пыльное, грязное, и только глаза сверкали — синие, как тазики в кухне на стене. И зубы блестели вовсю.

И вот тут-то к нам с Ванькой и подошёл этот парень. Он был высокий, и у него был золотой зуб. На нём была полосатая рубашка с длинными рукавами, и на руках у него были разные рисунки, портреты и пейзажи. И за ним плелась такая лохматенькая собачушка, сделанная из разных шерстей. Были кусочки шерсти чёрненькие, были беленькие, попадались рыженькие, и был один зелёный... хвост у неё завивался крендельком, одна нога поджата. Этот парень сказал:

— Вы откуда, ребята?

Мы ответили:

— С Трёхпрудного.

Он сказал:

— Вона! Молодцы!

Откуда доехали! Это твоя машина?

Ванька сказал:

— Моя. Была отцовская, теперь моя. Я её сам отремонтировал. А вот он, — Ванька показал на меня, — он мне помог.

Этот парень сказал:

— Да... Смотри ты. Такие неказистые ребята, а прямо химики-механики.

Я сказал:

— А это ваша собака?

Этот парень кивнул:

— Ага. Моя. Это очень ценная собака. Породистая. Испанский такс.

Ванька сказал:

— Ну что вы! Какая же это такса? Таксы узкие и длинные.

— Не знаешь, так молчи! — сказал этот парень. — Московский там или рязанский такс — длинный, потому что он всё время под шкафом сидит и растёт в длину, а это собака другая, ценная. Она верный друг. Кличка — Жулик.

Он помолчал. Потом вздохнул три раза и сказал:

— Да что толку? Хоть и верный пёс, а всё-таки собака. Не может мне помочь в моей беде...

И у него на глазах появились слёзы. У меня прямо сердце упало. Что с ним?

Ванька сказал испуганно:

— А какая у вас беда?

Этот парень сразу покачнулся и прислонился к стене.

— Бабушка помирает, — сказал он и стал часто-часто хватать воздух губами и всхлипывать. — Помирает бабуся... У ней двойной апиденцит... — Он посмотрел на нас искоса и добавил: — Двойной апиденцит, и корь тоже...

Тут он заревел и стал вытирать слёзы рукавом. У меня заколотилось сердце. А парень прислонился к стенке поудобнее и стал выть довольно громко. А его собака, глядя на него, тоже завывала. И они оба так стояли и выли, жутко было слышать. От этого воя Ванька даже побледнел под своей пылью. Он положил руку на плечо этому парню и сказал дрожащим голосом:

— Не войте, пожалуйста! Зачем вы так воете?

— Да как же мне не выть, — сказал этот парень и замотал головой, — как же мне не выть, когда у меня нет сил дойти до аптеки! Три дня не ел!.. Ай-уй-уй-юй!..

И он ещё хуже завыл. И ценная собака такс тоже. И никого вокруг не было. И я прямо не знал, что делать.

Но Ванька не растерялся нисколько.

— А рецепт у вас есть? — закричал он. — Если есть, давайте его поскорее сюда, я сейчас же слетаю на машине в аптеку и привезу лекарство. Я быстро слетаю!

Я чуть не подскочил от радости. Вот так Ванька, молодец! С таким человеком не пропадёшь, он всегда знает, что надо делать.

Сейчас мы с ним привезём этому парню лекарство и спасём его бабушку от смерти.

Я крикнул:

— Давайте же рецепт! Нельзя терять ни минуты!

Но этот парень задёргался ещё хуже, замахал на нас руками, перестал выть и заорал.

— Нельзя! Куда там! Вы что, в уме? Да как же это я пушу двух таких пацанят на Садовую? А? Да ещё на велосипеде! Вы что? Да вы знаете, какое там движение? А? Вас там через полсекунды в клочки разорвёт... Куда руки, куда ноги,

головы отдельно!.. Ведь грузовики-пятитонки! Краны подъёмные мчатся!.. Вам хорошо, вас задавит, а мне за вас отвечать придётся! Не пущу я вас, хоть убейте! Пускай лучше бабушка умрёт, бедная моя Февронья Поликарповна!..

И он снова завыл своим толстым басом. Ценная собака такс вообще выла без остановки. Я не мог этого вынести, — что этот парень такой благородный и что он согласен рисковать бабушкиной жизнью, только бы с нами ничего не случилось. У меня от всего этого губы стали кривиться в разные стороны, и я понял, что ещё немножко, и от этих дел я завою не хуже ценной собаки. Да и у Ваньки тоже глаза стали какие-то подмоченные, и он хлюпнул носом:

— Что же нам делать?

— А очень просто, — сказал этот парень деловитым голосом. — Один только выход и есть. Давайте ваш велосипед, я на нём съезжу. И сейчас вернусь. Век свободы не видать!.. — И он провёл ладонью поперёк горла.

Это, наверно, была его страшная клятва. Он протянул руку к машине. Но Ванька держал её довольно крепко. Этот парень подёргал её, потом бросил и снова зарыдал:

— Ой-ой-ой! Погибает моя бабушка, погибает ни за пнюх табаку, погибает ни за рубль за двадцать... Ой-уюю...

И он стал рвать со своей головы волосы. Прямо вцепился и рвёт двумя руками. Я уже не смог выдержать такого ужаса. Я заплакал и сказал Ваньке:

— Дай ему велосипед, ведь умрёт бабушка! Если бы у тебя так?

А Ванька держится за велосипед и рыдает в ответ:

— Лучше уж я сам съезжу...

Тут этот парень посмотрел на Ваньку безумными глазами и захрипел как сумасшедший:

— Не веришь, да? Не веришь? Жалко на минутку дать свой драндулет? А старушка пусть помирает? Да? Бедная старушка, в беленьком платочке, пусть помирает от кори? Пускай, да? А пионер с красным галстуком жалеет драндулет? Эх вы! Душегубы! Собственники!..

Он оторвал от рубашки пуговку и стал топтать её ногами.

А мы не шевелились. Мы совершенно изревелись с Ванькой. Тогда этот парень вдруг ни с того ни с сего подхватил с земли свою ценную собаку такс и стал совать её то мне, то Ваньке в руки:

— Нате! Друга вам отдаю в залог! Верного друга отдаю! Теперь веришь? Веришь или нет?! Ценная собака идёт в залог, ценная собака такс!

И он всё-таки всунул эту собачонку Ваньке в руки. И тут меня осенило.

Я сказал:

— Ванька, он же собаку оставляет нам как заложника. Ему теперь никуда не деться, она же его друг, и к тому же ценная. Дай машину, не бойся.

И тут Ванька дал этому парню руль и сказал:

— Вам на пятнадцать минут хватит?

— Много, — сказал парень, — куда там! Пять минут на всё про всё! Ждите меня тут. Не сходите с места!

И он ловко вскочил на машину, с места ходко взял и прямо свернул на Садовую. И, когда сворачивал за угол, ценная собака такс вдруг спрыгнула с Ваньки и как молния помчалась за ним.

Ванька крикнул мне:

— Держи!

Но я сказал:

— Куда там, нипочём не догнать. Она за хозяином побежала, ей без него скучно! Вот что значит верный друг. Мне бы такую...

А Ванька сказал так робко и с вопросом:

— Но ведь она же заложница?

— Ничего, — сказал я, — они скоро оба вернутся.

И мы подождали пять минут.

— Что-то его нет, — сказал Ванька.

— Очередь, наверно, — сказал я.

Потом прошло ещё часа два. Этого парня не было. И ценной собаки тоже. Когда стало темнеть, Ванька взял меня за руку.

— Всё ясно, — сказал он. — Пошли домой...

— Что ясно... Ванька? — сказал я.

— Дурак я, дурак, — сказал Ванька. — Не вернётся он никогда этот тип, и велосипед не вернётся. И ценная собака такс тоже!

И больше Ванька не сказал ни слова. Он, наверно, не хотел, чтобы я думал про страшное. Но я всё равно про это думал.

Ведь на Садовой такое движение...

Рабочие дробят камень

С самого начала этого лета мы все трое, Мишка, Костик и я, очень пристрастились к водной станции «Динамо» и стали ходить туда почти что каждый день. Мы раньше не умели плавать, а потом постепенно научились кто где: кто — в деревне, кто — в пионерских лагерях, а я, например, два месяца посещал наш плавательный бассейн «Москва». И когда мы все научились плавать, мы очень быстро поняли, что нигде не получишь такого удовольствия от купания, как на водной станции. Даю слово.

Ох, хорошо лежать ясным утречком на водной станции на сыроватых и тёплых её деревянных дорожках, вдыхать всеми ноздрями свежий и тревожный запах реки и слышать, как на высоких мачтах и тонких рейках трещат под ветром разноцветные шёлковые флажки и вода хлюпает и полощется где-то прямо под тобой в дощатых щелях; хорошо так лежать, и молчать, и загорать, раскинув руки, и смотреть из-под локтя, как недалеко от станции, чуть-чуть повыше по течению, рабочие-каменщики чинят набережную и бьют по розовому камню молотками, и звук долетает до тебя немножко позже удара, такой тонкий и нежный, как будто кто-то играет стеклянными молоточками на серебряном ксилофоне. И особенно хорошо, когда накалишься как следует, бухнуться в воду, и наплаваться вдосталь, и напрыгаться с метровой тумбоч-

ки, и наныряться досыта, доотвала. А потом, когда устанешь, хорошо пойти к своим ребятам, пойти по горячим досточкам, втянув живот до позвоночника, и выпятив грудь колесом, и распирая бёдра, и напружинив руки, а ноги ставя непременно носками внутрь, потому что это красиво, и на водной станции иначе не пойдёшь, здесь так ходят все. Здесь тебе не самодельный пляжик с грязноватым песком и бумажками, здесь тебе не какой-нибудь травянистый тинистый бережок — это там можно чапать как угодно, — а здесь водная станция, здесь порядок, чистота, ловкость, спорт, шик-блеск, и поэтому все здесь ходят по-чемпионски, на «отлично», фасонно ходят — иногда даже ходят гораздо лучше, чем плавают.

И вот поэтому мы все, Мишка, Костик и я, — мы дня не пропускали и всё лето ходили сюда купаться, и загорели как черти, и здорово поднаучились плавать, и у нас появились мускулы, бицепсы и трицепсы, и мы на нашей станции облазили все углы и знали, где медпункт, где игры и всё такое, и в конце концов всё здесь стало для нас вроде бы как родное и обыкновенное. Мы привыкли.

И однажды мы лежали, как всегда, на досточках и загорали, и Костик вдруг сказал ни с того ни с сего:

— Дениска! А ты мог бы прыгнуть с самой верхней вышки в воду?

Я посмотрел на вышку и увидел, что она не слишком-то уж высокая, ничего страшного, не выше второго этажа, ничего особенного.

Поэтому я сейчас же ответил Костику:

— Конечно, смог бы! Ерунда какая.

Мишка тотчас же сказал:

— А вот слабó!

Я сказал:

— Дурачок ты, Мишка, вот ты кто!

Костик сказал:

— Но десять же метров!

— Ну и что? — сказал я.

— Слабó! — отрезал Костик.

И Мишка, конечно, его поддержал:

— Слабо́, факт, слабо́! — И добавил: — Слабо́-би-бо!!!
Я сказал:

— Дурачки вы оба! Вот вы кто!

И тут я встал, растопырил рёбра, выкатил грудь, напряжинил руки и пошёл к вышке. А когда шёл, всё время ставил носки внутрь.

Сзади Костик крикнул:

— Сла-би-бу-бе-бо!

Но я не стал ему отвечать. Я уже всходил на вышку.

Всё это время, что мы ходили на водную станцию, я каждый день видел, как с этой вышки прыгали в воду взрослые дядьки. Я видел, как они красиво выгибали спину, когда прыгали «ласточкой», видел, как они перекувыркивались через голову по полтора раза, или переворачивались через бок, или складывались в воздухе пополам и падали в воду аккуратно и точно, почти совсем не подымая брызг, а когда выныривали, то выходили на доски, напряжинив руки и выпятив грудь...

И это было очень красиво и легко, и я всю жизнь был уверен, что прыгаю не хуже этих дядек, но сейчас, когда лез, я решил для первого раза никаких фигур в воздухе не выстраивать, а просто прыгнуть прямо, вытянувшись в струнку, «солдатиком», — это легче лёгкого! Я так просто, без затей, прыгну только для начала, а уж потом, в следующие разы, я специально для Мишки такие буду выписывать кренделя, что Мишка только рот разинет. Пусть они с Кости́ком лучше молчат в тряпочку и кричат мне вдогонку своё дурацкое «сла-би-бо!!!».

И пока я так думал, у меня было весёлое настроение, и я быстро бежал по маленьким лесенкам вверх и вверх и даже не заметил, с какой быстротой я оказался на самой высшей площадке, на высоте десяти метров над уровнем станции.

И тут я вдруг увидел, что эта площадка очень маленькая, а перед нею, и по бокам, и далеко вокруг, стоит какой-то раздвинутый, огромный и прекрасный город, он стоит весь в каком-то лёгком тумане, а тут, на площадке, шумит ветер, шумит не шутя, как буря, того и гляди, сдует тебя с этой вышки. И совсем не слышно, как рабочие дробят камень, ветер

заглушает их стеклянные молотки. И когда я глянул вниз, я увидел наш водный бассейн, он был голубой, но такой маленький, прямо величиной с папиросную коробку, и я подумал, что, если прыгну, вряд ли попаду в него, тут очень просто промахнуться, а тем более ветер не меньше шести баллов, он, того и гляди, снесёт меня куда-нибудь в сторону, в реку, или я бухнусь прямо в буфет кому-нибудь на голову, вот будет история! Или я, чего доброго, ужожу прямо в кухню, в котёл с борщом! Тоже удовольствие маленькое. От этих мыслей у меня что-то зачесалось внутри коленок, и мне больше всего захотелось ещё хоть раз услышать, как рабочие чинят набережную, и увидеть Костика и Мишку рядом с собой, всё-таки они мои друзья...

И я потихоньку сделал несколько шагов назад, ухватился за перила и стал спускаться вниз, а когда спустился, настроение у меня опять было хорошее, и на сердце стало легко-легко, как будто гора с плеч свалилась. И я очень обрадовался, когда увидел Мишку с Костиком, и побежал к ним, а когда подбежал, остановился как вкопанный!.. Эти дураки хохотали во всё горло и показывали на меня пальцем! Они изображали, что сейчас лопнут от смеха. Они вопили:

— Он спрыгнул!

— Ха-ха-ха!

— Он сиганул!

— Хо-хо-хо!

— Ласточкой!

— Хе-хе-хе!

— Солдатиком!

— Хи-хи-хи!

— Храбрец!

— Молодец!

— Хвастец!

Я сел рядом с ними и сказал:

— Дурачки вы, и больше ничего! Неужели вы думаете, что я струсил?

Тут они прямо завизжали:

— Нет! Ха-ха-ха!

- Не думаем! Хо-хо-хо!
- Ты не струсил!
- Ты просто забоялся!
- Сейчас мы напишем про тебя в газету!
- Чтоб тебе медаль дали!
- За красивое спускание по лестнице!

Во мне прямо всё бурлило от злости! Какие всё-таки наглые типы, этот худущий Костыль и особенно Миха с его противным голосом! Они, видно, серьёзно воображают, что я струсил! Какая глупость! Олухи царя небесного!

Но я не стал ругаться и оскорблять их, как они меня. Ведь я-то знал, что мне ничего не стоит спрыгнуть с этой жалкой вышки! Поэтому я сказал им спокойно и вежливо:

- Наплевать на вас!

И стремглав кинулся к вышке, и в пять секунд снова взбежал на самый верх! В это время солнце спряталось за тучу. Здесь было холодно и мрачно, ветер выл, и вышка немножко скрипела и покачивалась. Но я не стал задерживаться, я подошёл к самому краю, сложил руки по швам, зажмурился, чуть-чуть согнул колени, перед тем как прыгнуть, и... вдруг совершенно неожиданно я вспомнил про маму. И про папу тоже. И про бабушку. Я вспомнил, что сегодня утром, когда я убежал на «Динамо», я не попрощался с ними и что теперь очень может быть, что я убьюсь насмерть, и я подумал, какое это будет для них несчастье. Просто горе будет. Ведь им совершенно некого будет в жизни приласкать. Я представил себе, как мама всегда будет смотреть на мою карточку и плакать, ведь я у неё единственный, и у папы тоже. И у них в душе будет вечный траур, и они не будут ходить в гости и в кино — разве это жизнь? И кто же будет о них заботиться, когда они состарятся? Да и мне тоже без них будет плохо, я ведь тоже их люблю! Хотя мне-то уже плохо не будет, меня в живых не будет, я буду уже мёртвый, и не увижу больше неба, и не услышу, как рабочие нежно дробят камень на набережной!..

И всё это из-за этих негодных Костыля и Миши?

Я ужасно возмутился и весь вскипел, что из-за таких дураков столько народу страдает, и я подумал, что гораздо луч-

ше будет, если я пойду и насую им по шее, и чем скорее, тем лучше.

И я опять спустился вниз.

Костик, когда увидел меня, встал на четвереньки и уткнулся головой в пол. И так, на голове, он побежал по кругу, как какой-нибудь жук. А Мишка был совершенно синий и булькал — у него была смеховая истерика.

Возле них сидела небольшая толпа, разные девушки и парни. Они тоже смеялись. Видно, Костик с Мишкой рассказали им это дело. Они очень весело смеялись, незнакомые эти люди, а мои друзья смеялись с ними заодно, они все вместе дружно надо мной смеялись...

И тут я почувствовал, что всё, что было до сих пор, — это была чепуха! Просто я до сих пор не понимал, в чём тут суть! А сейчас, кажется, понял. И я повернулся и пошёл обратно на вышку. В третий раз! Они там сзади кукарекали мне вслед, блеяли и улюлюкали. Но я долез доверху и подошёл к самому краю. Коленки у меня дрожали. Но я схватил их руками и сжал и сказал себе тихонько, а когда говорил, слышал, как дрожит мой голос и клацкают зубы.

Я бормотал:

— Рохля!.. Вахля!! Махля!! Прыгай сейчас же! Ну! А то я разговаривать с тобой не буду! Руки тебе не подам! Ну! Прыгай же! Ну! Прыгай сейчас же! Тухля! Протухля! Вонюхля!

И когда я обозвал себя вонюхлей, я не выдержал обиды и шагнул вперёд. Сердце и желудок у меня сразу подкатились к горлу. И я, когда летел, не успел ничего подумать, просто я знал, что я прыгнул. Я прыгнул! Я прыгнул! Прыгнул всё-таки!!!

А когда я вынырнул, Мишка и Костик протянули мне руки и вытащили на доски. Мы легли рядом. Мишка и Костик молчали.

А я лежал и слушал, как рабочие бьют молотками по розовому камню. Звук долетал сюда слабо, нежно и робко, как будто кто-то играл стеклянным молоточком на серебряном ксилофоне.

Белые амадины

Возле нашего дома появилась афиша, такая красивая и яркая, что мимо неё невозможно было пройти равнодушно. На ней были нарисованы разнообразные птицы и написано: «Показ певчих птиц». И я сразу решил, что обязательно схожу посмотрю, что это за новости такие.

И в воскресенье, часика в два дня, собрался, оделся и позвонил Мишке, чтобы и его захватить с собою. Но Мишка проворчал, что у него двойка по арифметике — это раз и новая книжка про шпионов — это два.

Тогда я решил отправиться сам. Мама меня отпустила охотно, потому что я ей мешал убирать, и я поехал. Певчих птиц показывали на Выставке достижений, и я туда легко добрался на метро. У касс почти никого не было, и я протянул в окошко двадцать копеек, но кассирша дала мне билет и вернула десять копеек обратно за то, что я школьник. Это мне ужасно понравилось. Получилось, как будто мне платят за то, что я учусь в третьем классе, десять копеек с билета! Это здорово! Это просто прекрасно! У меня десять копеек осталось! А я и не знал про такую скидку! Теперь, пожалуй, с такими-

то законами, мне надо будет почаще ходить на разные выставки и показы! Ведь так можно и на фотоаппарат накопить! Например, если аппаратик стоит сорок рублей, то мне, очень просто, надо сходить на четыреста выставок, и дело в шляпе! Полный порядок. У меня будет фотоаппарат! Это меня очень развеселило, и я шёл к птицам в самом лучшем настроении. Вокруг стояли разные дома, то похожие на терема, то на дворцы, а то и вовсе ни на что не похожие. Это всё были павильоны выставки.

Тут же некоторые папы и мамы катали своих ребят на тройках, потому что в это время здесь происходил Праздник зимы и было катание на лошадях и оленях. Жалко только, очередь на катание была чересчур длинная, и я хотя и постоял в ней немного, но быстро сообразил, что если дело так будет двигаться, то я, может быть, прокачусь недельки только через полторы, а мне уж очень хотелось посмотреть певчих птиц. Поэтому я помахал рукой оленям и лошадям и пошёл дальше. А около павильона, на котором было написано «Электроника», я устал. Тогда я спросил у прохожей девушки:

— Скажите, пожалуйста, далеко ещё до певчих птиц?

Она показала рукой:

— А вот рядом, видишь павильон? На нём написано «Свиноводство». Там твои птицы. Иди скорей.

И я пошёл в павильон «Свиноводство». Как только я открыл дверь, я понял, что не зря приехал сюда. Вокруг меня, по стенам, со всех четырёх сторон, чуть ли не до потолка, одна за другой, как кубики, стояли маленькие клеточки. И в каждой клеточке жила птичка. И они все вместе пели. Хором. Но каждая своё. Кто «чирик-чирик», кто «фью-фить-фью», кто «чёки-щёлк», а кто и «пи-пи-пи». И всё вместе было похоже на наш класс утром, до прихода Раисы Ивановны, мы тогда тоже галдим, всякий на свой лад. И потом, эти птицы были такие красивые, что я себе даже представить такого не мог. Я близко таких ещё не видел. Близко я видел только воробьёв. Воробьи, конечно, очень красивые и симпатичные, ничего не скажешь, но тут собрались просто какие-то невиданные чудеса. Например, тут был снегирь. Важный, сытый,

круглый, ни дать ни взять мыльный пузырь, если ты его выдуваешь на заходе солнца, когда оно красное. Тут же были и крючконосые клесты, и щекастые синички, и славочки, такие свежие и пухлые на взгляд, что, кажется, прямо живую бы съел... шутя, конечно... Иволга тоже была крупная и зелёная, как болото, и чёрные научные дрозды. И целый коридор занимали голуби. И они хотя и не певчие, но их, видно, со всякими диковинками сюда поместили уж заодно. Потому что если голубь якобин, так это не хуже любой другой птицы по красоте. Он похож на астру и бывает разных цветов: белый, и лиловый, и коричневый. Удивленье! А монахи с чёрными хвостами! А драконы с жуткими глазами! А почтовые, которые летают со скоростью «Волги»! Восторг!

И ещё из непевчих, но поразительных птиц здесь в больших клетках сидели две попки. То есть два попки. Или нет! Двое попок! Вот. Один был белый, большой, назывался какаду. У него нос был как консервный ножик-открывалка, а из темечка рос целый пучок зелёного луку. А второй был кубинский амазон. Кубинский! Зелёный! А на груди красный галстук, как у пионера. Он всё время на меня смотрел, а я ему улыбался, чтобы он знал, что я ему друг. Но это всё было ещё не самое главное в этом замечательном павильоне. Дело в том, что там был небольшой угол, и, постепенно переходя от клетки к клетке, я добрался и туда, совершенно ещё не зная, что тут-то оно вот и есть, тут-то вот и хранится самое главное несметное сокровище.

Здесь стояли целые толпы народа. И люди отсюда никуда не отходили и не шумели совсем, а стояли плотными рядами. И я, конечно, стал потихоньку ввинчиваться в эти толпы и постепенно провинулся поближе к самому главному. Это были птички амадины. Маленькие-маленькие, белые снежки с блестящими клюквенными клювиками и величиной с полпальца. Откуда они взялись? Они, наверное, нападали с неба. Они, наверное, были осадки, а потом ожили, вышли из сугробов и давай летать-гулять по нашим дворам и переулкам перед окнами, и наконец впорхнули в этот павильон «Свиноводство», и теперь устали и сидят, каждая в своём домике, отды-

хают. А люди стоят перед ними целыми толпами, молча и недвижно, и любят их изо всех сил. Да, да. Все любят. Единогласно. И тут одна тётка с золотым зубом сказала ни с того ни с сего:

— Ну, какие маленькие... Худые... Куда их...

И все на неё оглянулись сурово, а один дедушка скривил рот и ядовито проговорил:

— Конечно, курица — она толще...

И все опять сурово посмотрели на тёткин золотой зуб, а она покраснела и ушла. И все мы, кто стоял тут, поняли, что тётка не в счёт, потому что она не из нашей компании. И мы так молча стояли ещё долго-долго, и я всё не мог наглядеться на этих птиц. Они, видно, были с какого-то седьмого неба, из волшебной жизни, про которую писал Андерсен. Такие они были маленькие, слабые и нежные, но, видно, в том-то их и сила была, у маленьких и слабых, что мы стояли как вкопанные перед ними все — и дети и даже взрослые. И наверное, мы бы никогда отсюда не ушли, но в это время по радио чей-то голос сказал:

— Внимание! Сейчас в павильоне номер два будет проведён конкурс певчих кенарей, начало через десять минут! Просим перейти во второй павильон!

И дедушка, который отбрил тётку, сказал, словно встряхнувшись:

— Надо иттить... Семёновских певцов послушаем. И ушаковских тоже. — Он тронул меня за плечо: — Пошли, мальчик...

И сам двинулся вперёд, и я увидел, что у него валенок сзади прохудился и оттуда торчал пучок соломки.

А во втором павильоне был маленький зал, сцена и стулья. А на сцене, сбоку, стояла кафедра-трибушка для докладчика, а в центре — стол, за который сразу уселись судьи птичьего пения. И я очень удивился, что дедушка, который отбрил тётку, сел в середине этого стола. Оказывается, он был тут главный; я не знаю, но все, кто садился с ним рядом, здоровались с ним за руку и вообще оказывали ему почёт. И когда всё утихло, этот дедушка сказал:

— Ну, Семёнов, давай, что ли...

И откуда-то вышел высокий дядька с орденскими колодками на груди — двенадцать штук наград, я сосчитал. У него в руках был плоский чемодан. Он его открыл. В чемодане было полно маленьких клеток, и в них были канарейки. Он вынул одну клеточку, в ней прыгал жёлтенький лимон. Семёнов поставил эту клетку на кафедру-трибунку, и у Лимончика стал такой вид, как будто он и впрямь серьёзный докладчик, но раз до доклада у него есть ещё минут пять свободных, так он пока попрыгает. Все сохраняли тишину и ждали, когда Лимончик запоёт. Но он и не думал петь. Он всё прыгал и трепыхался. Кто-то сзади меня шепнул:

— Если через десять минут не запоёт, снимут с конкурса. Вот тебе и Семёнов.

А Лимончик всё прыгал туда-сюда, потом уже было решался, открывал клювик, но, словно дразнил всех нас, не начинал петь и снова прыгал по-всякому. Мне уже надоело его ждать, и я хотел уйти, но главный дедушка вдруг сказал, и опять ядовито:

— Ну что, Семёнов, запоёт он когда-нибудь? Или стесняется? А может, он сегодня не в настроении?

Все засмеялись негромко, а на бедного Семёнова жалко было смотреть. Он весь вытянулся к своему Лимончику и стал вдруг ему тихонько так подсвистывать на букву «С»:

— Ссссс... Сссс... Ссссс...

Лимончик внимательно к нему прислушался, посмотрел на него своим блестящим глазком, видно, узнал, раскрыл клювик, но снова раздумал и опять запрыгал как ни в чём не бывало. Дедушка тут же сказал, ему, наверное, нравилось ехидничать:

— Он не в голосе...

От этих дедушкиных слов Семёнов чуть не заплакал. Он вынул спичку и стал скрести ею о коробок. Лимончик никак на это не отозвался. Чихать ему было на спичку. Тогда дедушка рукой подал знак, чтоб Семёнов перестал скрести, и сам наклонился к Лимончику, и вдруг еле слышно... чирикнул! Да! Он чирикнул, а Лимончик как будто только этого и дожидался, весь встrepенулся, вытянулся, напрягся, похудел и запел!

Он пел долго-долго, взахлѐб, свистел горошком, и тянул прямо в одну линию, и по-всякому, как в стихе, «на тысячу ладов тянул, переливался», и всё больше худел, когда пел, словно таял, и всё это время, пока он пел, я пел вместе с ним, только про себя, изнутри. Я пел вместе с Лимончиком и видел, какое счастливое и красное лицо у Семёнова, а у дедушки, наоборот, гордое и ехидное. Это он задавался, что он один сумел заставить птицу петь. И когда Лимончик наконец замолчал и все захлопали, дедушка откинулся на спинку стула и сказал небрежно:

— Золотая медаль! Убирай, Семёнов! Перерыв.

И Семёнов снял Лимончика с кафедры и спрятал в чемодан. И было видно, что у него дрожат руки. А все вокруг встали и зашумели и пошли курить.

И в эту минуту я подумал, что хорошо бы рассказать про все эти дела своим, и я недолго думая побежал на метро, а когда очутился дома, папа и мама уже ждали меня. Папа сказал:

— Рассказывай. Понравилось?

Я сказал:

— Очень!

Мама испугалась:

— Что это за голос? Что с тобой? Почему ты сипишь?

Я сказал:

— Потому что я пел! Я сорвал голос, и вот осип.

Папа воскликнул:

— Где это ты пел, Козловский?

Я сказал:

— Я пел на конкурсе!

— Давай подробности! — сказала мама.

Я сказал:

— Я пел с канарейкой!

Папа прямо закатился.

— Воображаю, — сказал он, — какой был успех! На бис-то вызывали?

— Не смейся, — просипел я, — я пел про себя. Изнутри.

— А! Тогда другое дело, — успокоился папа, — тогда слава богу!

Мама положила мне руку на лоб:

— А как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно, — сказал я ещё более сипло и ни с того ни с сего добавил: — А Лимончик получил золотую медаль...

— Он заговаривается, — чуть не плача сказала мама.

— Просто он переполнен впечатлениями, — объяснил папа, — дай ему горячего молока с боржомом. Мне действует на нервы этот сип...

...А ночью я долго не мог заснуть, я всё вспоминал этот необыкновенный день: наполненный чудесами павильон «Свиноводство», и дедушку, и тётку, и Семёнова, и Лимончика, и самое главное — перед моими глазами всё время летали маленькие и лёгкие снежинки, белые амадины, они прямо вклеились мне в сердце, эти клюквенные клювики, и я лежал, глядел в темноту и знал, что теперь уж никогда их не забуду.

Не смогу.

Сражение у Чистой речки

У всех мальчишек 1-го класса «В» были пистолеты.

Мы так сговорились, чтобы всегда ходить с оружием. И у каждого из нас в кармане всегда лежал хорошенький пистолетик и к нему запас пистонных лент. И нам это очень нравилось, но так было недолго. А всё из-за кино...

Однажды Раиса Ивановна сказала:

— Завтра, ребята, воскресенье. И у нас с вами будет праздник. Завтра наш класс, и первый «А», и первый «Б», все три класса вместе, пойдут в кино «Художественный» смотреть кинокартину «Алые звёзды». Это очень интересная картина о борьбе за наше правое дело... Приносите завтра с собой по десять копеек. Сбор возле школы в десять часов!

Я вечером всё это рассказал маме, и мама положила мне в левый карман десять копеек на билет и в правый несколько монеток на воду с сиропом. И она отгладила мне чистый воротничок. Я рано лёг спать, чтобы поскорее наступило завтра, а когда проснулся, мама ещё спала. Тогда я стал одеваться. Мама открыла глаза и сказала:

— Спи, ещё ночь!

А какая ночь — светло как днём!

Я сказал:

— Как бы не опоздать!

Но мама прошептала:

— Шесть часов. Не буди ты отца, спи, пожалуйста!

Я снова лёг и лежал долго-долго, уже птички запели, и дворники стали подметать, и за окном загудела машина. Уж теперь-то наверняка нужно было вставать. И я снова стал одеваться. Мама зашевелилась и подняла голову:

— Ну чего ты, беспокойная душа?

Я сказал:

— Опоздаем ведь! Который час?

— Пять минут седьмого, — сказала мама, — ты спи, не беспокойся, я тебя разбуджу, когда надо.

И верно, она потом меня разбудила, и я оделся, умылся, поел и пошёл к школе. Мы с Мишей стали в пару, и скоро все

с Раисой Ивановной впереди и с Еленой Степановной позади пошли в кино.

Там наш класс занял лучшие места в первом ряду, потом в зале стало темнеть и началась картина. И мы увидели, как в широкой степи, недалеко от леса, сидели красные солдаты, как они пели песни и танцевали под гармонию. Один солдат спал на солнышке, и недалеко от него паслись красивые кони, они щипали своими мягкими губами траву, ромашки и колокольчики. И веял лёгкий ветерок, и бежала чистая речка, а бородатый солдат у маленького костерка рассказывал сказку про Жар-птицу.

И в это время, откуда ни возьмись, появились белые офицеры, их было очень много, и они начали стрелять, и красные стали падать и защищаться, но тех было гораздо больше...

И красный пулемётчик стал отстреливаться, но он увидел, что у него очень мало патронов, и заскрипел зубами, и заплакал.

Тут все наши ребята страшно зашумели, затопали и зашвистели, кто в два пальца, а кто просто так. А у меня прямо защемило сердце, я не выдержал, выхватил свой пистолет и закричал что было сил:

— Первый класс «В»! Огонь!!!

И мы стали палить изо всех пистолетов сразу. Мы хотели во что бы то ни стало помочь красным. Я всё время палил в одного толстого фашиста, он всё бежал впереди весь в чёрных крестах и разных эполетах; я истратил на него, наверно, сто патронов, но он даже не посмотрел в мою сторону.

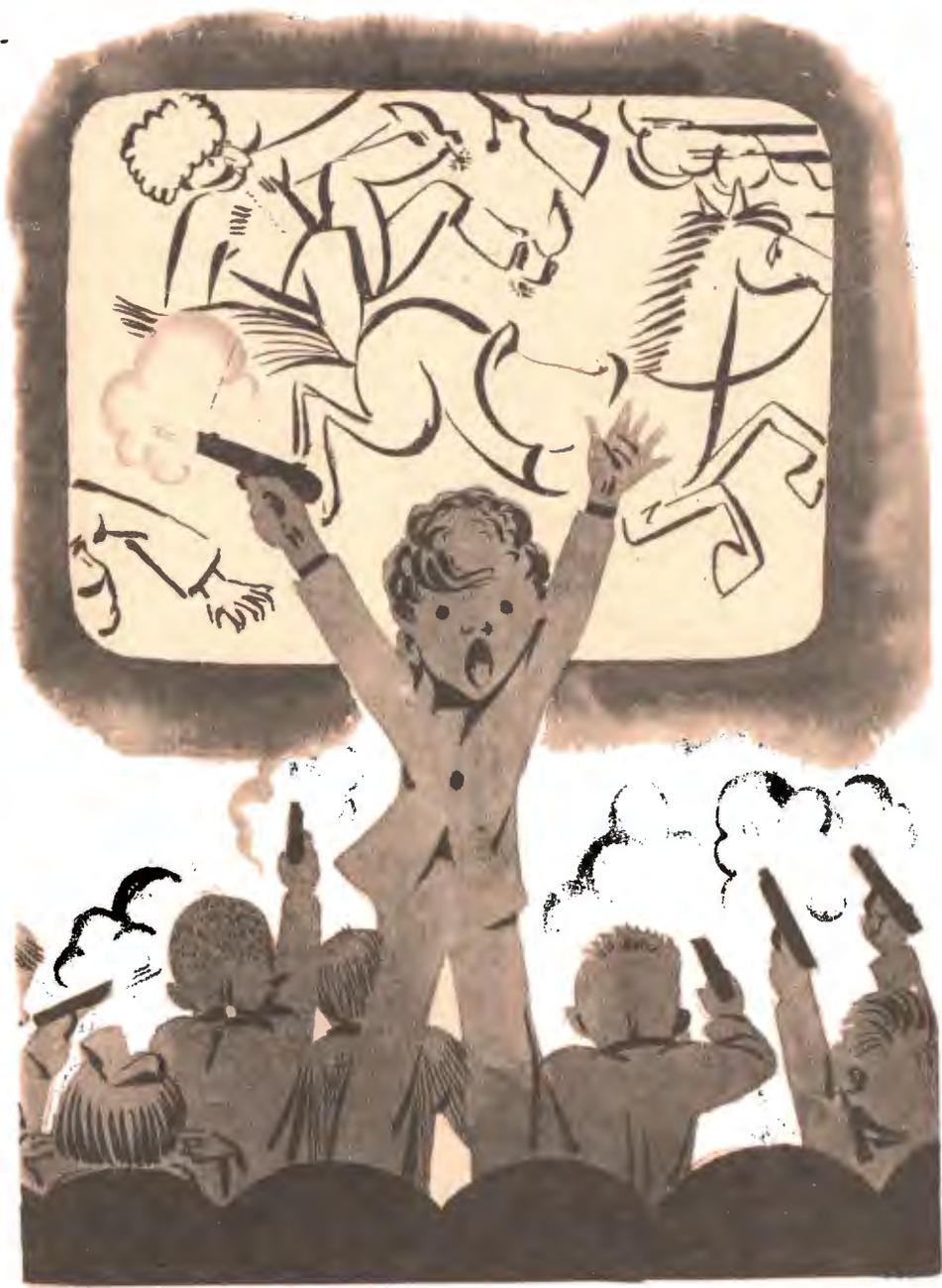
А пальба кругом стояла невыносимая. Валька бил с локтя, Андрюшка короткими очередями, а Мишка, наверно, был снайпером, потому что после каждого выстрела он кричал:

— Готов!

Но белые всё-таки не обращали на нас внимания, а всё лезли вперёд. Тогда я оглянулся и крикнул:

— На помощь! Выручайте же своих!

И все ребята из «А» и «Б» достали пугачи с пробками и давай бахать так, что потолки затряслись и запахло дымом, порохом и серой.

А в зале творилась страшная суета. Раиса Ивановна и Елена Степановна бегали по рядам, кричали:

— Перестаньте безобразничать! Прекратите!

А за ними бежали седенькие контролёры и всё время спотыкались... И тут Елена Степановна случайно взмахнула рукой и задела за локоть гражданку, которая сидела на при- ставном стуле.

А у гражданки в руке было эскимо. Оно взлетело, как про- пеллер, и шлёпнулось на лысину одного дяденьки. Тот вско- чил и закричал тонким голосом:

— Успокойте ваш сумасшедший дом!!!

Но мы продолжали палить вовсю, потому что красный пу- лемётчик уже почти замолчал, он был ранен, и красная кровь текла по его бледному лицу... И у нас тоже почти кончились пистоны, и неизвестно, что было бы дальше, но в это время из-за леса выскочили красные кавалеристы, у них в руках сверкали шашки, и они врезались в самую гущу врагов!

И те побежали куда глаза глядят, за тридевять земель, а красные кричали «Ура!».

И мы тоже все, как один, кричали «Ура!».

И, когда белых не стало видно, я крикнул:

— Прекратить огонь!

И все перестали стрелять, и на экране заиграла музыка, и один парень уселся за стол, и стал есть гречневую кашу.

И тут я понял, что очень устал и тоже хочу есть.

Потом картина кончилась очень хорошо, и мы разошлись по домам.

А в понедельник, когда мы пришли в школу, нас, всех мальчишек, кто был в кино, собрали в большом зале.

Там стоял стол. За столом сидел Фёдор Николаевич, наш директор. Он встал и сказал:

— Сдавай оружие!

И мы все по очереди подходили к столу и сдавали ору- жие. На столе, кроме пистолетов, оказались две рогатки и трубка для стрельбы горохом. Фёдор Николаевич сказал:

— Мы сегодня утром советовались, что с вами делать. Бы- ли разные предложения... Но я объявляю вам всем устный вы-

говор за нарушение правил поведения в закрытых помещениях зрелищных предприятий! Кроме того, у вас, вероятно, будут снижены отметки за поведение. А теперь идите — и учитесь хорошо!

И мы пошли учиться. Но я сидел и плохо учился. Я всё думал, что выговор — это очень скверно и что мама, наверно, будет сердиться...

Но на перемене Мишка Слонов сказал:

— А всё-таки хорошо, что мы помогли красным продержаться до прихода своих!

И я сказал:

— Конечно!!! Хотя это и кино, а может быть, без нас они и не продержались бы!

Кто знает...

девочка на шаре

Один раз мы всем классом пошли в цирк. Я очень радовался, когда шёл туда, потому что мне уже скоро восемь лет, а я был в цирке только один раз, и то очень давно. Главное, Алёнке всего только шесть лет, а вот она уже успела побывать в цирке целых три раза. Это очень обидно. И вот теперь мы всем классом пришли в цирк, и я думал, как хорошо, что я уже большой и что сейчас, в этот раз, всё увижу как следует. А в тот раз я был маленький, я не понимал, что такое цирк. В тот раз, когда на арену вышли акробаты и один полез на голову другому, я ужасно расхохотался, потому что думал, что это они так нарочно делают, для смеху, ведь дома я никогда не видел, чтобы взрослые дядьки карабкались друг на друга. И на улице тоже этого не случалось. Вот я и рассмеялся во весь голос. Я не понимал, что это артисты показывают свою ловкость. И ещё в тот раз я всё больше смотрел на оркестр, как они играют — кто на барабане, кто на трубе, — и дирижёр машет палочкой, и никто на него не смотрит, а все

играют как хотят. Это мне очень понравилось, но пока я смотрел на этих музыкантов, в середине арены выступали артисты. И я их не видел и пропускал самое интересное. Конечно, я в тот раз ещё совсем глупый был.

И вот мы пришли всем классом в цирк. Мне сразу понравилось, что он пахнет чем-то особенным, и что на стенах висят яркие картины, и кругом светло, и в середине лежит красивый ковёр, а потолок высокий, и там привязаны разные блестящие качели. И в это время заиграла музыка, и все кинулись рассаживаться, а потом накупили эскимо и стали есть. И вдруг из-за красной занавески вышел целый отряд каких-то людей, одетых очень красиво — в красные костюмы с жёлтыми полосками. Они встали по бокам занавески, и между ними прошёл их начальник в чёрном костюме. Он громко и немножко непонятно что-то прокричал, и музыка заиграла быстро-быстро и громко, и на арену выскочил артист-жонглёр, и началась потеха! Он кидал шарики, по десять или по сто штук, вверх и ловил их обратно. А потом схватил полосатый мяч и стал им играть... Он и головой его подшибал, и затылком, и лбом, и по спине катал, и каблуком наподдавал, и мяч катался по всему его телу как примагниченный. Это было очень красиво. И вдруг жонглёр кинул этот мячик к нам в публику, и тут уж началась настоящая суматоха, потому что я поймал этот мяч и бросил его в Валерку, а Валерка — в Мишку, а Мишка вдруг нацелился и ни с того ни с сего засветил прямо в дирижёра, но в него не попал, а попал в барабан! Бамм! Барабанщик рассердился и кинул мяч обратно жонглёру, но мяч не долетел, он просто угодил одной красивой тётеньке в причёску, и у неё получилась не причёска, а нахлобучка. И мы все так хохотали, что чуть не померли.

И, когда жонглёр убежал за занавеску, мы долго не могли успокоиться. Но тут на арену выкатили огромный голубой шар, и дядька, который объявляет, вышел на середину и что-то прокричал неразборчивым голосом. Понять нельзя было ничего, и оркестр опять заиграл что-то очень весёлое, только не так быстро, как раньше.

И вдруг на арену выбежала маленькая девочка. Я таких

маленьких и красивых никогда не видел. У неё были синие-синие глаза, и вокруг них были длинные ресницы. Она была в серебряном платье с воздушным плащом, и у неё были длинные руки, она ими взмахнула, как птица, и вскочила на этот огромный голубой шар, который для неё выкатили. Она стояла на шаре. И потом вдруг побежала, как будто захотела спрыгнуть с него, но шар завертелся под её ногами, и она на нём вот так, как будто бежала, а на самом деле ехала вокруг арены. Я таких девочек никогда не видел. Все они были обыкновенные, а эта какая-то особенная. Она бегала по шару своими маленькими ножками, как по ровному полу, и голубой шар вёз её на себе: она могла ехать на нём и прямо, и назад, и налево, и куда хочешь! Она весело смеялась, когда так бегала, как будто плыла, и я подумал, что она, наверно, и есть Дюймовочка, такая она была маленькая, милая и необыкновенная. В это время она остановилась, и кто-то ей подарил разные колокольчатые браслеты, и она надела их себе на туфельки и на руки и снова стала медленно кружиться на шаре, как будто танцевать. И оркестр заиграл тихую музыку, и было слышно, как тонко звенят золотые колокольчики на девочкиных длинных руках. И это всё было как в сказке. И тут ещё потушили свет, и оказалось, что девочка вдобавок умеет светиться в темноте, и она медленно плыла по кругу, и светила, и звенела, и это было удивительно, — я за всю свою жизнь не видел ничего такого подобного.

И когда зажгли свет, все захлопали и завопили «браво», и я тоже кричал «браво». А девочка соскочила со своего шара и побежала вперёд, к нам поближе, и вдруг на бегу перевернулась через голову, как молния, и ещё, и ещё раз, и всё вперёд и вперёд. И мне показалось, что вот она сейчас разобьётся о барьер, и я вдруг очень испугался, и вскочил на ноги, и хотел побежать к ней, чтобы подхватить её и спасти, но девочка вдруг остановилась как вкопанная, раскинула свои длинные руки, оркестр замолк, и она стояла и улыбалась. И все захлопали изо всех сил и даже застучали ногами. И в эту минуту эта девочка посмотрела на меня, и я увидел, что она увидела, что я её вижу и что я тоже вижу, что она

видит меня, и она помахала мне рукой и улыбнулась. Она мне одному помахала и улыбнулась. И я опять захотел побежать к ней, и я протянул к ней руки. А она вдруг послала всем воздушный поцелуй и убежала за красную занавеску, куда убегали все артисты. И на арену вышел клоун со своим петухом и начал чихать и падать, но мне было не до него. Я всё время думал про девочку на шаре, какая она удивительная и как она помахала мне рукой и улыбнулась, и больше уже ни на что не хотел смотреть. Наоборот, я крепко зажмурил глаза, чтобы не видеть этого глупого клоуна с его красным носом, потому что он мне портил мою девочку: она всё ещё мне представлялась на своём голубом шаре.

А потом объявили антракт, и все побежали в буфет пить ситро, а я тихонько спустился вниз и подошёл к занавеске, откуда выходили артисты. Мне хотелось ещё раз посмотреть на эту девочку, и я стоял у занавески и глядел — вдруг она выйдет. Но она не выходила.

А после антракта выступали львы, и мне не понравилось, что укротитель всё время таскал их за хвосты, как будто это были не львы, а дохлые кошки. Он заставлял их пересаживаться с места на место или укладывал их на пол рядом и ходил по львам ногами, как по ковру, а у них был такой вид, что вот им не дают полежать спокойно. Это было неинтересно, потому что лев должен охотиться и гнаться за бизоном в бескрайних пампасах, оглашая окрестности грозным рычанием, приводящим в трепет туземное население, а так получается не лев, а просто я сам не знаю что.

И, когда кончилось и мы пошли домой, я всё время думал про девочку на шаре.

А вечером папа спросил:

— Ну как? Понравилось в цирке?

Я сказал:

— Папа! Там в цирке есть девочка. Она танцует на голубом шаре. Такая славная, лучше всех! Она мне улыбнулась и махнула рукой! Мне одному, честное слово! Понимаешь, папа? Пойдём в следующее воскресенье в цирк! Я тебе её покажу!

Папа сказал:

— Обязательно пойдём. Обожаю цирк!

А мама посмотрела на нас обоих так, как будто увидела в первый раз.

...И началась длинная неделя, и я ел, учился, вставал и ложился спать, играл и даже дрался, и всё равно каждый день думал, когда же придёт воскресенье и мы с папой пойдём в цирк, и я снова увижу девочку на шаре, и покажу её папе, и, может быть, папа пригласит её к нам в гости, и я подарю ей пистолет-браунинг и нарисую корабль на всех парусах.

Но в воскресенье папа не смог идти. К нему пришли товарищи, они копались в каких-то чертежах, и кричали, и курили, и пили чай, и сидели допоздна, и после них у мамы разболелась голова. И папа сказал мне, когда мы убирались:

— В следующее воскресенье, даю клятву Верности и Чести.

И я так ждал следующего воскресенья, что даже не помню, как прожил ещё одну неделю. И папа сдержал своё слово: он пошёл со мной в цирк и купил билеты во второй ряд, и я радовался, что мы так близко сидим, и представление началось, и я начал ждать, когда появится девочка на шаре. Но человек, который объявляет, всё время объявлял разных других артистов, и они выходили и выступали по-всякому, но девочка всё не появлялась. А я прямо дрожал от нетерпения, мне очень хотелось, чтобы папа увидел, какая она необыкновенная в своём серебряном костюме с воздушным плащом и как она ловко бегаёт по голубому шару. И каждый раз, когда выходил объявляющий, я шептал папе:

— Сейчас он объявит её!

Но он, как назло, объявлял кого-нибудь другого, и у меня даже ненависть к нему появилась, и я всё время говорил папе:

— Да ну его! Это ерунда на постном масле! Это не то! А папа говорил, не глядя на меня:

— Не мешай. Это очень интересно! Самое то!

Я подумал, что папа, видно, плохо разбирается в цирке,

раз это ему интересно. Посмотрим, что он запоёт, когда увидит девочку на шаре. Небось подскочит на своём стуле на два метра в высоту...

Но тут вышел объявляющий и своим глухонемым голосом крикнул:

— Ант-пра-кт!

Я просто ушам своим не поверил! Антракт? А почему? Ведь во втором отделении будут только львы! А где же моя девочка на шаре? Где она? Почему она не выступает? Может быть, она заболела? Может быть, она упала и у неё сотрясение мозга?

Я сказал:

— Папа, пойдём скорей узнаем, где же девочка на шаре!

Папа ответил:

— Да, да! А где же твоя эквилибристка? Что-то не видать! Пойдём-ка купим программку!..

Он был весёлый и довольный. Он огляделся вокруг, засмеялся и сказал:

— Ах, люблю... Люблю я цирк! Самый запах этот... Голову кружит...

И мы пошли в коридор. Там толклось много народу, и продавались конфеты и вафли, и на стенках висели фотографии разных тигриных морд, и мы побродили немного и нашли наконец контролёршу с программками. Папа купил у неё одну и стал просматривать. А я не выдержал и спросил у контролёрши:

— Скажите, пожалуйста, а когда будет выступать девочка на шаре?

Она сказала:

— Какая девочка?

Папа сказал:

— В программе указана эквилибристка на шаре Т. Воронцова. Где она?

Я стоял и молчал.

Контролёрша сказала:

— Ах, вы про Танечку Воронцову? Уехала она. Уехала. Что ж вы поздно хватились?

Я стоял и молчал.

Папа сказал:

— Мы уже две недели не знаем покоя. Хотим посмотреть эквилибристку Т. Воронцову, а её нет.

Контролёрша сказала:

— Да она уехала... Вместе с родителями... Родители у неё «Бронзовые люди — 2 Яворск». Может, слышали? Очень жаль... Вчера только уехали.

Я сказал:

— Вот видишь, папа...

Он сказал:

— Я не знал, что она уедет. Как жалко... Ох ты боже мой!.. Ну что ж... Ничего не поделаешь...

Я спросил у контролёрши:

— Это, значит, точно?

Она сказала:

— Точно.

Я сказал:

— А куда, неизвестно?

Она сказала:

— Во Владивосток.

Вон куда. Далеко. Владивосток. Я знаю, он помещается в самом конце карты, от Москвы направо.

Я сказал:

— Какая даль.

Контролёрша вдруг заторопилась:

— Ну идите, идите на места, уже гасят свет!

Папа подхватил:

— Пошли, Дениска! Сейчас будут львы! Косматые, рычат — ужас! Бежим смотреть!

Я сказал:

— Пойдём домой, папа.

Он сказал:

— Вот так раз...

Контролёрша засмеялась. Но мы подошли к гардеробу, и я протянул номер, и мы оделись и вышли из цирка. Мы пошли по бульвару и шли так довольно долго, потом я сказал:

— Владивосток — это на самом конце карты. Туда, если поездом, целый месяц проедешь...

Папа молчал. Ему, видно, было не до меня. Мы прошли ещё немного, и я вдруг вспомнил про самолёты и сказал:

— А на «ТУ-104» за три часа — и там!

Но папа всё равно не ответил. Он молча шагал и крепко держал меня за руку. Когда мы вышли на улицу Горького, он сказал:

— Зайдём в кафе «Мороженое». Смутузим по две порции, а?

Я сказал:

— Не хочется что-то, папа.

Он сказал:

— Там подают воду, называется «Кахетинская». Нигде в мире не пил лучшей воды.

Я сказал:

— Не хочется, папа.

Он не стал меня уговаривать. Он прибавил шагу и крепко сжал мою руку. Мне стало даже больно. Он шёл очень быстро, и я еле-еле поспевал за ним. Отчего он шёл так быстро? Почему он не разговаривал со мной? Мне захотелось на него взглянуть. Я поднял голову. У него было очень серьёзное и грустное лицо.

расскажите мне про Сингапур

Мы с папой поехали на воскресенье в гости, к родным. Они жили в маленьком городе под Москвой, и мы на электричке быстро доехали.

Дядя Алексей Михайлович и тётя Мила встретили нас на перроне.

Алексей Михайлович сказал:

— Ого, Дениска-то как возмужал!

А тётя Мила сказала:

— Иди, Денёк, со мной рядом. — И спросила: — Это что за корзинка?

Я сказал:

— Здесь пластилин, карандаши и пистолеты...

Тётя Мила засмеялась, и мы пошли через рельсы, мимо станции, и вышли на мягкую дорогу: по бокам дороги стояли деревья. И я быстро разулся и пошёл босиком, и было немного щекотно и колко ступням, так же как и в прошлом году, когда я в первый раз после зимы пошёл босиком. И в это время дорога повернула к берегу, и в воздухе запахло рекой и ещё чем-то сладким, и я стал бегать по траве, и скакать, и кричать: «О-га-га-а!» И тётя Мила сказала:

— Телячий восторг.

Когда мы пришли, было уже темно, и все сели на террасе пить чай, и мне тоже налили большую чашку.

Вдруг Алексей Михайлович сказал папе:

— Знаешь, сегодня в ноль сорок к нам приедет Харитоша. Он у нас пробудет целые сутки, завтра только ночью уедет. Он проездом.

Папа ужасно обрадовался.

— Дениска, — сказал он, — твой двоюродный дядька Харитон Васильевич приедет! Он давно хотел с тобой познакомиться!

Я сказал:

— А почему я его не знаю?

Тётя Мила опять засмеялась:

— Потому что он живёт на Севере, — сказала она, — и редко бывает в Москве.

Я спросил:

— А он кто такой?

Алексей Михайлович поднял палец кверху:

— Капитан дальнего плавания — вот он кто такой.

У меня даже мурашки побежали по спине. Как? Мой двоюродный дядька — капитан дальнего плавания? И я об этом только что узнал? Папа всегда так — про самое главное вспоминает совершенно случайно!

Я сказал:

— Что ж ты не говорил мне, папа, что у меня есть дядя, капитан дальнего плавания? Не буду тебе сапоги чистить!

Тётя Мила снова расхохоталась. Я уже давно заметил, что тётя Мила смеётся кстати и некстати. Сейчас она засмеялась некстати. А папа сказал:

— Я тебе говорил ещё в позапрошлом году, когда он приехал из Сингапура, но ты тогда был ещё маленький. И ты, наверно, забыл. Но ничего, ложись-ка спать, завтра ты с ним увидишься!

Тут тётя Мила взяла меня за руку и повела с террасы в дом, и мы прошли через маленькую комнатку в другую, такую же. Там в углу приткнулась узенькая тахтюшка. А около окна стояла большая цветастая ширма.

— Вот здесь и ложись, — сказала тётя Мила. — Раздевайся! А корзинку с пистолетами я поставлю в ногах.

Я сказал:

— А папа где будет спать?

Она сказала:

— Скорее всего, на террасе. Ты знаешь, как твой папа любит свежий воздух. А что? Ты будешь бояться?

Я сказал:

— И нисколько.

Разделся и лёг.

Тётя Мила сказала:

— Спи спокойно, мы тут, рядом.

И ушла.

А я улёгся на тахтюшке и укрылся большим клетчатым платком. Я лежал и слышал, как тихо разговаривают на террасе и смеются, и я хотел спать, но всё время думал про своего капитана дальнего плавания.

Интересно, какая у него борода? Неужели растёт прямо из шеи, как я видел на картинке? А трубка какая? Кривая или прямая? А кортик — именной или простой? Капитанов дальнего плавания часто награждают именными кортиками за проявленную смелость. Конечно, ведь они во время своих рейсов каждый день насакивают на айсберги, или встречают огромных китов и белых медведей, или спасают людей с терпящих

бедствие кораблей. Ясно, что тут надо проявлять смелость, иначе сам пропадёшь со всеми матросами вместе и корабль погубишь. А если такой корабль, как атомный ледокол «Ленин», — погубить жалко небось, да? А вообще-то говоря, капитаны дальнего плавания не обязательно ездят только на Север, есть такие, которые в Африке бывают, и у них на корабле живут обезьянки и мангусты, которые уничтожают змей, я про это читал в книжке. Вот мой капитан дальнего плавания — он в позапрошлом году приехал из Сингапура. Удивительное слово какое: «Сингапур»!.. Я обязательно попрошу своего дядю рас-

сказать мне про Сингапур: какие там люди, какие там дети, какие лодки и паруса... Обязательно попрошу рассказать. И я так долго думал, и незаметно уснул...

А в середине ночи я проснулся от страшного рычания. Это, наверно, какая-то собака забралась в комнату, учуяла, что я здесь сплю, и это ей не понравилось. Она рычала страшным образом, откуда-то из-под ширмы, и мне казалось, что я в темноте вижу её наморщенный нос и оскаленные белые зубы. Я хотел позвать папу, но вспомнил, что он спит далеко, на террасе, и я подумал, что я никогда ещё не боялся собак и теперь нечего трусить. Всё-таки мне уже скоро восемь.

Я крикнул:
— Тубо! Спать!

И собака сразу замолчала.

Я лежал в темноте с открытыми глазами. В окошко ничего не было видно, только чуть виднелась одна ветка. Она была похожа на верблюда, как будто он стоит на задних лапах и служит. Я поставил одеяло козырьком перед глазами, чтобы не видеть верблюда, и стал повторять таблицу умножения на семь, от этого я всегда быстро засыпаю. И верно: не успел я дойти до семью семь — сорок семь, как у меня в голове всё закачалось, и я почти уснул, но в это время в углу за ширмой собака, которая, наверно, тоже не спала, опять зарычала. Да как! В сто раз страшнее, чем в первый раз. У меня даже внутри что-то ёкнуло. Но я всё-таки закричал на неё:

— Тубо! Лежать! Спать сейчас же!..

Она опять чуточку притихла. А я вспомнил, что моя дорожная корзинка стоит у меня в ногах и что там, кроме моих вещей, лежит ещё пакет с едой, который мама положила мне на дорогу. И я подумал, что если эту собаку немножко прикормить, то она, может быть, пойдёт и перестанет на меня рычать. И я сел, стал рыться в корзинке, и хотя в темноте трудно было разобраться, но я всё-таки вытащил оттуда котлету и два яйца — мне как раз не было их жалко, потому что они были сварены всмятку. И как только собака опять зарычала, я кинул ей за ширму одно за другим оба яйца:

— Тубо! Есть! И сразу спать!..

Она сначала помолчала, а потом зарычала так свирепо, что я понял: она тоже не любит яйца всмятку. Тогда я метнул в неё котлету. Было слышно, как котлета шлёпнулась об неё, собака гамкнула и перестала рычать.

Я сказал:

— Ну вот. А теперь — спать! Сейчас же!

Собака уже не рычала, а только сопела. Я укрылся плотнее и уснул...

Утром я вскочил от яркого солнца и побежал в одних трусиках на террасу. Папа, Алексей Михайлович и тётя Мила сидели за столом. На столе была белая скатерть и полная та-

релка красной редиски, и это было очень красиво, и все были такие умытые, свежие, что мне сразу стало весело, и я побежал во двор умываться. Умывальник висел с другой стороны дома, где не было солнца, там было холодно, и кора у дерева была прохладная, и из умывальника лилась студёная вода, она была голубого цвета, и я там долго плескался, и совсем озяб, и побежал завтракать. Я сел за стол и стал хрустеть редиской, и заедать её чёрным хлебом, и солить, и славно мне было — так и хрустел бы целый день. Но потом я вдруг вспомнил самое главное!

Я сказал:

— А где же капитан дальнего плавания?! Неужели вы меня обманули?

Тётя Мила рассмеялась, а Алексей Михайлович сказал:

— Эх, ты! Всю ночь проспал с ним рядом и не заметил... Ну ладно, сейчас я его приведу, а то он проспал весь день. Устал с дороги.

Но в это время на террасу вышел высоченный человек с красным лицом и зелёными глазами. Он был в пижаме. Никакой бороды на нём не было. Он подошёл к столу и сказал ужасным басом:

— Доброе утро! А это кто? Неужели Денис?

У него было столько голоса, что я даже удивился, где он у него помещается.

Папа сказал:

— Да, эти сто граммов веснушек — вот это и есть Денис, только и всего. Познакомьтесь. Денис, вот твой долгожданный капитан!

Я сразу встал. Капитан сказал:

— Здорово!

И протянул мне руку. Я пожал её. Она была твёрдая, как доска.

Капитан был очень симпатичный. Но уж очень страшный был у него голос. И потом, где же кортик? Пижамы какая-то. Ну, а трубка где? Всё равно уж — прямая или кривая, ну хоть какая-нибудь! Не было никакой...

— Как спал, Харитоша? — спросила тётя Мила.

— Плохо! — сказал капитан. — Не знаю, в чём дело. Всю ночь на меня кто-то кричал. Только, понимаете ли, начну засыпать, как кто-то кричит: «Спать! Спать сейчас же!» А я от этого только просыпаюсь! Потом усталость берёт своё, всё-таки пять дней в пути, глаза слипаются, я опять начинаю дремать, проваливаюсь, понимаете ли, в сон, опять крик: «Спать! Лежать!» А в завершение всей этой чертовщины на меня стали падать откуда-то разные продукты — яйца, что ли... Помоему, я во сне слышал запах котлет. И ещё всё мне сквозь сон слышались какие-то непонятные слова: не то «куш», не то «апорт!»...

— «Тубо!» — сказал я. — «Тубо», а не «апорт!». Потому что я думал — там собака... Кто-то так рычал!

— Я не рычал. Я, наверно, храпел?..

Это было ужасно. Я понял, что он никогда не подружится со мной. Я встал и вытянул руки по швам. Я сказал:

— Товарищ капитан! Было очень похоже на рычанье. И я, наверно, немножко испугался.

Капитан сказал:

— Вольно, Садись.

Я сел за стол и почувствовал, что у меня в глазах как будто песку насыпало, колет, и я не могу смотреть на капитана. Мы все долго молчали.

Потом он сказал:

— Имей в виду, я совершенно не сержусь.

Но я всё-таки не мог на него посмотреть.

Тогда он сказал:

— Клянусь своим именовым кортиком.

Он сказал это таким весёлым голосом, что у меня сразу словно камень упал с души.

Я подошёл к капитану и сказал:

— Дядя, расскажите мне про Сингапур.

Уюют колёса — тра-та-та

Этим летом папе нужно было съездить по делу в город Ясногорск, и в день отъезда он сказал:

— Возьму-ка я Дениску с собой!

Я сразу посмотрел на маму. Но мама молчала.

Тогда папа сказал:

— Ну что ж, пристегни его к своей юбке. Пусть он ходит за тобой пристёгнутый.

Тут у мамы глаза сразу стали зелёные, как крыжовник. Она сказала:

— Делайте что хотите! Хоть в Антарктиду!

И вышла из комнаты.

И в этот же вечер мы с папой сели в поезд и поехали. В нашем вагоне было много разного народу: старушки и солдаты, и просто молодые парни, и проводники, и маленькая девчонка. И было очень весело и шумно, и мы открыли консервы, и пили чай из стаканов в подстаканниках, и ели колбасу большими кусками. А потом один парень снял пиджак и остался в майке; у него были белые руки и круглые мускулы, прямо как шары. Он достал с третьей полки гармошку и заиграл, и спел грустную песню про комсомольца, как он упал на траву, возле ног у коня, и закрыл свои карие очи, и красная кровь стекала на зелёную траву.

Я подошёл к окошку и стоял, и смотрел, как мелькают в темноте огоньки, и всё думал про этого комсомольца, что я бы тоже вместе с ним поскакал в разведку и его, может быть, тогда не убили бы.

А потом папа подошёл ко мне, и мы с ним вдвоём помолчали, и папа сказал:

— Не скучай. Мы послезавтра вернёмся, и ты расскажешь маме, как было интересно.

Он отошёл и стал стелить постель, а потом подозвал меня и спросил:

— Ты где ляжешь? К стенке?

Но я сказал:

— Лучше ты ложись к стенке. А я с краю.

Папа лёг к стенке, на бок, а я лёг с краю, тоже на бок, и колёса застучали: трата-та-трата-та...

И вдруг я проснулся оттого, что я наполовину висел в воздухе и одной рукой держался за столик, чтоб не упасть. Видно, папа во сне очень разметался и совсем меня вытеснил с полки. Я хотел устроиться поудобней, но в это время сон с меня соскочил, и я присел на краешек постели и стал разглядывать всё вокруг себя.

В вагоне уже было светло, и отовсюду свисали разные ноги и руки. Ноги были в разноцветных носках или просто босиком, и была одна маленькая девчонская нога, похожая на коричневую чурочку.

Наш поезд ехал очень медленно. Колёса тарахтели. Я увидел, что зелёные ветки почти касаются наших окон, и получалось, что мы едем, как по лесному коридору, и мне захотелось посмотреть, как оно так выходит, и я побежал босиком в тамбур.

Там дверь была открыта настежь, и я ухватился за перильца и осторожно свесил ноги.

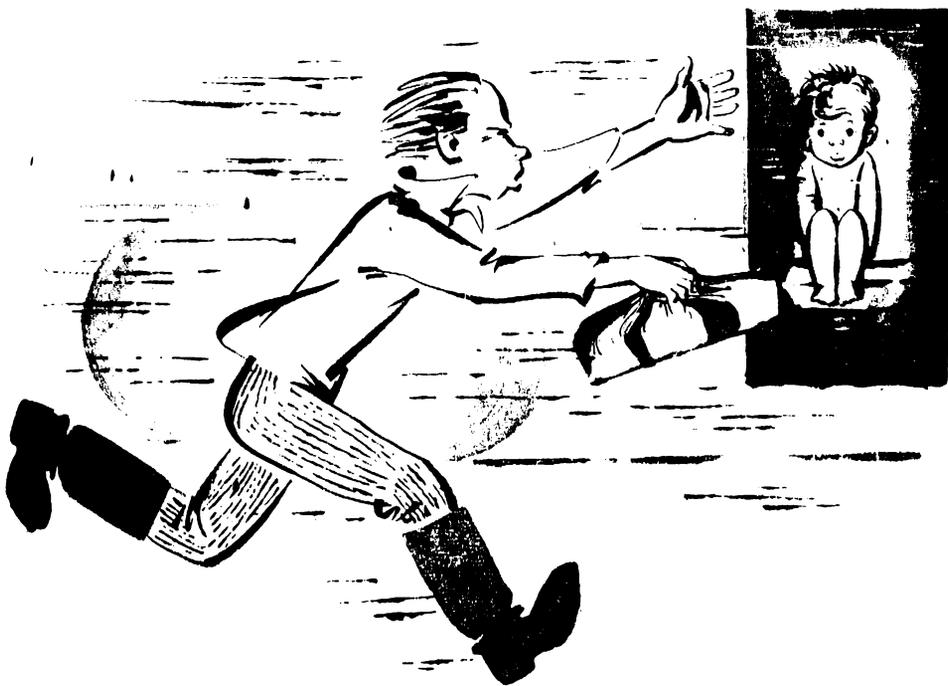
Сидеть было холодно, потому что я был в одних трусиках, и железный пол меня прямо заолодил, но потом он согрелся, и я сидел, подсунув руки под мышки. Ветер был слабый, еле еле дул, а поезд шёл медленно-медленно, он поднимался в гору, колёса тарахтели, и я потихоньку к ним подладился и сочинил песню:

Вот мчится поезд — красота!
Стучат колёса — тра-та-та!

И случайно я посмотрел направо и увидел конец нашего поезда: он был полукруглый, как хвост.

Я тогда посмотрел налево и увидел наш паровоз: он всю карабкался вверх, как какой-нибудь жук. И я догадался, что здесь поворот.

А рядом с поездом была тропочка, совсем узкая, и я увидел, что впереди по этой тропочке идёт человек. Издалека мне показалось, что он совсем маленький, но поезд всё-таки

шёл побыстрее его, и я постепенно увидел, что он большой, и на нём голубая рубашка, и что он в тяжёлых сапогах. По этим сапогам было видно, что он уже устал идти. Он держал что-то в руках.

Когда поезд его догнал, этот дядька вдруг спустился со своей тропочки и побежал рядом с поездом, сапоги его хрупали по камешкам, и камешки разлетались из-под тяжёлых сапог в разные стороны. И тут я поравнялся с ним, и он протянул мне решето, затянутое полотенцем, и всё бежал рядом со мной, и лицо у него было красное и мокрое. Он крикнул:

— Держи решето, малый! — и ловко сунул мне его на колени.

Я вцепился в это решето, а дяденька ухватился за перильца, подтянулся, вскочил на подножку и сел рядом со мной. Он вытер лицо рубашкой и сказал:

— Еле взлез...

Я сказал:

— Нате ваше решето.

Но он не взял. Он сказал:

— Тебя как звать?

Я ответил:

— Денис.

Он кивнул головой и сказал:

— А моего — Серёжка.

Я спросил:

— Он в каком классе?

Дяденька сказал:

— Во втором.

— Надо говорить: во втором, — сказал я.

Тут он сердито засмеялся и стал стаскивать полотенце с решета. Под полотенцем лежали серебристые листья, и оттуда пошёл такой запах, что я чуть не сошёл с ума. А дяденька стал аккуратно снимать эти листья один за одним, и я увидел, что это — полное решето малины. И хотя она была очень красная, она была ещё и серебристая, седая, что ли; и каждая ягодка лежала отдельно, как будто твёрдая. Я смотрел на малину во все глаза.

— Это её холодком прикрыло, ишь притуманилась, — сказал дядька. — Ешь давай!

И я взял ягоду и съел, и потом ещё одну, и тоже съел, и придавил языком, и стал так есть по одной, и просто таял от удовольствия, а дяденька сидел и смотрел на меня, и лицо у него было такое, как будто я болен и ему жалко меня. Он сказал:

— Ты не по одной. Ты пригоршней.

И отвернулся. Наверно, чтоб я не стеснялся. Но я его ни сколько не стеснялся: я добрых не стесняюсь, я стал сразу есть пригоршней и решил, что пусть я лопну, но всё равно я эту малину съем всю.

Никогда ещё не было так вкусно у меня во рту и так хорошо на душе. Но потом я вспомнил про Серёжу и спросил у дяденьки:

— А Серёжа ваш уже ел?

— Как же не ел, — сказал он, — было, и он ел.

Я сказал:

— Почему же было? А например, сегодня он уже ел? Дяденька снял сапог и вытряхнул оттуда мелкий камешек.

— Вот ногу мозолит, терзает, скажи ты! А вроде такая малость.

Он помолчал и сказал:

— И душу вот такая малость может в кровь истерзать. Серёжка, браток, теперь в городе живёт, уехал он от меня.

Я очень удивился. Вот так парень! Во втором классе, а от отца удрал!

Я сказал:

— А он один удрал или с товарищем?

Но дяденька сказал сердито:

— Зачем — один? С мамой со своей! Ей, видишь ли, учиться приспичило! У ней там родичи, друзья-приятели разные... Вот и выходит кино: Серёжка в городе живёт, а я здесь. Нескладно, а?

Я сказал:

— Не волнуйтесь, выучится на машиниста и приедет. Подождите.

Он сказал:

— Долго больно ждать.

Я сказал:

— А он в каком городе живёт?

— В Курском.

Я сказал:

— Нужно говорить: в Курске.

Тут дяденька опять засмеялся — хрипло, как простуженный, а потом перестал. Он наклонился ко мне поближе и сказал:

— Ладно, учёная твоя голова. Я тоже выучусь. Война меня в школу не пустила. Я в твои годы кору варил и ел. — И тут он задумался. Потом вдруг встрепенулся и показал на лес: — Вот в этом самом лесу, браток. А за ним, гляди, сейчас село

Красное будет. Моими руками это село построено. Я там и соскочу.

Я сказал:

— Я ещё одну только горсточку съем, и вы завязывайте свою малину.

Но он придержал решето у меня на коленях:

— Не в том дело. Возьми себе.

Он положил мне руку на голую спину, и я почувствовал, какая тяжёлая и твёрдая у него рука, сухая, горячая и шершавая, а он прижал меня крепко к своей голубой рубашке, и он был весь тёплый, и от него пахло хлебом и табаком, и было слышно, как он дышит медленно и шумно.

Он так подержал меня немножко и сказал:

— Ну, бывай, сынок. Смотри, веди хорошо...

Он погладил меня и вдруг сразу спрыгнул на ходу. Я не успел опомниться, а он уже отстал, и я опять услышал, как хрупают камешки под его тяжёлыми сапогами.

И я увидел, как он стал удаляться от меня, быстро пошёл вверх на подъём, хороший такой человек в голубой рубашке и тяжёлых сапогах.

И скоро наш поезд стал идти быстрее, и ветер стал чересчур сильный, и я взял решето с малиной и понёс его в вагон, и дошёл до папы.

Малина уже начала оттаивать и не была такая седая, но пахла всё равно как целый сад.

А папа спал; он раскинулся на нашей полке, и мне совершенно негде было приткнуться, и некому было показать эту малину и рассказать про дядьку в голубой рубашке и про его сына.

В вагоне все спали, и вокруг по-прежнему висели разноцветные пятки.

Я поставил решето на пол и увидел, что у меня весь живот, и руки, и колени красные, — это был малиновый сок, и я подумал, что надо сбегать умыться, но вдруг начал клевать носом.

В углу стоял большой чемодан, перевязанный крест-накрест, он стоял торчком; мы на нём вчера резали колбасу и

открывали консервы. Я подошёл к нему и положил на него локти и голову, и сразу поезд стал особенно сильно стучать, и я пригрелся и долго слушал этот стук, и опять в моей голове запелась песня:

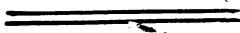
Вот мчится поезд —
кра-
со-
та!

Поют колёса —
тра-
та-
та!

СОДЕРЖАНИЕ

«Он живой и светится...»	5
Тайное становится явным	8
Мотогонки по отвесной стене	12
Слава Ивана Козловского	17
Рыцари	22
Старый мореход	26
Англичанин Павля	32
Что я люблю...	35
...и чего не люблю	38
Что любит Мишка	39
Друг детства	42
Шляпа грессмейстера	46
«Где это видано, где это слыхано...»	51
Человек с голубым лицом	58
Смерть шпиона Гадюкина	67
Пожар во флигеле, или Подвиг во льдах...	75
Арбузный переулоч	82
Профессор кислых щей	87
Красный шарик в синем небе	90
Кот в сапогах	101

Слон и радио	106
На Садовой большое движение	111
Рабочие дробят камень	118
Белые амадины	124
Сражение у Чистой речки	131
Девочка на шаре	135
Расскажите мне про Сингапур	143
Поют колёса — тра-та-та...	150

**Для младшего школьного
возраста**

Драгунский Виктор Юзевич

ПОЮТ КОЛЕСА ТРА-ТА-ТА

Ответственный редактор Л. И. Доукша
Художественный редактор Е. М. Гуркова
Технический редактор С. Г. Маркович
Корректоры В. К. Мирингоф и Е. И. Щербякова

Сдано в набор 8/V 1968 г. Подписано к печати 7/VIII 1968 г.
Формат 70×92¹/₁₆. Печ. л. 10. Усл. печ. л. 11,7 (Уч.-изд. л. 8,72).
Тираж 150 000 экз. ТП 1968 № 209 Цена 39 коп. на бум. № 2
Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1.

Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглавополи-
графпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР.
Калинин, проспект 50-летия Октября, 46. Заказ № 439.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
В 1968 ГОДУ ВЫШЛИ И ВЫХОДЯТ КНИГИ:

Георгиевская С.
РАССКАЗЫ И СКАЗКИ.

*

Голявкин В.
ТЫ ПРИХОДИ К НАМ, ПРИХОДИ.

В книге две повести: „Ты приходи к нам, приходи“ и „Рисунки на асфальте“.

*

Журавлёва З.
ПУТЬКА.

Весёлая повесть о девочке и собаке Путьке.

*

Коршунов М.
ШКОЛЬНАЯ ВСЕЛЕННАЯ.

Повесть о ребятах — школьниках, о том, как первоклассники изучают алгебру, „ведут бой“ за выигрыши в клубе „Весёлых и находчивых“, о жизни их дома.

*

Медведев В.
БАРАНКИН, БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ!

Весёлая повесть-сказка о приключениях двух друзей-школьников.

*

Носов Н.
НЕЗНАЙКА НА ЛУНЕ.

Сказка о приключениях Незнайки, который отправляется в космический полёт на Луну.

Цена 39 коп.

Издательство "Детская литература"